アクセル
ワールド
09
七千年の祈り
川原 礫
イラスト／HIMA
accel World 09
電撃文庫

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

– Нет вам прощенья. Я убью вас. Убью вас всех. Я буду убивать вас, пока у вас не кончатся бёрст поинты, и вы не исчезнете из Ускоренного Мира.

Вновь превратившийся в Хром Дизастера Харуюки обрушивает свою демоническую силу на подстроивших засаду Аш Роллеру аватаров и мгновенно уничтожает их. Тем самым он окончательно сливается с Бронёй Бедствия на очень глубоком уровне.

В поисках новых врагов Сильвер Кроу летит по Ускоренному Миру. И ненависть его направлена в сторону Общества Исследования Ускорения, создавших ISS комплекты.

Берсерк, которого никто не в силах обуздать. Лишь один аватар встаёт на его пути.

И имя ему Грин Гранде.

Неуязвимый Зелёный Король, вооружённый сильнейшим щитом «Конфликт», вступает в бой с безумным проклятым аватаром!

Окончание арки Брони Бедствия!

- Рэки Кавахара
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Послесловие
  - Послесловие команды
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18

Рэки Кавахара
Ускоренный мир 9
Семитысячелетняя молитва

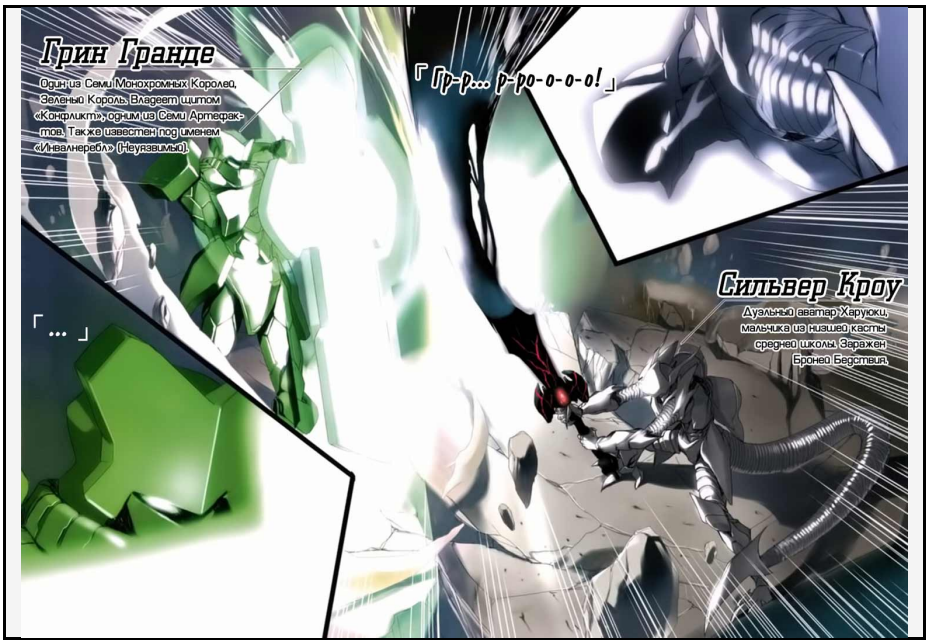
Над переводом работала команда RuRa-team

Перевод с японского: arknarok

Эдит: Moxnat

Контроль качества: Soundwave1900

Редактура: Ametrin


Грин Гранде
Один из Семи Монохромных Королей, Зеленый Король. Владеет щитом «Конфликт», одним из Семи Артефактов. Также известен под именем «Инвалнеребл» (Неуязвимый).
「Гр-р... р-ро-о-о-о!」
「... 」
Сильвер Кроу
Дуэльный аватар Харуюки, мальчика из низшей касты средней школы. Заражен Бронёй Бедствия.

Рин
Таинственная девушка.
Остановила Харуюки, когда
он пытался бежать из дома.
「...Я люблю тебя.」
「Н-но... но ведь...」

Черноснежка
Зампредседателя школьного совета средней школы Умесато. Управляет Черной Королевой Блэк Лотос.
「Харуюки, ты — мой. И я никогда не сдамся. Я никогда не смирюсь с тем, что могу потерять тебя. Клянусь.」
「Сем... пай...」

「 Вот, что я решила. Прошу... исчезни из этого мира. 」
「 Не... может... 」

Список способностей и спецприемов «Брони Бедствия»

Усиливающее Снаряжение

Вытягивание здоровья
Похищает здоровье атакованного аватара, восполняя собственное. Собственная способность «Брони».

Просчет будущего
Обнаруживает и сканирует вражеские атаки, выводя информацию о типе, радиусе действия, уровне опасности и траектории. Собственная способность «Брони».

Звездомёт
Зловещий двуручный меч. Собственное Усиливающее Снаряжение «Брони».

Мгновенный скачок
Превращает тело аватара в маленькие частицы и моментально псевдотелепортирует их на значительное расстояние. Спецприем Первого Хром Дизастера, Хром Фалькона.

Огненное дыхание
Поражает противника огнем из пасти аватара. Противник будет продолжать гореть, пока пламя не потухнет. Спецприем Второго Хром Дизастера.

Крючковатая проволока
Выпускает тонкую металлическую нить из ладони. Она цепляется за цель крючком, после чего ее можно притянуть к себе. Техника обладает внушительным радиусом действия. Прицепив проволоку к стационарным объектам, можно очень быстро передвигаться. Способность Пятого Хром Дизастера, Черри Рука.

Скоростной полет
Единственная во всем Ускоренном Мире способность передвигаться с помощью крыльев на спине. Способность Шестого Хром Дизастера, Сильвер Кроу.

Лазерный меч
Превращает ладонь аватара в подобие клинка, способного кромсать врагов. За счет увеличенного радиуса атаки может поражать и врагов, стоящих на расстоянии от аватара. Инкарнационная техника Шестого Хром Дизастера, Сильвер Кроу.

Лазерное копье
Превращает ладонь аватара в подобие копья, способного пронзать врагов. Зона поражения значительно больше, чем у Лазерного меча. Инкарнационная техника Шестого Хром Дизастера, Сильвер Кроу.

Глава 1

Убить.
Убить их всех.

В его голове остались лишь эти позывы. Их уже нельзя было назвать мыслями. По телу Харуюки Ариты льдом и пламенем текла жажда отрубать, разрывать и терзать своих врагов.

— Гр-р... — звериным голосом прорычал он и перехватил клинок правой рукой.

Серебро Сильвер Кроу, его дуэльного аватара, уже утратило свой чистый оттенок. Вместо этого оно стало мрачным, тёмно-хромированным. Тонкие гладкие конечности покрылись заострёнными кольцами металлической брони. Они же скрывали и туловище аватара. Но страшнее всего выглядел шлем. Когда-то он был круглым, но теперь напоминал челюсти хищного зверя. Похожие на клыки выступы полностью скрывали зеркальный щиток, бывший лицом его старого аватара.

И вся эта броня была не просто Усиливающим Снаряжением, не просто определённой файтингом «Brain Burst» экипировкой.

Сильнейшее вооружение этой игры — Семь Артефактов, также известные как «Звёздное Снаряжение». Когда-то эта броня занимала место шестой звезды, Эты, и была известна как Судьба. Но глубокая ярость и скорбь одного бёрст линкера исказили её вид, и одновременно с этим заставили её слиться с могущественным мечом под названием «Звездомёт»[1]. Она стала Бронёй Бедствия, едва не разрушившей только-только зарождавшийся Ускоренный Мир. Её удалось усмирить, но она всегда возрождалась. За все эти годы экипировка «Дизастер» превзошла по силе даже сами легендарные Артефакты. А теперь она полностью покрывала тело Харуюки.

Но уже нельзя было сказать, что он «призвал» или «экипировал» её. Харуюки сам стал Бронёй, а Броня стала им. Разрушительные позывы Бедствия слились в одно целое с сознанием Харуюки. Он уже не слышал даже того голоса Брони, что говорил с ним.

Харуюки шептал слова уже по своей собственной воле.

— Я... убью вас всех.

Под глазами парившего на демонических крыльях аватара была улица Мейдзи, примыкавшая к северной границе парка Миясита в Сибуе, вернее, их воплощение на уровне «Город Демонов» в Ускоренном Мире. На дороге кольцом стояли шестеро бёрст линкеров и смотрели на нависшего над ними незваного

гостя.

В центре этого кольца мерцали два слабых огонька.

Один — зелёный, словно трава. Второй — серый, словно пепел. «Маркеры смерти», показывавшие точки гибели бёрст линкера на неограниченном нейтральном поле. Зелёный принадлежал Буш Утану из Зелёного Легиона Грейт Волл. Серый принадлежал его братану и вечному сопернику Харуюки, байкеру Аш Роллеру.

Окружали огоньки шестеро аватаров, раз за разом жестоко убивавшие этих бёрст линкеров. Пятерых из них Харуюки, можно сказать, видел в первый раз. Но он уже успел вспомнить шестого, того, который только что прикончил Аша.

Худой, но с весьма массивными руками. Его цвет — тёмно-зелёный с коричневым оттенком. Звали его «Олив Граб», он входил в костяк Зелёного Легиона и несколько дней назад сражался в команде с Буш Утаном. Конечно же, он знал и Аша. Точнее, он, скорее всего, дружил и с ним тоже.

Но это не помешало ему без тени жалости и сомнения пронзить его сердце. Он собирался лишить Аш Роллера всех очков и навечно изгнать его из Ускоренного Мира.

И у Олив Граба, и у пятерых бёрст линкеров, стоявших рядом с ним и подозрительно глядевших на Харуюки, из груди торчали странные объекты, похожие на глаза.

ISS комплекты, зловещие паразиты, наделявшие своих хозяев силой Системы Инкарнации, способной превосходить дозволенное системой, но взамен усиливавшие негативные эмоции и искажавшие характер человека даже в реальном мире. Все шесть человек находились под властью комплектов, и именно поэтому они без всяких сомнений убивали не только Аш Роллера, друга Олива, но и Буш Утана, заражённого тем же комплектом, что и они.

Но все эти факты были уже безразличны Харуюки.

Аш Роллер всегда состоял в другом Легионе и всегда был его противником. Да, его «родителем» была Скай Рейкер, главный офицер Нега Небьюласа, и Харуюки никогда не встречался с ним в реальном мире.

Но…

Аш — самый первый противник Харуюки, с которым тот сразился, став бёрст линкером. Именно ему Харуюки проиграл свою первую битву. И именно у него он вырвал свою первую победу.

Аш, для которого Брейн Бёрст всегда оставался просто файтингом, которым он наслаждался, на каком-то этапе стал для Харуюки этаким «столпом» этого мира. Его предельно

позитивный боевой стиль и шикарный звук выхлопа мотоцикла были способны подбодрить Харуюки и заставить его вернуться на путь истинный даже в самые тяжёлые, самые мучительные времена. Дуэли с ним всегда были и жаркими, и весёлыми.

И Харуюки глубоко ненавидел этих шестерых человек, зверски расправившихся с ним при помощи численного превосходства и невероятной силы Системы Инкарнации. Эта ненависть и ярость пробудила Броню Бедствия, дремавшую в нём. Её использование шло вразрез с принципами Харуюки, с его желанием побеждать противников в честных битвах, но он уже не думал даже об этом.

Харуюки, продолжая испускать в небо чёрные искры, занёс над собой острый клинок.

Увидев это движение, Олив Граб и остальные бёрст линкеры поняли, что перед ними враг, и дружно вскинули правые руки, направив их в сторону Харуюки.

Шесть совершенно разных ладоней, но все они истекали одним и тем же чёрным Оверреем. Плотная, липкая тьма, признак чудовищной мощи надвигающейся атаки, стекала с них на землю, искажая пространство вокруг себя.

Одновременно с этим на сером слое, накрывавшем поле зрения Харуюки, быстро пробежало несколько строк.

«Анализ Атаки: Инкарнационная Техника

Тип: Увеличение Радиуса Атаки, Увеличение Силы Удара

Атрибут: Энергия Пустоты

Уровень Угрозы: 10»

Из ладоней беззвучно протянулись полупрозрачные красные линии. Но это была не сама атака. Прошедшая сквозь бесчисленные битвы Броня накопила столько опыта, что была способна анализировать и предугадывать надвигающиеся атаки, выводя информацию в поле зрения Харуюки.

Все линии сходились на груди Харуюки. Это были простые прямолинейные дальнобойные атаки. Уклониться от них не составляло никакого труда.

Но Харуюки не сдвинулся ни на миллиметр, и лишь слегка напряг правую руку, которой держал меч. Покрывавшая лезвие чёрная аура заметно дрогнула. По цвету она очень напоминала ту, что покрывала стоящих на земле линкеров, но если их аура была «вязкой», то аура Харуюки была «пылающей». В ней смешалась безумная ярость и закалённая годами кровожадность. Бесконечно холодное пламя.

Пальцы стоящих на земле аватаров на мгновение дрогнули, но затем снова широко раскрылись. Дружно раздались искажённые голоса:

— Дарк Шот!

ISS комплект наделял своего хозяина двумя базовыми Инкарнационными техниками, и это как раз одна из них. Три дня назад Буш Утан применил эту атаку, похожую на луч чистой тьмы, против Харуюки, с лёгкостью разорвав одно из его крыльев. А теперь эти лучи, испуская похожие на вопли резонирующие звуки, двигались на него вшестером.

Этот залп мог моментально распылить любого аватара, но Харуюки лишь вальяжно взмахнул Звездомётом, целясь в ту точку, где сходились траектории лучей.

Чёрное пламя не дало лучам тьмы даже коснуться лезвия клинка. Столкнулись две похожие друг на друга Инкарнации. Как это в таких случаях и происходит, раздался оглушительный грохот. Казалось, что само пространство вокруг пошло трещинами. Лучи буквально отбило вправо и назад. Упав на бронированную землю «Города Демонов», они пробили в ней глубокие дымящиеся дыры.

Но Харуюки даже не посмотрел туда, куда улетели лучи. Он хрипло прошептал:

— ...Слабаки.

В конце концов, их техники принадлежали не им. Механически, они действительно вызывали с их помощью Оверрайда, но за этими действиями не стояло ничего. Их техники не шли ни в какое сравнение с Грозовым Тёмным Шипом, который использовал Такуму под властью ISS комплекта. В их техниках нет чувств.

И Олив Граба, и остальных гнал лишь «голод». Пустая жажда бёрст поинтов. Омерзительная алчность, желание с лёгкостью побеждать врагов с помощью дарованной им кем-то «лёгкой» силы.

И они использовали эту силу, чтобы издевательски прикончить Аш Роллера, человека, которому гордость «дуэлянта» не позволяла даже приближаться к Системе Инкарнации, который хотел лишь сражаться в честных битвах. Они окружили его и беспрестанно убивали.

Но не только его. Они прикончили и его «брата», их старого друга Буш Утана. Именно поэтому сейчас возле них друг с дружкой рядом мерцали два маркера смерти. Не попадись они в западню, Аш и Утан сейчас уже встретились бы с Харуюки и остальными далеко на северо-востоке, в районе Тиёда...

Сегодня, 20 июня 2047 года, в 7 часов вечера, шесть человек из Легиона «Нега Небьюлас» провели «спасательную операцию», в ходе которой вызволили заточённых глубоко в высящемся в

центре неограниченного нейтрального поля Имперском Замке Харуюки (Сильвер Кроу) и Синомию Утай (Ардор Мейден).

Внутри Замка Харуюки и Утай встретились с таинственным бёрст линкером по имени Трилид Тетраоксид, с помощью которого смогли бежать через южные врата. Там их уже ждали Черноснежка, Фуко, Такуму и Тиюри, которые помогли им унять стража этих врат — Энеми Ультра класса Судзаку, одного из Четырёх Богов.

На самом деле Судзаку появился чуть раньше, чем они планировали, не дав Харуюки и Утай сбежать от него по прямой. Их едва не испепелило огненным дыханием, но тут на помощь пришли Черноснежка и Фуко, заставив Судзаку переключиться на них. Однако эта тактика была смертельно опасной, и потеря командира Легиона и главного офицера в результате «бесконечного истребления» была совершенно недопустима. Харуюки передал потерявшую сознание Утай в руки Такуму и Тиюри, развернулся и полетел в обратную сторону спасать дорогих ему людей.

Он ухватил Черноснежку и Фуко, после чего полетел в единственную безопасную сторону — вертикально вверх, но Судзаку продолжал преследовать их. Когда шкала энергии, необходимая для работы полётной способности Харуюки, опустела, Харуюки переключился на свою новую Инкарнационную технику, «Скорость Света», и покинул атмосферу, вылетев в космос.

Оказавшись в безвоздушном пространстве, Судзаку уже не мог летать, но Фуко, обладавшая реактивными «Ураганными Соплами», посадила на спину Черноснежку и напала на него. Чёрная Королева одолела Судзаку совершенно невероятной Инкарнационной техникой под названием «Стремительный Звездопад». Взаимная связь Четырёх Богов вылечила Судзаку и не дала им добить его, но сделанного хватило, чтобы Харуюки, Черноснежка и Фуко сбежали с его ареала.

Шестеро небьюловцев крепко обнялись и поздравили друг друга с успешным окончанием операции… но рядом с ними не было Аш Роллера, с которым они собирались встретиться там же. Как только Харуюки услышал, что он так и не появился в назначенном месте, он ощутил такую тревогу, что немедленно кинулся самостоятельно искать его. И нашёл. Вернее, не столько его…

Сколько Олив Граба, жестоко расправляющегося с ним.

Причина, по которой Аш Роллер, член Зелёного Легиона Грейт Волл, согласился на встречу с легионерами Нега Небьюласа на полном опасностей неограниченном нейтральном поле,

состояла в том, что он решился пойти против своих принципов и попросить помощи в изучении Системы Инкарнации.

Он обратился к Харуюки этим утром перед школой, сразу после окончания битвы. Он хотел освоить Систему Инкарнации вовсе не ради того, чтобы охотиться на других людей на неограниченном поле. Ему нужно было лишь разрядить один удар в своего «братана», Буш Утана, чтобы тот осознал, что творит.

Что, как не случайная встреча с Утаном во время одной из дуэлей, в которой Аш участвовал, чтобы скоротать время, могло послужить причиной того, что он не явился к точке сбора? Аш не упустил свой шанс и стал просить (а может, и умолять) Утана пойти на неограниченное поле вместе с ним.

И... похоже, что отчаянные слова Аша достучались до Утана. Он решил отказаться от ISS комплекта и вновь вернуться на истинный путь бёрст линкера. Вероятнее всего, они условились встретиться на неограниченном нейтральном поле, а затем воссоединиться с Нега Небьюласом после того, как тот закончит «операцию по спасению из Имперского Замка».

Но группа Олив Граба разгадала планы Аша и Утана, после чего подстроила засаду.

Трудно сказать, кто пал первым. Но когда Харуюки добрался до этого места, он увидел Аша, пытавшегося своим телом защитить маркер смерти Утана. Конечно, маркер — это всего лишь метка, и в действиях Аша не было никакого смысла, но он не мог поступить по-другому.

Если они погибли не одновременно, то, конечно, шестидесятиминутные таймеры воскрешения тоже будут заканчиваться не синхронно. А значит, что когда один из них будет возрождаться, чтобы вновь умереть, второй должен будет беспомощно наблюдать за ужасной гибелью своего «брата» из призрачного состояния.

— ...рощенья, — вновь послышался сиплый голос Харуюки. — Нет вам прощенья. Я убью вас. Убью вас всех. Я буду убивать вас, пока у вас не кончатся бёрст поинты, и вы не исчезнете из Ускоренного Мира.

Ледяное пламя, бушевавшее внутри, давило на него, предвкушало момент, когда ему дадут волю. В этом огне плавилась и ярость, и ненависть, сливаясь в единый позыв, пылающий голубым огнём.

— Вы ведь сами желаете этого, не так ли? Конфликты, войны, а в конце — исчезновение всего и вся, даже вас самих и этого мира. Что же, я исполню ваше желание. Я сотру вас.

В доносившихся из-под визора словах уже трудно было признать голос Харуюки. Мощный резонирующий голос создания,

смешавшего в себе ярость зверя и хладнокровность стали.

Но... не только их. Вдали... в самой глубине тихо звучал ещё один голос. Этот горестный, печальный голос отчаянно пытался заговорить с ним...

Но не успел Харуюки расслышать его, как шесть аватаров под ним вновь вскинули правые руки.

Хотя Харуюки и отразил их единую Инкарнационную атаку одним взмахом клинка, их действия не отличались ничем. Но они не казались уверенными в своих силах. Скорее, они выглядели так, словно все их чувства были настолько истерзаны, что они уже не могли чувствовать даже уверенности.

Вместо них самих на Харуюки с ненавистью глядели врезанные в их тела паразитирующие ISS комплекты — глаза, истекающие тёмно-красной аурой. Вязкая аура на руках аватаров начала становиться гуще. Затем она собралась у ладоней и заискрилась. В этот раз их атака обещала быть гораздо сильнее.

Перед глазами Харуюки вновь высветился анализ готовящейся атаки. Вновь дальнобойная Инкарнационная техника, но её траектория заметно отличалась. Отчётливая красная линия на полпути становилась мутной и размывалась в воздухе, словно пытаясь накрыть собой всё пространство вокруг Харуюки. А значит...

— Дарк Шот!!!

Названия техник раздались настолько синхронно, словно всеми аватарами управлял один человек. Чёрные лучи вырвались из их ладоней и, оставляя в воздухе маленькие брызги, надвигались на Харуюки. Но, в отличие от предыдущей атаки, они летели не по прямой. Они то и дело извивались, явно намереваясь атаковать Харуюки с разных сторон.

— ...

Харуюки молча расправил стальные крылья и резко отлетел вправо и вверх. Лучи тут же повернули в его сторону. Это действительно самонаводящаяся атака. В отличие от прошлых лучей, эти не соберутся в одну точку, где их можно будет отбить взмахом клинка. Можно попробовать отбить какой-то один, но тогда Харуюки поразили бы остальные пять. Призыв брони восстановил потрёпанное в ходе битвы с Судзаку здоровье, и пять лучей не смогли бы прикончить Харуюки, но нанесли бы значительный урон.

Харуюки резко свернул влево, начиная летать по кругу, но чёрные лучи, излучающие бездонный голод, продолжали преследовать его. Как бы быстро он ни летел, они не упускали его из виду. Возможно, он смог бы стряхнуть их с себя, улетев вдаль, но это было бы равносильно бегству с поля боя.

Побег не входил в его планы. Поэтому Харуюки резко затормозил, завис в воздухе и развернулся.

Причудливо переплетавшиеся лучи продолжали лететь в него. На лицах стоявших на земле аватаров проскочили вялые улыбки — им явно казалось, что Харуюки сдался. И Харуюки, словно отвечая им тем же, холодно улыбнулся в ответ.

Он скрестил руки у груди, продолжая сжимать правой рукой меч, и горделиво выпятил грудь, продолжая внимательно следить за Инкарнационными снарядами. Он продолжал висеть на тридцатиметровой высоте и ждать, пока лучи подлетят к нему. Ближе… ещё ближе…

И за мгновение до того, как они пронзили бы его тело, он кратко шепнул:

— Флэш Блинк.

Послышался резкий вибрирующий звук, и Сильвер Кроу, вернее, Шестой Хром Дизастер, исчез. Сбившиеся с цели лучи какое-то время кружились на одном месте, а затем сдались и разлетелись — кто в небеса, кто в стоящие вокруг здания, пробивая в них дымящиеся дыры.

Харуюки тем временем успел материализоваться совсем рядом с владельцами ISS комплектов и зловеще сверкал тёмно-серебряной броней.

«Мгновенный Скачок». Этот спецприём принадлежал древнему бёрст линкеру, тому самому, что исказил облик Судьбы, одного из Семи Артефактов, превратив его в Бедствие, в проклятую Броню. Спецприём превращал его тело в частицы света и моментально переносил их вдаль. Это был практически телепорт.

Харуюки не знал даже имени того бёрст линкера. Он знал о нём лишь из обрывочных воспоминаний, оставшихся после того таинственного сна, что он видел в Имперском Замке. Он не помнил даже того, как он выглядел, и уж тем более не должен был помнить, какими техниками тот обладал.

Но при этом он «знал» эту технику. Он просто знал, что может использовать её.

Один из владельцев комплектов, тускло-коричневый аватар с пушечными стволами вместо пальцев, изумлённо посмотрел на Харуюки.

— Дарк… — начал он, вскидывая правую руку.

Но рука, не останавливаясь, продолжила двигаться вверх, а затем и вовсе начала заваливаться назад, что явно казалось невозможным. А в следующее мгновение по плечу аватара пробежала блестящая хромированная линия. Рука откололась и с

шумом упала на землю «Города Демонов».

Харуюки успел отрубить эту руку так быстро, что взмаха меча никто и не заметил.

Подобно Мгновенному Скачку, Харуюки никогда не владел подобной техникой. В отличие от Такуму, Циан Пайла, Харуюки не занимался в секции кендо, и в Ускоренном Мире сражался исключительно голыми руками. Он не умел не то что правильно размахивать мечом, он не знал даже того, как его правильно держать.

Но причины происходящего были ему уже совершенно безразличны. Его сознание наполняли лишь яростные позывы разрубить стоящих перед ним «врагов», изгнать их из этого мира.

Тёмно-коричневый аватар осмотрел упавшую на землю руку, и на лице его, наконец, появилась гримаса страха.

— Да кто ты такой?.. Что это за сила?.. — донёсся голос из-под маски с большими круглыми глазами.

Похоже, что боль от раны дошла до его тела, и аватар схватился за обрубок левой рукой. На его страдания указывало и то, что и свет глаза ISS комплекта начал неровно мерцать.

Но тут комплекты стоящих за ним аватаров уверенно вспыхнули. Они словно делились энергией с коричневым аватаром, и комплект в его груди вновь ярко загорелся. Похоже, что все они, как выражался Такуму, состояли в одном «кластере». Клонированные ISS комплекты были генетически близки друг к другу и обладали взаимной связью, напоминавшей связь между «братьями» или «родителями и детьми». Однако их связь была временной и сугубо практической, и потому не была достойна называться «узами». И вновь доказательством этому служило то, что они безжалостно расправились с Буш Утаном, входившим в тот же самый кластер.

«Узы…»

Как только это слово пришло на ум Харуюки, он ощутил в глубине своей души острый зуд.

Это ощущение пронзило его, словно луч света, загоревшийся в кромешной тьме. Далёким эхом раздался чей-то голос:

«Вспомни… и у тебя… должны быть… важные узы!..»

Но в следующий миг с новой силой вспыхнула ярость, заглушив и свет, и голос. Белый буран наполнил его тело, и Харуюки прошептал коричневому аватару перед собой:

— Мне незачем представляться… вы всё равно сейчас сгинете.

— Рано… радуешься…

В самой глубине линз загорелся красный огонёк. Глаз в его груди пульсировал одновременно с комплектами остальных

аватаров. Похоже, что он уже забыл о боли, вдвое более сильной, чем на обычном дуэльном поле.

Коричневый аватар убрал левую руку от раны и подал обрубком правой знак. Тут же остальные пятеро аватаров обступили Харуюки. Судя по всему коричневый аватар — лидер их группы, но теперь, когда тот остался без руки, основная угроза будет исходить не от него. Харуюки механически решил, что расправится с ним следующим ударом, и попытался развернуться.

Но вдруг что-то остановило его ноги. Он посмотрел вниз и увидел, что ноги его погрязли в мерцающей зелёной жидкости, из которой торчали ухватившие его за лодыжки руки.

Этот приём чем-то напоминал «Обездвиживание», особенность уровня «Кладбище», но это было не оно. Жидкость, из которой к нему тянулись руки, истекала из аватара слева. Харуюки встретился с ним взглядом и увидел ухмылку на овальной маске. Это Олив Граб.

Харуюки с безразличным видом вонзил клинок, который всё это время держал в правой руке, в сдерживающие его руки. Но металл лезвия не встретил никакого сопротивления и не нанёс никакого урона, просто погрузившись в них. Похоже, что в своём текущем состоянии руки не только крепко держали свою цель, но и обретали неуязвимость к физическим атакам. Анализ атаки же не сработал потому, что всё это время Харуюки не сводил глаз с коричневого аватара.

Окружившие пойманного Харуюки аватары дружно вскинули левые руки (кроме, естественно, Олива). Они сжали кулаки, и их тут же накрыла плотная чёрная аура.

— Хе-хе… мы выжмем и твои очки тоже, — скрипучим голосом произнёс коричневый аватар.

И вот теперь перед глазами Харуюки побежал текст.

«Анализ Атаки: Инкарнационная Техника

Тип: Увеличение Силы Удара

Атрибут: Энергия Пустоты

Уровень Угрозы: 30»

Вместе с ним появились и предполагаемые траектории — пять красных линий, тянущихся от аватаров к Харуюки.

Все они занесли левые руки и бросились вперёд с криком:

— Дарк Блоу!!!

Вперёд полетели прямые удары левыми кулаками, словно выжигающие собой виртуальный воздух. Какой бы крепкой ни была Броня, пять Инкарнационных техник типа «Увеличение Силы Удара» одновременно нанесли бы ей значительный урон. Но Харуюки лишь хладнокровно смотрел на приближающиеся кулаки. Инкарнация увеличивала только силу ударов, их скорость

так и осталась на совершенно начальном уровне. Для Харуюки, тренировавшегося уклоняться от снайперских выстрелов красных аватаров, они казались до унылого медленными. Он вновь позволил им подлететь поближе, а в последнюю секунду прошептал:

«…Флэш Блинк».

Вновь послышался глухой вибрирующий звук, и тёмно-серебряный аватар исчез. Руки Олив Граба, державшие его за ноги, тщетно ухватились за воздух.

Харуюки, продолжая уверенно стоять на ногах, телепортировался на три метра назад. На его глазах кулаки пяти аватаров неслись друг к другу на такой скорости, что их было уже не остановить.

Казалось, что грохот сотряс весь мир. На мгновение всё вокруг накрыла тьма чёрного взрыва. Во все стороны хлынула плотная тёмная энергия, но Харуюки устоял, лишь немного отведя взгляд.

Когда дым рассеялся, пять стонущих аватаров уже повалились на землю. Все они лишились левых рук, и раны выглядели так, словно их буквально разорвало. Боль, которую они испытывали, не шла ни в какое сравнение с отрубанием рук острым клинком.

— Не… может… — ошарашенно обронил Олив Граб.

Но Харуюки даже не посмотрел в его сторону и зашагал вперёд, после чего прижал одного из лежавших на земле аватаров правой ногой. Это был их лидер, аватар в красно-коричневой броне. Но теперь у него нет рук, а значит, и возможности применять как Тёмный Удар, так и Тёмный Выстрел.

Он не мог даже говорить, лишь моргал светом своих глаз. Харуюки глухо прошептал ему:

— Ты дважды попался на один и тот же трюк.

Они дважды позволили Харуюки избежать их атак Мгновенным Скачком — вершина глупости, особенно с учётом того, что с момента прошлого уклонения не прошло и суток. Все противники, с которыми Харуюки сходился в честных битвах, смогли бы понять, что к чему, ещё в тот момент, когда он уклонился от лучевой атаки, и стали бы действовать по-другому. Так поступил бы и Аш Роллер.

Аш наверняка сожалел о том, что его одолели противники, утонувшие в могуществе «лёгкой» силы и полагающиеся на численное превосходство. Когда Харуюки подумал об этом, он вновь ощутил в глубине своей души зуд, но он тотчас же вновь обратился в глухой гнев.

Скорее всего, Аш Роллер сейчас призраком наблюдал за

происходящим и ждал окончания таймера воскрешения. Но Харуюки, ничуть не задумываясь о том, какие сцены разворачивались перед глазами Аша, начал прижимать к земле когтистую правую ногу.

Он ощутил своей стопой биение паразитирующего на груди аватара ISS комплекта. Из рта же его вырвался теперь уже отчётливо болезненный вопль:

— Гха-а… гх… а-а…

Он корчился, словно пытаясь ухватиться за землю отсутствующими руками, а зазубренная поверхность Брони продолжала впиваться в его тело. Наконец, броня аватара пошла трещинами, из которых выплеснулись алые спецэффекты.

Озлобленный Харуюки продолжал садистским способом опустошать шкалу здоровья своего врага, а в другой части его сознания, словно во втором процессоре, протекали механические мысли.

Что, если он попытается сокрушить именно ISS комплект? Что произойдёт, если он уничтожит его?

Как он уже успел увидеть, комплекты связаны между собой невидимыми «проводами». Но на самом деле связаны они не друг с другом, не в «пиринговую» сеть, а через сервер. Если он разрушит комплект, то «тело комплекта», сокрытое где-то в Ускоренном Мире, должно получить какой-то сигнал.

Ощущая под своей ногой биение ISS комплекта, Харуюки продолжал безжалостно давить.

— Гха-а-а… п, прекра… гх… а-а-а-а!!! — раздавались пронзительные вопли, а вместе с ними издавало неестественные звуки крошащееся тело аватара.

Когда тело аватара под давлением ноги Харуюки разорвало пополам, тот попытался испустить предсмертный вопль, но шкала здоровья кончилась раньше, и всё его тело распалось на красные осколки.

Харуюки хладнокровно смотрел на жуткую смерть своего противника. Он был уверен, что нога Сильвер Кроу продавила ISS комплект коричневого аватара. Но, судя по спецэффектам и скорости восполнения собственной энергии, ему так и не удалось разрушить это Усиливающее Снаряжение. А значит, простые физические атаки, даже попавшие точно по ISS комплекту, наносили урон только его владельцу, но уничтожить сам комплект они не способны.

Пока в голове Харуюки крутились механические мысли, справа от него, наконец, смог подняться на ноги один из лишившихся левой руки аватаров. Затем он кратко воскликнул:

— Отступаем! К чёрту Какао Крекера, бежим!

Судя по всему, того коричневого аватара, что раздавил Харуюки, звали «Какао Крекер». И, судя по тому, что они собирались бросить его здесь, группа эта явно образовалась спонтанно. Все аватары, за исключением всё ещё стоявшего перед Харуюки Олив Граба, кивнули друг другу и начали бежать на юг. Похоже, они собирались пробежать по улице Мейдзи к станции Сибуи, где находился ближайший портал. Олив остался стоять на месте. Судя по его виду, он смотрел на шкалу перезарядки своей способности.

Харуюки молча смотрел вслед убегающим от него аватарам. Но он не собирался дать им уйти. Он вонзил клинок в землю возле себя и вскинул вперёд освободившиеся руки. Затем он широко раскрыл пальцы, направил ладони в сторону убегающих двумя группами аватаров, а затем резко вывернул кисти рук.

Послышался тихий звон натянутой нити, и из запястий вырвались две маленькие серебристые вспышки.

Они устремились в сторону бегущих аватаров со скоростью пули, оставляя за собой в воздухе тонкий серебряный хвост. Уже через мгновение они отчётливо впились в спины двух аватаров с сухим металлическим звоном. Но те два аватара, которых задел удар, даже не пошатнулись и продолжили бежать как ни в чём не бывало…

Но тут Харуюки отвёл руки назад. На мгновение он ощутил сопротивление, и вместе с этим ноги двух бегущих вдали аватаров начали заплетаться. Они пытались топтаться и отталкиваться от земли, но их тела отказывались двигаться вперёд. Наконец, они завалились назад, оторвались от земли и с воем полетели точно назад. Правда, полетели они не сами — Харуюки притягивал их к себе тонкой проволокой, которую он выпустил из своих ладоней. Это ещё одна способность, сокрытая в Броне Бедствия — «Крючковатая Проволока»[2].

Уже через мгновение спины аватаров были перед Харуюки, и тот глубоко вонзил в них свои когти, после чего занёс их над головами.

— О… отпусти!..

— Не может быть, это ведь не режим IS! Откуда у тебя такая сила?!.. — послышались вопли аватаров, дёргавшихся, будто пригвождённые жуки. Но Харуюки их голоса казались лишь шумом. Он сфокусировал образ на своих руках и почти безразлично произнёс:

— Лазер Сорд.

Громкий вибрирующий звук сотряс землю. Из покрытых Бронёй Бедствия рук Сильвер Кроу вырвались два Инкарнационных клинка, пронзивших его добычу. Но это были

уже не те серебряные клинки — они были окрашены Оверреем таким чёрным, что он напоминал бездну космоса.

Удар поразил их в самое критическое место аватаров — сердце… да что там, он прорубил в их груди сквозную дыру. Удар был такой силы, что тела аватаров подбросило в воздух на метр, где они и рассыпались.

Две вспышки, означавшие смерти аватаров, на мгновение окрасили тёмно-серебряную броню, и Харуюки опустил руки. На глаза ему попались два оставшихся аватара, изо всех сил бежавшие к порталу. Они были уже в ста с лишним метрах от него.

Естественно, Харуюки мог бы легко нагнать их с помощью крыльев. Но вместо этого он вынул из земли свой меч, взвалил его на плечо, пригнулся и изо всех сил отвёл клинок назад.

Он прицелился лезвием точно в убегающих аватаров. Пусть они и казались лишь рисинками на горизонте, серый экран визора, накрывавший поле зрения, показывал их всё так же чётко. Харуюки хладнокровно рассчитал время атаки, подождал, пока фигуры подойдут поближе друг к другу и…

— Лазер Ланс.

Раздалось название техники, и одновременно с ним он резко ударил клинком вперёд. Плотная тьма, окружавшая клинок, превратилась в острое копьё и устремилась вперёд. Эта техника уже практически ничем не отличалась от своего «образца», «Стрижающего Удара» Чёрной Королевы Блэк Лотос. Но Харуюки не думал об этом. Он лишь щурился, стараясь разглядеть эффект от своей атаки.

Копьё безжалостно впилось в спины аватаров, вот-вот готовые скрыться за холмом Миямасу. Удар прорубил в них сквозные дыры, и поначалу они этого даже не заметили, по инерции пробежав ещё несколько шагов. Но затем они споткнулись, и рассыпались. До Харуюки донеслись тихие звуки ударов и далёкие вспышки исчезновения аватаров.

Он медленно вернул меч и вновь водрузил его на плечо, после чего перевёл взгляд на последнего оставшегося аватара, Олив Граба.

Это не первая их встреча. Три дня назад, в понедельник, после уроков, он вместе с «Пылающей Жрицей» Ардор Мейден сразился в командной дуэли в зоне Сугинами. Противников им выбрала она сама, и ими оказались именно Буш Утан и Олив Граб.

Во время той битвы Харуюки ничего не смог противопоставить призвавшему силу ISS комплекта Буш Утану, но Мейден смогла одолеть использовавшего ту же силу Олива, не получив никакого урона. Конечно, она была одним из «Элементов», офицеров Старого Нега Небьюласа, но вряд ли она победила так легко только поэтому. Скорее всего, Олив Граб оказался для неё «удачным» противником.

Олив продолжал упорно стоять на месте возле погружённого в хладнокровные мысли Харуюки. Он не собирался бежать, но не

потому, что был уверен в своих силах, и не потому, что понял, что перед ним Харуюки, превратившийся в легендарного разрушителя, Хром Дизастера, а потому, что был шокирован тем, с какой лёгкостью тот расправился с его товарищами. Это было видно по тому, как дрожало его оливковое тело, словно покрытое влажной плёнкой.

— Быстрее… быстрее!.. — бормотал он, явно обращаясь к своей шкале.

Харуюки вновь начал неспешно двигаться, а перезаряжающийся Олив с нетерпением водил глазами то по нему, то по разделявшему их пространству.

И, в тот же самый момент, когда Харуюки скинул меч с плеча и коснулся им земли…

— Липид Ликид[3]! — послышался срывающийся голос, объявляющий название техники.

В следующее мгновение стройное тело Олива моментально расплавилось. Аватар превратился в лужу оливкового цвета на земле. Судя по всему, в этой форме никакие физические атаки на него не действовали.

При этом он всё ещё не утратил способность передвигаться. Лужа, словно слизняк из какой-нибудь фэнтезийной игры, начала уверенно ползти к стоящим вдоль дороги зданиям. С учётом плотной застройки «Города Демонов», отыскать в нём скрывшегося из вида врага было крайне трудно.

Но Харуюки вовсе не для того позволил Оливу применить его технику, чтобы дать ему уйти.

В центре зелёно-коричневой лужи был отчётливо виден холмик. Нетрудно заметить чёрный комок, скрывающийся в этом месте под её поверхностью. ISS комплект. Даже способность превращать своё тело в жидкость не могла изменить вида этого Усиливающего Снаряжения.

И именно на это и рассчитывал Харуюки.

Харуюки внимательно следил за утекающей лужей и глубоко вдыхал. Как только он почувствовал, что его лёгкие заполнились до предела, он на мгновение замер… а затем резко выдохнул.

Из пасти зловещего шлема вылетел не воздух, а алое пламя. Это была очередная способность Брони, «Огненное Дыхание»[4].

Лужа, словно почуяв что-то, попыталась как можно быстрее подползти к зданию, но сбежать от расходящегося перед Харуюки пламени было невозможно. Стоило огню коснуться лужи, как та моментально вспыхнула.

Пламя самого дыхания вскоре растворилось в воздухе, но лужа продолжала гореть. Казалось, будто она была сделана из горючего… вернее, так оно и было. Олив Граб превращал своё

тело не в воду, а в масло. Именно поэтому он и проиграл всухую Ардор Мейден, повелевавшей стихией огня.

Даже превратившись в лужу, Олив, судя по всему, не утратил свои чувства. Пылающее масло начало в панике дёргаться в разные стороны. Харуюки на своей собственной шкуре ощутил мощь дыхания Судзаку и знал, насколько реалистична на неограниченном нейтральном поле боль от ожогов. А уж вытерпеть такие мучения в течение длительного времени и вовсе почти невозможно.

Но Харуюки уже не беспокоили страдания его врага. Вскоре лужа обессиленно замерла, и Харуюки выдвинулся в её сторону, протягивая руку.

Он запустил свои пальцы в самый центр пылающего комка, нащупывая ту самую пятисантиметровую сферу. Затем он ухватил её и начал вытягивать, ощущая, как с омерзительными звуками лопаются бесчисленные нити, связывавшие ISS комплект с телом. И вот закрывшийся красный глаз оказался в его руке.

Поведение экипировки на неограниченном нейтральном поле несколько отличалось от того, как она вела себя на обычных дуэльных полях.

Во-первых, смерть и возрождение хозяина Усиливающего Снаряжение не восстанавливало уничтоженную экипировку. Чтобы вновь использовать её, требовалось выйти из поля, а затем вновь зайти на него.

Во-вторых, при определённых условиях, некоторую экипировку можно ненадолго похитить. Чтобы сделать это, необходимо либо подобрать обронённое Снаряжение, либо оторвать его от хозяина. Харуюки пытался осуществить именно второй вариант. Воспламенив превратившегося в лужу Олив Граба, он обездвижил его. Теперь он собирался уничтожить комплект до того, как запас здоровья его хозяина окончательно иссякнет. С точки зрения системы, владел комплектом по-прежнему Олив Граб, но право использования экипировки уже перешло к Харуюки.

Но, естественно, Харуюки не собирался использовать комплект самостоятельно.

Его задача прямо противоположная.

Он уже убедился в том, что попытки атаковать дуэльного аватара с экипированным комплектом приводят лишь к тому, что аватар погибает до комплекта, а само Снаряжение таким образом уничтожить невозможно. Поэтому он решил сначала отделить комплект от аватара, и уже затем атаковать Снаряжение.

Харуюки злобно ухмыльнулся и сжал правую руку.

Острые, словно ножи, когти Харуюки, впились в виниловую

поверхность глаза. Тот сразу же раскрылся, и его красный зрачок мелко задрожал.

Бессильно свисавшие с задней стороны глаза сосуды встрепенулись и скрутились в сверло, после чего попытались пронзить руку Харуюки. Видимо, глаз решил бросить своего бывшего хозяина, переселиться на Харуюки и подчинить его своей воле. Во время вчерашней битвы с Такуму случилось нечто похожее: комплект пронзил своими сосудами грудь Сильвер Кроу. Но мощный металл Брони Бедствия с лёгкостью отражал нападки.

— Не надейся… — прошептал Харуюки и сжал руку ещё сильнее.

Глаз с отвратительным звуком разорвало на части, и в момент его гибели раздался металлический звук, похожий на предсмертный вопль.

Харуюки ожидал, что гибель ISS комплекта на неограниченном поле должна иметь какие-то последствия.

И его ожидания оправдались. Из его правой руки в воздух поднялся тонкий луч красного цвета, взмыл на недосягаемую высоту, развернулся на 90 градусов и начал улетать. Луч был таким тусклым, что без помощи Бедствия и её способности улучшать зрение Харуюки ни за что бы его не заметил.

Здоровье Олив Граба подошло, наконец, к концу. Его аватар вновь обрёл гуманоидную форму и разбился на осколки. Но Харуюки даже не посмотрел на него — только, не медля, расправил крылья.

Он уже приготовился взлететь, чтобы пуститься в погоню за лучом света, вырвавшимся из ISS комплекта, как…

На глаза ему вдруг попались два маркера смерти, расположенных совсем рядом друг с другом. Один — зелёный. Другой — серый. Это маркеры убитых этими шестерыми аватарами Буш Утана и Аш Роллера.

Харуюки оказался здесь потому, что собирался спасти их.

Но теперь их жизни почти утратили для него важность. Его наполняла лишь жажда разрушения и бойни, и эти шестеро бёрст линкеров ни за что не смогли бы её утолить. Он понимал, что если останется здесь, то нападёт и на Утана, и на Аша, после того как те воскреснут.

И именно поэтому он фокусировал свою ярость на ISS комплекте. И всё же он почти бессознательно развернулся и бросил через плечо двум аватарам, наблюдавшим за происходящим в облике призраков:

— Когда вы оживёте… бегите через портал. Вам нужно успеть, пока не воскреснут остальные.

Сказав это, Харуюки взлетел, покидая перекрёсток, на

котором развернулась беспощадная бойня.

Глава 2

Луч красного света, вырвавшегося из ISS комплекта, отлично выделялся на фоне тёмно-синего неба «Города Демонов».

Харуюки взлетел под самые облака и устремился на восток, не сводя глаз с летящего перед ним луча. Он попытался прошептать: «Не убежишь», но из-под шлема вырвалось лишь звериное:

— Гр-ра-а!

Он размахивал зловещими металлическими крыльями, напоминая хищную птицу, преследующую добычу. Сильвер Кроу, Шестой Хром Дизастер, летел вдоль чёрных туч.

Когда он только призвал Броню, то его переполняла кипящая ярость, но теперь она уступила место хладнокровному стремлению разрушать. Возможно, Харуюки сам наполнил себя этим чувством, чтобы не дать самому себе напасть на Аш Роллера, но сейчас ему было не до размышлений.

В этот самый момент в его сознании крутилось лишь его собственное решение и два факта.

Решение звучало так: «Те, кто использует ISS комплекты, и те, кто создают их, должны быть наказаны».

Факт 1: «ISS комплекты создаёт и распространяет Общество Исследования Ускорения».

Факт 2: «Чёрный пластинчатый аватар подстроил событие, приведшее к рождению Брони Бедствия».

Чёрный пластинчатый аватар — это Блэк Вайс, вице-президент Общества, впервые появившийся перед Харуюки и его друзьями во время последней битвы с Даск Тейкером и сильно помешавший им в той схватке. По его интонации и поведению он был совершенно не похож на школьника, и владел Инкарнацией настолько могущественной, что победа над ним казалась почти невозможной. Кроме того, он мог использовать Чип Мозговой Имплантации в своей голове, чтобы замедлять свои собственные мысли. Это давало ему возможность отменять тысячекратное ускорение, действующее на неограниченном нейтральном поле, и с лёгкостью устраивать засады.

Когда-то, давным-давно, этот же Блэк Вайс поймал одного бёрст линкера в бессердечную западню, организовав первое в истории Ускоренного Мира бесконечное истребление. Это событие породило ярость и печаль, исказившую облик шестого из Семи Артефактов, Судьбы, превратив его в Броню Бедствия.

Харуюки не должен был знать об этом. Броня Бедствия была рождена на заре Ускоренного Мира — семь лет назад. Харуюки

же стал бёрст линкером всего восемь месяцев назад.

Но, несмотря на всё это, Харуюки ощущал в своём теле неиссякаемую злость и ненависть по отношению к Блэк Вайсу, и это ни на мгновение не казалось ему странным.

«Я не прощу их. Ни за что.

Я покараю всех, кто создал и распространил ISS комплекты, кто ранил Аша, кто истязал Такуму.

И я обязательно разыщу и убью всех, кто заставил Ёрмунганда раз за разом… я дам им вкусить той же боли, тех же страданий, что они причинили в тот день. Я буду убивать их, пока у них не закончатся очки.»

Харуюки, полный ледяной решимости, продолжал лететь за красным лучом.

Он летел с севера Сибуи на восток. Под ним пронеслась улица Аояма, затем какая-то школа с прилегающими землями. Вдали показалась площадка, заставленная маленькими квадратными камнями — видимо, это было Аоямское кладбище. Красный луч уверенно пролетал над надгробиями, словно утягиваемый чем-то.

Если этот луч — «ядро» того комплекта, что уничтожил Харуюки, то он должен привести его к «телу».

Вчера ночью Харуюки лёг спать, напрямую подключившись к Такуму. Во сне он прошёл через контур воображения, оказавшись внутри таинственного центрального сервера Брейн Бёрста.

Там он увидел «галактику света», хранящую всю информацию Ускоренного Мира, а в уголке серверного пространства обнаружилось уродливое, копошащееся тело ISS-комплекта, похожее на чёрный ком плоти.

Во сне Харуюки удалось уничтожить поселившийся на Такуму комплект, и именно поэтому он знал, что вновь на центральный сервер попасть не сможет. Но если тело хранилось на сервере в виде данных, то где-то в Ускоренном Мире должно существовать и его воплощение. Точно так же, как существовали Семь Артефактов, представленные на сервере в виде ослепительно ярких звёзд.

Чтобы скрыть существование тела втайне, его необходимо было создать не на обычном дуэльном поле, где оно требовало бы постоянного пересоздания, а на неограниченном нейтральном, существовавшем вечно. И красный луч, скорее всего, летел именно к нему. И… там Харуюки наверняка должен попасться кто-то из «них». Либо столь ненавистный ему Блэк Вайс, либо кто-то из его товарищей.

— Гр-р… — вырвался неудержимый рык из горла Харуюки.

Наконец-то.

Наконец, наступит то самое время.

Близился час мести, которого долгие годы ждал Дизастер, меняя своих хозяев. Он был готов рубить им головы, отрывать конечности и крушить их тела, к чему бы это ни привело. Пусть он утратит весь рассудок и превратится в монстра, уничтожающего всех остальных бёрст линкеров. Пусть он уничтожит весь Ускоренный Мир. Пожалуй, такая кончина подходит этому беспощадному миру лучше всего.

Харуюки размахивал крыльями так яростно, что чёрные тучи за его спиной клином расходились от ударных волн. Луч летел в ста метрах от него, словно сознательно убегая.

Наконец, на его пути появилось высоченное здание. Как и большинство достопримечательностей на «Городе Демонов», его украшали острые столбы, окружающие его. Судя по его расположению, оно находилось на улице Акасака в районе Бухты. Видимо, это бизнес-центр «Токио Мидтаун Тауэр». Луч начал снижаться, явно целясь в вершину этой башни. А значит, именно там на неограниченном нейтральном поле и находится физическое воплощение тела ISS комплекта.

«Уничтожить!» — вспыхнул разрушительный позыв, и Харуюки постарался ускориться до предела.

Но тут…

Откуда-то справа снизу послышался голос. Но он произносил не просто слова. Он произносил название техники.

— Парсек Волл[5].

Мужской голос, низкий и хладнокровный, невозмутимый, как гора. Харуюки он был незнаком. И вместе с этим голосом мир перед Харуюки окрасился в зелёный цвет.

Стена.

Один за одним перед Харуюки стали появляться бесчисленные зелёные кресты, каждый размером с человека, и все они наглухо примыкали друг к другу, образуя огромный барьер. Стена тянулась, насколько хватало глаз, и Харуюки понимал, что если не сможет обойти её, то рискует потерять из виду красный луч. Его рассудок решил, что преследование луча имеет более высокий приоритет, нежели бёрст линкер, осмелившийся встать на его пути. Поэтому он даже не посмотрел в сторону помехи — он знал, что может разобраться с ней позже.

— Р-ра!.. — глухо проревел он и сфокусировал на левой руке чёрный Оверрей Инкарнации.

Не замедляясь ни на мгновение, он размахнулся кулаком и изо всех сил ударил им в стену.

В момент, когда летящий тёмно-серебряный аватар коснулся тёмно-зелёной преграды, раздался такой грохот, что содрогнулся,

казалось, весь Ускоренный Мир.

И стена… устояла. Несколько крестов дрогнуло, но это были лишь волны, подобные тем, что бегут по поверхности воды. Стена поглотила удар Харуюки. И это был не просто Харуюки в облике сверхскоростного Сильвер Кроу. Он принял совершенную бойцовскую форму Шестого Хром Дизастера, в которой к несравненной скорости добавилась и сила, и защита. Более того, кулак Харуюки в момент удара покрывала мощная аура Инкарнации. Остановить этот удар могла только стена, возведённая с помощью чьей-то Инкарнации.

— Гр-р… — раздражённо прорычал Харуюки и отвёл левый кулак назад.

Сам он не получил от столкновения урона, но его не получила и стена.

Харуюки, широко расправивший крылья и паривший на месте, начал медленно поворачивать голову, отыскивая того, кто произнёс название техники.

Голос пришёл справа, с юга. Там, за мостом через Третью Столичную Линию, в пятистах метрах от Мидтаун Тауэра, стояло такое же высокое здание. Главное здание Роппонги Хилз, настолько же известного комплекса.

На крыше этого здания располагалась широкая вертолётная площадка. И в её центре стояли две фигуры. Одна из них стояла со вскинутой левой рукой, которую покрывал ослепительный зелёный Оверрей. Это и был источник Инкарнационной стены, остановившей Харуюки.

— Что же… тогда я начну с вас, — прошептал Харуюки и медленно повернулся в их сторону.

Красный луч, «ядро» ISS комплекта, уже наверняка успел скрыться в глубинах Мидтаун Тауэр. Конечно, искать тело в таком огромном здании будет непросто, но Харуюки всегда мог просто уничтожить здание целиком. Да и бой ему не повредит — быстрый полёт истратил значительную часть энергию, и ему нужна подзарядка.

Харуюки взвалил меч на плечо и отправился вперёд.

Поскольку вершина башни Роппонги Хилз находилась на сто метров ниже той высоты, на которой завис Харуюки, он, по сути, спланировал на неё. Наконец, его когти вцепились в твёрдые плиты пола, и Харуюки приземлился на северную сторону крыши.

Первым делом он попытался разглядеть бёрст линкера, применившего столь масштабную Инкарнацию защитного типа, но вперёд вышла вторая фигура, загородив обзор. Этого дуэльного аватара Харуюки видел впервые. Среднего размера и средней комплекции, примерно как Харуюки в его нынешней

форме. В его фигуре было мало примечательного, за исключением двух вещей.

Во-первых, у него очень большие ладони. Но, в отличие от Олив Граба, большими были не сами ладони, а круглые перчатки, в которые те одеты. Во-вторых, он имел очень необычный цвет. Слабого солнечного света, пробивавшегося сквозь тучи, хватало понять, что этот тусклый блеск мог принадлежать только аватару металлического цвета. Похоже, это один из крайне немногих представителей этого класса.

Затем Харуюки всё же смог разглядеть за его спиной фигуру мощного дуэльного аватара со вскинутой рукой.

Сказать, что он знаком Харуюки — значит, не сказать ничего. Этот цвет. Эта форма. Вживую он видел этого аватара лишь единожды, но то непередаваемое ощущение, что излучал этот аватар, он ни за что бы не забыл.

Тяжёлые пластины, составляющие его броню, были непередаваемо чистого зелёного цвета. Мощные пластины покрывали и конечности, и грудь. Лишь в поясе броня была ужата, что ничуть не убавляло ощущение тяжести. Если попытаться описать этого аватара одним словом, то лучше всего подойдёт «Дуб» — это невозмутимое древо, неподвластное любой буре, способное удержать на себе целый мир.

Невероятным казался сам факт существования такого впечатляющего своим внешним видом аватара, но Харуюки, даже слившись в единое целое с Бронёй Бедствия, гораздо больше удивляло другое.

Поскольку он помешал ему преследовать красный луч, это значит, что он был причастен к его созданию. Другими словами — он член Общества Исследования Ускорения. Но Харуюки видел этого зелёного аватара на последней Конференции Семи Королей. И он оказался там не просто так, он принимал в ней участие.

Харуюки молча сверлил его взглядом, не в силах поверить в происходящее. Вдруг зелёный аватар опустил руку. Яркий Оверрей, покрывавший её, стал тускнеть, а затем и вовсе погас. Вместе с ним погас и барьер.

Но этот свет не исчез в никуда. Он собрался у левой руки аватара, превратившись в четырёхугольный объект. Наконец, он образовал у руки аватара огромную изумрудную плиту. Щит.

Пространство вокруг него слегка искажалось. Обычное Усиливающее Снаряжение не способно на такое. Значит, это Артефакт. Этот щит — Гамма, третья из семи звёзд, и называется он «Конфликт».

Сомнений быть не может. Зелёный аватар, воздвигший остановившую Харуюки стену от земли до неба — один из

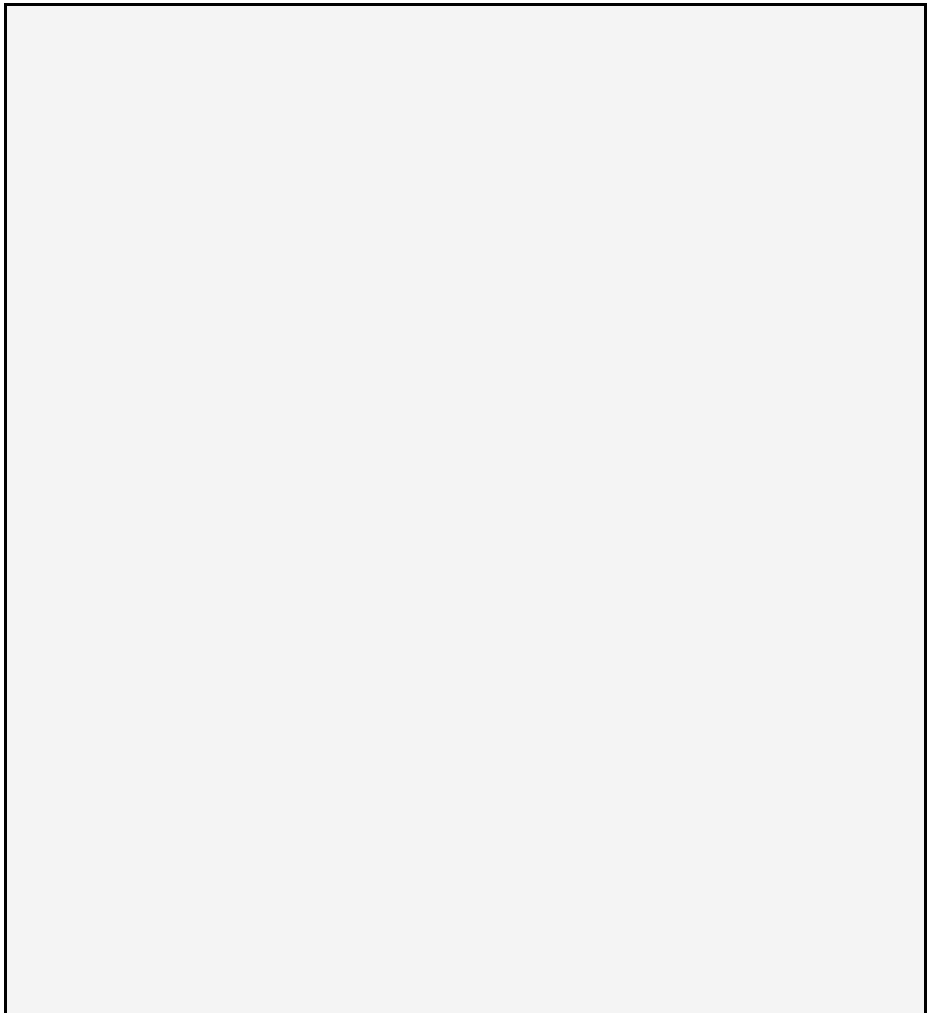
правителей Ускоренного Мира, один из сильнейших бёрст линкеров, командир великого Легиона «Грейт Волл», один из Семи Монохромных Королей…

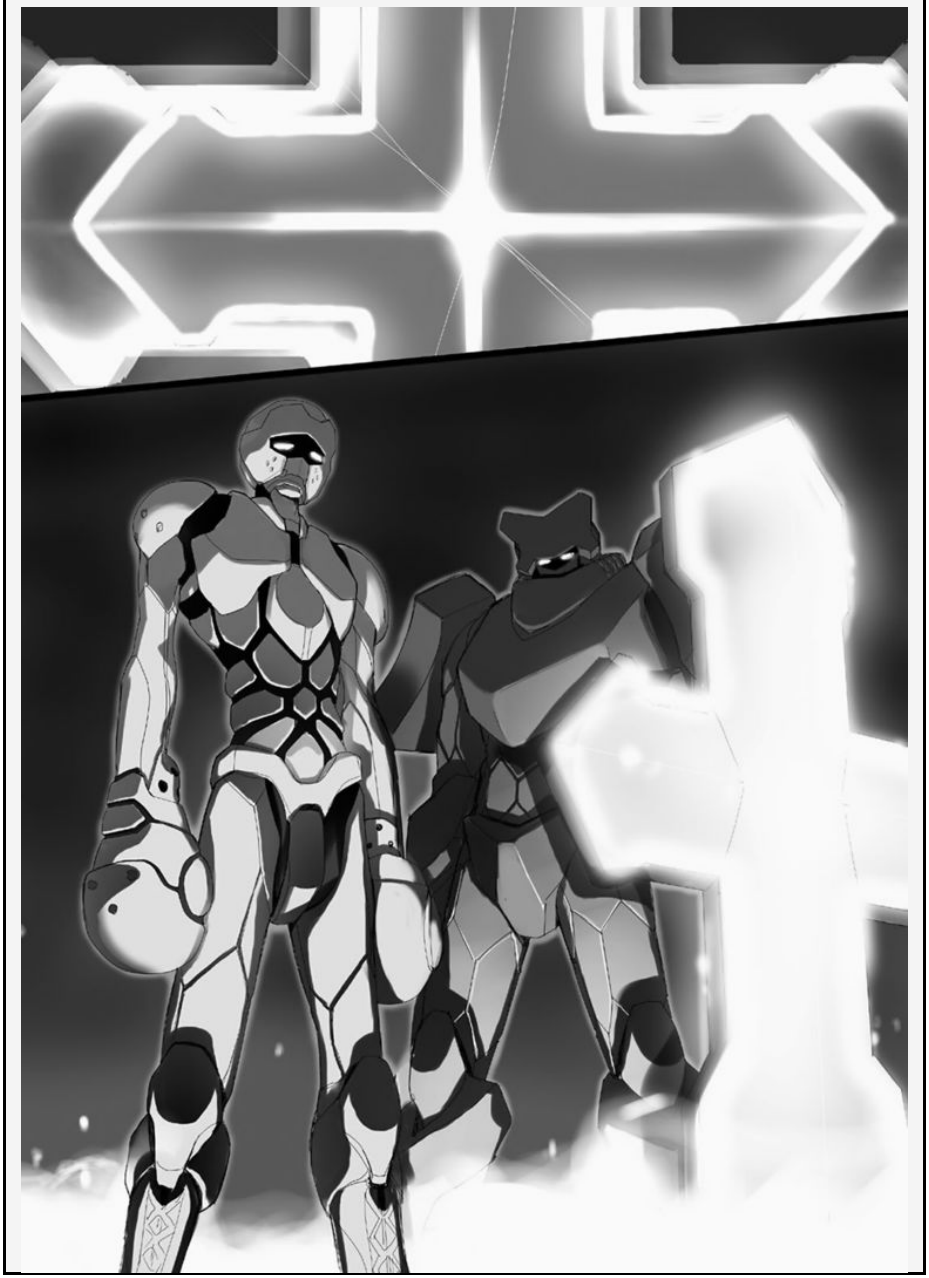
— Зелёный Король… Грин Гранде, — хрипло произнёс Харуюки это имя.

Конечно, само присутствие здесь Короля словно подавляло Харуюки, но было и другое чувство, заставившее его забыть о страхе. Он поднял голову и посмотрел точно в глаза огромного аватара. Вокруг, словно пламя, зажглась чёрная аура. Он спросил:

— Так это ты… стоишь за всем этим? Это ты создал ISS комплекты и распространил их?

Харуюки знал, что если этот аватар кивнет, то в следующее мгновение он будет готов разрубить его мечом. Но Зелёный Король лишь смотрел на Харуюки глазами загадочного янтарного цвета. Он никак не отреагировал на вопрос.





Вместо этого послышался крик со стороны стоящего перед ним металлического аватара.

— Как ты смеешь?!..

Аватар резко взмахнул круглой головой. Она выглядела простой, но именно поэтому казалась крепкой. Он вскинул одетую в перчатку правую руку и направил её на Харуюки.

— Сильвер Кроу… нет, Хром Дизастер. Это, скорее, ты

состоишь в Обществе! И твой грязный Оверрей — тому подтверждение! Ты разжалобил Королей и выпросил неделю на очищение, а вместо этого действуешь втайне ото всех. Грязный подлец! Ты стоишь имени своего родителя, величайшего предателя Ускоренного Мира!

Когда Харуюки услышал эти слова, он почувствовал, как внутри его головы голубой искрой проскочила мысль.

«Его так просто не убьёшь».

В то же время, цифровая часть его сознания продолжала анализировать информацию.

Эти аватары уже знали, что перед ними — Сильвер Кроу, призвавший Броню Бедствия. Но в этом ничего странного не было. Конечно, Ускоренный Мир велик, но даже последний новичок в нём знал о том, что способность долгое время летать в небесах доступна лишь «Вороне» из Нега Небьюласа, а уж Короли и их приближённые и вовсе были в курсе того, что Броня Бедствия в данный момент паразитировала на Сильвер Кроу. Кроме того, вид Харуюки очень напоминал тот облик, который он принял в конце «вертикальной гонки по Гермесову Тросу» на глазах сотен людей.

Если уверенность Зелёного Короля не вызывала вопросов, то храбрость и хлёсткие слова сопровождавшего его металлического аватара, знавшего, что стоит перед лицом легендарного разрушителя, заслуживали похвалы. Естественно, вслух Харуюки ничего говорить не стал, продолжив думать.

Если он всерьёз подозревал Харуюки в связях с Обществом Исследования Ускорения, то это значит, что сами они в нём не состояли. Но если так, то зачем они помешали ему гнаться за лучом? Кроме того, есть ещё один вопрос, который он просто обязан задать до начала битвы.

Харуюки сфокусировался на маске металлического аватара и спросил его:

— Если вы хотите сказать, что не состоите в Обществе… то почему вы тут ошиваетесь?

— …О чём ты?

— Несколько минут назад, в трёх километрах отсюда, двух членов Грейт Волла несколько раз убила группа владельцев ISS комплектов. Почему вы не пришли им на помощь, если находитесь так близко?..

Когда он произносил эти слова, в памяти его вновь пронеслась сцена гибели Аш Роллера, и он вновь ощутил прикосновение ледяной ярости. Не в силах сдержать свои чувства, он коротко прорычал.

— !.. — с шумом вдохнул металлический аватар.

Харуюки шагнул вперёд и, продолжая смотреть в его глаза, тихо шептал:

— Или в вашем Легионе не принято задумываться о том, что кто-то из его членов может страдать, что кого-то могут лишать всех очков? И вы после этого считаете, что вправе называть других людей подлецами?..

Он сплёвывал слова, словно пламя, и в то же время начал осознавать противоречие, зарождавшееся в его голове.

Когда Харуюки стал Шестым Хром Дизастером, он желал лишь двух вещей: отомстить пластинчатому аватару Блэк Вайсу за гибель когда-то дорогого кому-то человека, и уничтожить Ускоренный Мир, порождающий лишь горе и трагедии. Но это означало и гибель всех дорогих Харуюки людей.

И, в то же время, сознание Сильвер Кроу, сознание самого Харуюки, всё ещё жившее внутри Брони, полагалось на созданные им в этом мире «узы» и верило в них. Именно поэтому он сейчас ощущал ненависть к этим офицерам Зелёного Легиона, посмевшим оскорбить Черноснежку и не защитивших Аш Роллера.

Возможно, это противоречие означало, что Броня ещё не полностью поглотила сознание Харуюки. А возможно, оно означало, что и у самого Бедствия есть две стороны…

Но Харуюки не давал своим внутренним терзаниям просачиваться наружу. Он лишь сделал ещё один шаг, продолжая излучать яростную ауру.

Тусклый металлический аватар не дрогнул, но отвёл взгляд и тихо ответил:

— Это потому… что у нас тут важное…

— Ничто не может быть важнее жизни ваших легионеров. Если вы не хотите защищать ваших друзей, то вы мрази ещё хуже Общества Исследования Ускорения. И я… избавлю Ускоренный Мир от вас обоих, прямо сейчас!! — громко прокричал он и ухватился за меч, собираясь размахнуться им…

Но тут глаза опустившего голову металлического аватара вспыхнули с отчётливым звуком. Он медленно поднял взгляд и посмотрел точно на Харуюки.

— Ты… да что ты знаешь? Ты и представить себе не можешь… сколько времени наш Король жертвует ради Ускоренного Мира… ты не имеешь ни малейшего понятия, кто охраняет и поддерживает в этом мире порядок, чтобы такие как вы могли наслаждаться в нём битвами…

И тут…

Всё это время молчавший Зелёный Король сдвинулся. Он не сделал многого, лишь отступив на шаг и сложив руки за своим

щитом. Но эти движения однозначно были знаком металлическому аватару. Тот прервался, вновь напряжённо опустил голову, а затем поднял взгляд и встал в угрожающую стойку.

— Мы с самого начала знали, что нам придётся сразиться с тобой. Кулаки звучат громче слов, и именно с их помощью мы продолжим разговор.

Он отвёл назад правую ногу и пригнулся, а затем необычно лёгкими движениями сделал несколько шагов на месте. Он вскинул перед собой огромные кулаки, а затем прижал их к своему телу.

— Я — третий из «Шести Бастионов»[6] Грейт Волла, бёрст линкер седьмого уровня, Айрон Паунд. Я не буду ждать ещё три дня до Конференции, я уничтожу тебя здесь и сейчас!

Услышав такое грандиозное представление, Харуюки тоже открыл рот…

Но ответить «Я Сильвер Кроу из Нега Небьюласа» не смог. Даже находясь в таком состоянии, он до боли хорошо осознавал, что не имеет права представляться этим именем. Поэтому он вновь произнёс это проклятое имя:

— …Я Шестой Хром Дизастер.

Словно поддерживая это имя, аура, окутывавшая его аватар, вспыхнула ещё сильнее. Перчатки продолжавшего ритмично подпрыгивать Айрон Паунда тоже загорелись бледно-голубой аурой.

В его приветствии прозвучали слова «Шесть Бастионов». Видимо, это аналог «Элементов» Старого Нега Небьюласа, собирательное название высших офицеров Легиона. Это значило, что аватар перед Харуюки — четвёртый по силе среди всех входивших в «Грейт Волл». Кроме того, он на два уровня выше Харуюки. Разница в их силе была столь внушительной, что будь Харуюки в своей истинной форме, шансов на победу у него бы не было, как бы отчаянно он ни сражался.

Но сейчас Айрон Паунд казался ему лишь назойливой мухой, стоявшей на пути к истинной цели — Зелёному Королю. Грин Гранде потерял доверие Харуюки, остановив его погоню и не придя на помощь Аш Роллеру, и ярость Хром Дизастера требовала смерти Короля.

«Сначала мне нужно прибить эту помеху одним точным ударом», — решил Харуюки, ухватился за меч обеими руками и высоко занёс его. Остриё клинка замерло над ним, и он уже собирался размахнуться мечом…

На тусклом слое перед глазами мелькнула красная линия предполагаемой траектории. Вместе с этим начал выводиться

текст анализа.

«Анализ Атаки: Инкарнационная Техника

Тип: Увеличение Радиуса Атаки, Увеличение Силы Удара

Атрибут: Ударный

…»

Но оставшуюся часть сообщения Харуюки прочитать не успел.

Только перед глазами появилась красная линия, как противник тут же пустил по ней свою Инкарнацию.

Даже Харуюки, тренировавшийся замечать выстрелы из снайперских винтовок, увидел лишь голубую вспышку. Айрон Паунд на огромной скорости выбрасывал вперёд кулаки, и они удивительным образом дотягивались до Харуюки… но когда Харуюки осознал это, он уже получил столько ударов, что его туловище невольно выгнулось.

— Гр… ра-а-а! — яростно взревел и вновь подался вперёд, заканчивая размах мечом.

И в тот самый момент, когда вырвавшаяся из меча аура тьмы должна была разрубить голову противника пополам…

Она смогла попасть лишь по воздуху на том месте, где находился Айрон Паунд. Лезвие глубоко вонзилось в вертолётную площадку башни Роппонги Хилз, и от ударной волны трещина пробежала на несколько метров вперёд, но противник уже успел отскочить влево почти на два метра и вновь засверкал кулаками.

Три ритмичных удара попали в бок шлема Харуюки. В этот раз он даже не успел увидеть предполагаемую траекторию ударов.

«Ничего себе скорость!»

Он был таким быстрым, что за ним не поспевал даже анализатор Брони Бедствия. Пусть удары его не такие сильные, но их количества хватило, чтобы уже лишить Харуюки почти пяти процентов здоровья. То, что эти удары пробивали мощную защиту Брони, служило доказательством того, что это действительно Инкарнационные удары, но Харуюки казалось, что что-то в них не так.

Пока Харуюки вытаскивал застрявший в земле меч и пытался отбить атаки противника, он осознал, что именно смущало его.

Эти удары не сопровождались названием техники. Именно поэтому удары казались ему на удивление быстрыми и неожиданными. В сознании послышался далёкий голос Красной Королевы Скарлет Рейн:

«Основа Инкарнации — сильный мысленный образ. В идеале ты должен научиться пользоваться ей так же естественно, как и своими обычными спецприёмами. Тебе же пришлось целых три секунды заряжать удар, прежде чем его применить. Это слишком

долго! Поэтому лучше тебе придумать технике название, тогда ты сможешь, произнося его, сразу фокусироваться на нужном образе…»

Вдруг Харуюки вновь ощутил в своей груди зуд. Он вновь подавил его и сфокусировался на анализе информации.

Как следовало из слов Нико, выкрикивать название Инкарнационной техники при её использовании необязательно. Это делалось исключительно с целью рефлекторно создать в голове правильный образ и ускорить вызов техники. Так, в своём обычном состоянии Харуюки мог призвать технику «Лазерный Меч» примерно за полторы секунды. Но если он пытался активировать её, не произнося название, на это уходило больше четырёх секунд.

Обычные спецприёмы в Брейн Бёрсте всегда требовали объявления — это часть компенсации за их силу. Во-первых, необходимость анонса не давала использовать их скрытно, а во-вторых, она позволяла противнику разработать меры противодействия той или иной технике и дать ему время на реагирование.

И поэтому «тихие» атаки были настолько опасными. Приёмы Айрон Паунда как раз попадали в категорию безымянных Инкарнационных техник. С момента готовности к удару до выброса кулака проходила лишь доля секунды. Естественно, анализатор Брони не успевал среагировать.

Но…

Каким бы быстрым он ни был, он всё ещё сражался кулаками. Пусть радиус их поражения и увеличен Инкарнацией, они не могли дотянуться дальше меча. Если Харуюки сможет нанести рубящий удар одновременно с началом атаки противника, то первым попадёт именно меч.

Он занёс меч на среднюю высоту и сфокусировался на противнике.

Айрон Паунд ловко перемещался, почти не касаясь пятками земли. Уследить за ним было крайне трудно. Но даже если он мог использовать Инкарнацию без объявления, он не мог скрыть Оверрей.

— Ш-ш! — послышался краткий выдох.

Харуюки увидел, как вспыхнула аура на левом кулаке противника.

Время для контратаки было идеальным. За мгновение до того, как Айрон Паунд выбросил вперёд кулак, Харуюки взмахнул мечом. Он знал, что противник ещё не мог дотянуться до него, но уже стоял в зоне поражения клинка. А уж мощи лезвия, способного с лёгкостью рубить даже здания «Города Демонов»,

должно с лихвой хватить, чтобы разрубить пополам голову противника. Но…

Айрон Паунд вдруг совершенно невозможным на неопытный взгляд движением выгнулся назад, продолжая стоять на ногах. Клинок высек лишь несколько искр и соскользнул с его тела.

Атака оказалась блефом.

Противник сделал вид, что собирается атаковать левым кулаком, чтобы спровоцировать Харуюки на атаку. Затем он ловким движением уклонился от летящего в себя меча, и сразу после этого выбросил вперёд правый кулак со скоростью залпа из пушки.

И вновь он сделал это без единого слова. Но это не помешало покрытому аурой кулаку с силой впечататься в лицо Харуюки уже через мгновение после того, как тот закончил взмах клинком.

Силы этого удара вполне могло хватить, чтобы раскрошить весь шлем. Однако Харуюки успел рефлекторно взмахнуть крыльями и резко дёрнуться назад, избежав основной части урона. Но удар всё равно попал, перед глазами побелело, голова Харуюки запрокинулась назад, а затем и его тело отлетело назад метров на десять.

— Гр-р!.. — в ярости проревел Харуюки, хватаясь когтистыми ногами за пол.

Через мгновение он вновь встал прямо. Из растрескавшегося визора посыпалось несколько искр. Кое-как сдержав готовую в любой момент извергнуться ярость, Харуюки глухо прошептал:

— Судя по твоим техникам… ты боксёр?

Айрон Паунд, как раз отведший назад правый кулак, вновь приставил руки к челюсти и кивнул.

— Именно. Бёрст линкеров-боксёров не так много… и поначалу с нашими атаками не так просто совладать, правда?

Правда. Харуюки до сих пор ни разу не попадались бёрст линкеры, управляющие аватарами-боксёрами.

Просто «бойцовских аватаров» синего цвета, полагающихся на ударные техники и собственные руки, в Ускоренном Мире было достаточно, и Харуюки не раз сражался с ними. Но никто из них не владел техникой бокса такого уровня и не обладал настолько подходящим для этого аватаром. Скорее всего, этот бёрст линкер был боксёром и в реальности. Потому что в противном случае та ловкость, с которой он наносил быстрые толчки левой рукой, сокрушительные прямые удары правой, а также плавность его уклонений не поддавалась никакому объяснению.

Ещё многие годы назад начались разговоры о том, что навыки, которыми игрок владеет в реальной жизни (их так и называли — «реальные навыки») могут сильно помогать ему в

виртуальных играх. Скажем, наибольшего успеха в фентезийных играх с системой фехтования добивались именно те игроки, которые в реальности обучались кендо. Было неудивительно, что подобный эффект работал и в Брейн Бёрсте, виртуальном файтинге.

Но обычно такого «стартового бонуса» недостаточно, чтобы серьёзно влиять на баланс сил в Ускоренном Мире.

Первая причина тому была крайне простой — «спортивных бёрст линкеров» крайне мало. Поскольку Брейн Бёрст, всё-таки, сетевая игра, играли в него в основном геймеры, то есть дети, склонные к сидению дома.

Конечно, периодически попадались исключения, вроде кендоиста Такуму или бегуньи Тиюри. Но это отнюдь не гарантировало то, что им достанется дуэльный аватар, которому их навыки принесут пользу. Если точнее, это было практически невозможно. Конечно, «Циан Пайл» Такуму был синим аватаром ближнего боя, но сражался не мечом, а «сваей», а «Лайм Белл» Тиюри трудно назвать мобильным аватаром. Да и Харуюки, несмотря на огромный опыт перестрелок в виртуальных FPS, достался не красный аватар с пистолетом, а Сильвер Кроу, сражавшийся вообще без оружия. Такое несоответствие навыков людей их аватарам было второй причиной, по которой эти «стартовые бонусы» не особо влияли на баланс сил в дуэлях.

Но всё же, в исключительно редких случаях игрокам доставались аватары, соответствующие их знаниям, умениям и навыкам из реальной жизни. И таких аватаров называли…

— Так ты «Идеал»[7]… — прошептал Харуюки.

Айрон Паунд вновь кивнул и продолжил:

— Но это не единственная причина, по которой ты не сможешь меня победить. Видишь ли, Грейт Волл… все эти годы исследовал Броню Бедствия в мельчайших подробностях. Мы готовились к её следующему появлению, чтобы не дать ей причинить вреда, и уж в этот раз изгнать её из Ускоренного Мира навсегда.

— Исследовал, говоришь?..

— Именно. Увы, но полгода назад, когда появился Пятый, он никогда не заходил южнее Синдзюку, и мы не могли атаковать его из-за пакта о ненападении… но тебя, Шестой, мы не упустим. По плану мы должны были подождать, пока за тебя объявят награду, но раз уж нам повезло встретиться с тобой здесь, то тут мы тебя и прикончим.

Харуюки хладнокровно смотрел на Айрон Паунда, с уверенностью произносящего эти слова.

Пусть его противник и боксёр, и Идеал, у Харуюки всё ещё

оставалось бесчисленное количество вариантов. Начать хотя бы с того, что статус боксёра, который противник зачем-то подтвердил, накладывал определённые ограничения — например, то, что все его тактики работали лишь на врага, находящегося не более чем в шести метрах от него — то есть, стоящего на ринге. Конечно, он быстр, но стоило Харуюки отойти дальше, или, наоборот, подойти вплотную, как большинство способностей противника оказались бы бесполезны.

«Я схвачу его, затем вложу Инкарнацию в меч, пробью его насквозь и скину с крыши башни.»

— Хорошо, тогда я покажу тебе, насколько бесполезными оказались ваши «исследования», — шепнул Харуюки, а затем резко выбросил вперёд левую руку.

Он раскрыл пальцы на руке и направил её на противника. Послышался тихий звук, и из ладони вылетел серебристый луч. Это была «Крючковатая Проволока», которая никогда не промахивалась и не рвалась.

Когда-то она была способностью Пятого Дизастера, Черри Рука. Броня скопировала её себе, так же, как скопировала «Мгновенный Скачок» Первого и «Огненное Дыхание» Второго. Использование этой техники требовало глубокой синхронизации с бронёй, но Харуюки уже выполнил это условие. Пожалуй, именно использование способностей предыдущих Хром Дизастеров и есть главная особенность Шестого, а также его главная сила.

Поскольку Айрон Паунд сказал, что им так и не удалось сразиться с Пятым, то он не должен знать о том, как работает Проволока. Уклониться с первого раза от почти незаметного крючка, летящего со скоростью пули, не смог бы никто…

И тут сухой металлический звон раздался на крыше башни Роппонги Хилз.

Харуюки увидел, как крючок, способный пробить броню любого аватара, включая Сильвер Кроу, бессильно отскочил от левого плеча Айрон Паунда.

— !.. — резко вдохнул Харуюки.

Но опытный боксёр уже успел подскочить к нему. Сведённые руки в перчатках вспыхнули свежим синим светом.

— Хаммер Рейв[8]!

В этот раз у его техники было название.

Казалось, будто кулаки закрыли собой весь мир. С левой стороны со скоростью пулемёта прилетали толчки. Справа атаковали мощные хуки и прямые удары. Атак было… точно больше десяти в секунду.

У Харуюки не было времени даже защищаться. Яростный

шквал атак заставил его раскинуть руки, запрокинуть голову, а затем сила ударов подняла его в воздух, полностью лишив способности передвигаться. Его буквально парализовало в воздухе.

Вдруг к животу выгнувшегося Харуюки синей тенью подскочил Айрон Паунд. Он резко пригнулся, и правый кулак его засветился аурой, в разы более плотной, чем раньше. Инстинктивно почуяв, что противник готовится добивать его, Харуюки попытался взмахнуть металлическими крыльями. Но тяжёлые крылья с трудом слушались его, и одновременно с тягой Харуюки ощутил…

Как апперкот противника, похожий на залп из корабельной пушки, попал точно в беззащитную челюсть Харуюки, оставляя за собой голубой след.

От удара из Харуюки вышибло весь дух, а тело его беспомощно подлетело в воздух. Наконец, он достиг пика траектории и через несколько секунд повалился на землю. Ударившись об пол, он отскочил и, наконец, распластался на спине.

Полоска здоровья в верхнем левом углу за раз лишилась половины своего запаса и окрасилась в жёлтый цвет. Харуюки знал, что должен подняться, но он не желал принимать происходящее и был так сильно шокирован атакой противника, что сознание его балансировало на грани Зануления.

Со спины послышались металлические звуки шагов обходящего его противника. А затем, голос:

— Вот твоё слабое место. Оно общее у всех Хром Дизастеров и не меняется из поколения в поколение…

— Слабое место?.. — тихо отозвался Харуюки, поднял голову и злобно уставился на стоящего в паре метров от себя Айрон Паунда.

«Идеальный» боксёр смотрел на него ничем не примечательными линзами глаз и немного печальным тоном продолжил:

— Всем известно, что сила Брони невероятна. А тебя она заразила настолько, что ты даже научился использовать способности её прошлых хозяев. Но… всё это — чужая сила. Ты похож на ребёнка без прав, севшего за руль гоночного болида. Ты можешь вдавить педаль газа в пол и проехать прямую линию на безумной скорости, но не умеешь поворачивать. Ты так занят использованием чужой силы, что забываешь даже самые основы дуэлей… склонности своих противников.

Аватар поднял правую руку и указал большим пальцем, отстоящим от остальных, на своё левое плечо — точно туда, куда

метил Проволокой Харуюки.

— Цвет моего аватара — «железный», это самый защищённый от колющих атак цвет среди всех металлических. Твои жалкие крючки, не усиленные Инкарнацией, ни за что не пробьют эту броню.

«Так вот оно что».

Харуюки со скрипом сжал кулаки, осознавая свою ошибку.

Металлические аватары жили отдельно от «основных цветов» и встречались, пожалуй, ещё реже, чем Идеалы. Харуюки знал, что к этому классу относится он сам, Сильвер Кроу, офицеры Синего Короля — Кобальт Блейд и Манган Блейд — а также древний бёрст линкер, создавший Броню Бедствия (он не знал его имени, но знал, что оно начинается на «Хром»). И всё. Опыта сражений против таких аватаров у него, можно сказать, не было.

Именно поэтому он никогда не задумывался о том, что высокий уровень защиты, главный плюс металлических аватаров, которым он с удовольствием пользовался, может в один прекрасный день послужить и противнику. Этому было лишь одно объяснение: невнимательность.

И… не только она. Если бы «Крючковатая Проволока», не подействовавшая на Айрон Паунда, была его собственной техникой, он бы с самого начала не пытался применить её, зная, что атака провалится. Ведь когда он сражался против Пятого Дизастера, Черри Рука, тот даже не пытался атаковать Харуюки Проволокой. Он знал, что она редко срабатывает против металлических аватаров.

Чужая… сила.

Харуюки, продолжая лежать на спине, начал постепенно понимать смысл этих слов. Айрон Паунд продолжал тихо говорить с ним:

— Когда мы анализировали Броню Бедствия и обдумывали тактику борьбы с ней, мы пришли к выводу: побеждать Дизастера нужно не числом, не сверхмощной Инкарнацией, а отточенными до совершенства базовыми атаками. С тех пор мы, «Шесть Бастионов» Грейт Волла, начали тратить огромное время на оттачивание наших навыков. Даже самые простые наши атаки превосходят по силе сильнейшие Инкарнации. И всё это мы делали ради того, чтобы в следующий раз избавить этот мир от проклятия Брони уже без помощи Королей.

В воздухе послышался резкий звук. Скорее всего, его издал взмахнувший в воздухе кулаком Паунд, но это произошло так быстро, что Харуюки заметил лишь остатки ауры в воздухе.

— Чтобы побеждать первых Дизастеров, Королям приходилось лично выслеживать их и уничтожать, несмотря на

риск, связанный с правилом внезапной смерти. Но для нас, гвардии Короля, это казалось унизительным. Поэтому, в этот раз уже мы… точнее, я остановлю Броню своими руками. Прости, Сильвер Кроу, но сегодня ты исчезнешь навсегда. Это нужно сделать сейчас, когда ты только появился… ведь пока ты слабейший из всех Хром Дизастеров.

«Слабейший».

Это слово эхом раздалось в сознании Харуюки.

А в следующее мгновение его заполнил вихрь кипящих чувств, начавший собираться на его спине.

«Убить. Убить. Убить. Немедленно убить!»

Энергия умопомрачительной ярости была настолько сильна, что начала излучаться сквозь щели брони.

Из спины начали постепенно вытягиваться кольца, образуя длинный острый хвост. Тот самый хвост, что Харуюки отрубил в конце вертикальной гонки по Гермесову Тросу. Ещё одна особенность Шестого Дизастера.[9]

Харуюки вонзил остриё хвоста в пол и, упираясь им, поднял себя с земли. Встав на ноги, он наклонился вперёд и сжал меч правой рукой. Когти на левой руке дрогнули. Послышался звериный рык:

— Гр-р… убью… у… бью…

Чёрная аура гнева и кровожадности текла по его жилам и просачивалась наружу. Металлический пол «Города Демонов» пошёл трещинами. Сомнения, наполнявшие его, вмиг улетучились, и Харуюки напрягся, готовый в любой момент ринуться в бой.

Айрон Паунд же, совершенно не показывая страха, встал в защитную стойку.

В линзах его глаз виднелись непоколебимая решимость, убеждённость и, почему-то, жалость.

Остаткам сознания Харуюки этот взгляд показался знакомым.

«Это было… да, это было полгода назад, в тот раз, когда мы отправились уничтожать Пятого Хром Дизастера. В самом конце той битвы, за мгновение до того, как Красная Королева Скарлет Рейн убила своего родителя, Пятого Хром Дизастера Черри Рука, она смотрела на него точно такими же глазами. Нико… словно хотела сказать ему, что избавит его от проклятия, пересилившего Рука, переполнившего его яростью, заставившего его нападать на других людей и пожирать их…»

И, когда Харуюки понял всё это, он занёс клинок… и вонзил его в землю у своих ног.

Затем он медленно, один за одним, разжал пальцы и убрал ладонь с рукояти. Он опустил руку и изо всех сил попытался

унять свою бушующую ярость.

И вдруг в голове его послышался раздражённый вой:

«Что ты делаешь?.. Возьми меч. Разруби врага, разорви его и сожри без остатка.»

С ним говорил «Зверь», живущий в Броне Бедствия. Это было сознание, образовавшееся из концентрированной негативной Инкарнации древнего бёрст линкера, запечатанное в Броне в момент её создания и всё это время жившее в ней.

Харуюки слышал, что центральный сервер Брейн Бёрста, он же «Основной Визуализатор», хранит и обрабатывает все данные так же, как люди хранят свои воспоминания. Поэтому сильные эмоции могли запечатываться в объектах, наделяя их собственным сознанием.

Но «Зверь», помимо сознания, обладал ещё и чудовищной властью. Как только Харуюки услышал его голос, его сознание едва удержалось от того, чтобы вновь погрузиться в хаос. С трудом сдерживаясь, Харуюки мысленно прокричал:

«Молчи!

Мы не победим, если будем действовать безрассудно! Я… я хочу победить, я хочу выиграть, во что бы то ни стало! Я отказываюсь проигрывать кому-то, кто считает, что в этом мире есть что-то важнее жизни его друзей!»

В ответ вновь послышался раздражённый голос:

«Гр-р… тогда тебе тем более нужна моя сила. Без меня ты лишь маленькая беспомощная ворона.»

«Да, я знаю, я признаю это. Но… я всё ещё не умею использовать возможности Брони по максимуму. Чтобы угнаться за ним, мне нужны мои самые отточенные техники. Поэтому заткнись и помоги мне! Тебе ведь тоже не хочется умирать?!»

Весь этот мысленный разговор занял лишь долю секунды реального времени. Зверь зарычал ещё неудовлетворённее, но всё же согласился со словами Харуюки, и тот почувствовал, как контроль над аватаром частично возвращается к нему.

Естественно, ярость Харуюки всё ещё никуда не делась. Но это было уже не алое пламя гнева, требовавшее уничтожения всего мира, а сосредоточенная голубая плазма, наполнявшая его тело.

Он выставил перед собой руки, вытянул когти и пригнулся.

Уже собравшийся броситься в бой Айрон Паунд прищурился. Он пытался понять, почему Харуюки вдруг решил сражаться без меча. Он медленно подошёл на расстояние, с которого мог достать его левым кулаком, и сфокусировал взгляд.

Харуюки не двигался. Он всё ещё стоял в боевой стойке, выставив левую руку чуть дальше, чем правую, и внимательно

следил за кулаками противника.

Мысли его успокоились, и он начал обдумывать тактику. Первый вариант — воспользоваться псевдо-телепортом, Мгновенным Скачком, чтобы уклоняться от атак или неожиданно нападать. Но это спецприём, название которого необходимо произнести вслух. Он ни за что бы не успел что-либо сказать за то время, пока в него летит сверхскоростной кулак противника. Кроме того, противник быстро поймёт значение этой фразы, и второй раз техника на него не подействует.

Другой вариант — воспользоваться накопленной энергией, чтобы взлететь на недосягаемую высоту с помощью своих крыльев, и оттуда использовать дальнобойные атаки, вроде Огненного Дыхания или Лазерного Копья. Но если противник знал, что сражается против Сильвер Кроу, то должен знать, как противостоять его полётам. Кроме того, за спиной противника всё ещё неподвижно стоял Грин Гранде, о существовании которого тоже нельзя забывать. Если Харуюки попытается взлететь, тот вполне может вновь использовать свою Инкарнационную технику, «Стену в Парсек».

«Похоже, мне всё-таки нужно по-быстрому прикончить Айрон Паунда, пока его Король не вмешивается в бой. Даже с помощью силы Дизастера сделать это будет крайне трудно, но другого выхода нет. Мне нужно избавиться от них, а затем направиться к Мидтаун Тауэру, уничтожить там тело ISS комплекта, а заодно — порвать всех членов Общества Исследования Ускорения, которые там окажутся.»

В этих мыслях был заключён весь смысл жизни Харуюки на данный момент.

— Давай, — глухо прошептал он, испуская тусклую тёмную ауру.

В ответ на это Айрон Паунд вновь начал упруго подпрыгивать на месте. Ритмично двигая ногами, он принялся постепенно сокращать расстояние.

Как он сам и говорил, его «Инкарнационный Толчок»[10] левым кулаком за счёт своей неожиданности и скорости был самым грозным из его оружий. Один удар почти не наносил урона, но их комбинация практически обездвиживала цель, делая её уязвимой для мощных ударов справа.

Будь это настоящий бокс, против такого противника следовало бы уйти в глухую оборону и ждать, пока расстояние не сократится. Но они были не на ринге, а на широкой крыше Роппонги Хилз. Отступать и петлять здесь можно вечно, но так и не дождаться ни единого шанса для контратаки. Всё, чего добился бы Харуюки — постепенного иссякания своей шкалы

здоровья.

Единственный шанс на победу — отыскать уязвимость в самом Инкарнационном Толчке.

«Эй, зверюга», — мысленно обратился Харуюки к сознанию Брони, продолжая уверенно держать перед собой руки. — «У тебя лучше меня получается предугадывать направление атак противников. Следи за выпадом противника, а я сосредоточусь на его ногах.»

Он не услышал в ответ ни единого слова, но краткий недовольный рык всё же раздался. Судя по всему, сознание согласилось. А в следующий миг…

Оверрей, покрывающий левую перчатку Айрон Паунда стал чуть мощнее.

И одновременно с этим перед глазами Харуюки мелькнула ярко-красная линия предполагаемой траектории.

Харуюки рефлекторно взмахнул правой рукой, начав закручивать её по спирали. Инкарнационный Толчок Паунда начался сразу после появления линии. Он был слишком быстрым, чтобы реагировать сознательно — действовать приходилось инстинктивно.

Харуюки ощутил обжигающий жар на вращающейся руке, которая попала точно в траекторию перчатки. Но он не собирался отбивать удар — так он просто дал бы своему противнику шанс отвести руку и ударить ещё раз.

Поэтому он и закручивал ладонь, а не отбивал атаку.

Все это время Харуюки держал в голове образ того, как он затягивает толчок Айрон Паунда, перенаправляя его влево и вниз. Это была весьма сложная техника, изменявшая лишь вектор атаки противника, оставляя нетронутой энергию. Она называлась «Смягчением» или «Возвратом».

Даже столь опытный противник не ожидал, что Харуюки не будет блокировать удар, а станет его затягивать. Тело Паунда дрогнуло, а ноги сбились с ритма.

И в это самое мгновение Харуюки крикнул:

— Флэш Блинк!

Тело, закованное в почерневшее серебро, рассыпалось на частицы, которые тут же обогнули тело Айрон Паунда и вновь собрались за его спиной.

Одновременно с материализацией, Харуюки начал разворачиваться и тянуться правой рукой к беззащитной спине противника…

— Лазер Сорд! — воскликнул он.

По сравнению с Инкарнационным Толчком Паунда, Инкарнационная техника Харуюки активировалась гораздо,

гораздо дольше. Успей противник сообразить, что к чему, он без проблем увернулся бы от этого удара.

Но даже «Идеальный» боксёр отреагировал слишком поздно. Возможно, он отреагировал слишком поздно именно потому, что был Идеалом, ведь в настоящем боксе атаки со спины запрещены. Ситуаций, когда один боксёр заходил другому за спину, просто не было.

Конечно, Паунд прекрасно понимал, что в Ускоренном Мире такого правила нет. Но избавиться от выработанных в реальной жизни рефлексов очень непросто. Сейчас он был подобен Такуму, который оцепенел во время боя с Даск Тейкером, когда тот попытался ударить его в горло, используя приём, травмировавший Такуму в реальности. Но Харуюки не просто зашёл Паунду за спину, он неожиданно телепортировался, чего тот ожидал ещё меньше…

Паунд на миг растерялся, дав Харуюки такой нужный шанс, и в следующее мгновение чёрный клинок с пронзительным звоном вырвался из ладони Харуюки.

Против леденящей Инкарнации не могла устоять даже крепчайшая стальная броня. Поражённый точно в сердце, Айрон Паунд резко выгнулся назад и в агонии обронил:

— Гха-а…

Но аватара седьмого уровня так просто не победить, и Паунд тут же попытался скакнуть вперёд.

Казалось, что после такой сложной атаки Харуюки, стоявший с вытянутой рукой, не сможет угнаться за противником. Но вновь сработал инстинкт, и Харуюки резко взмахнул правым крылом. Возникшей тяги хватило, чтобы закрутить его и дать атаковать противника. Это была собственная техника Харуюки, позволявшая ему использовать в бою быстрые взмахи крыльев для нанесения ударов со всех сторон — «Аэрокомбо».

Кручение передалось со спины плечу, затем руке, и Харуюки взвыл:

— У-у… о-о-о-о!

Послышался оглушительный металлический шум, вскоре стихший.

На вершину башни Роппонги Хилз ненадолго опустилась тишина. Тени сражавшихся фигур на полу слились в одну.

Руки и ноги Айрон Паунда бессильно обвисли. Его крепкое тело не падало лишь потому, что висело на правой руке Хром Дизастера, торчавшей глубоко из его груди. Второй удар Лазерного Меча вновь вонзил когти в ту же самую рану.

До ушей Харуюки, правая рука которого по самое плечо вошла в тело Паунда, вдруг донёсся тихий голос:

— Если ты… настолько силён… то почему… используешь силу тьмы?..

С этими словами тело «Идеального» боксера рассыпалось на бесчисленные осколки.

Как только утихли впечатляющие спецэффекты, от Айрон Паунда остался лишь маленький серый огонёк — маркер смерти. Харуюки окинул его взглядом и хрипло произнёс:

— Бедствие прожило столько времени… именно из-за вашего отторжения и непонимания.

Конечно, огонёк не ответил. Но Харуюки тихо продолжил:

— Возможно, эта тьма… живёт в каждом из нас…

Но больше он ничего не смог сказать. Вновь послышался злобный звериный рёв в глубине сознания.

«Да, я знаю. Сейчас начнётся главное…» — мысленно отозвался Харуюки и с лязгом развернулся.

Перед глазами показался огромный крестовой щит, за которым со сложенными на груди руками стояла величественная фигура. Зелёный Король Грин Гранде по прозвищу «Инвалнеребл»[11]. На его янтарных глазах только что убили верного ему офицера, но в них осталось всё то же спокойствие и всё та же загадочность.

Обрывочные воспоминания, которыми зверь делился с Харуюки, показывали, что Зелёный Король — единственный бёрст линкер, принявший участие в последних битвах целых четырёх Хром Дизастеров.

Он почти не пытался атаковать, лишь поглощая атаки обезумевших Дизастеров своим Артефактом, Конфликтом, выигрывая своим союзникам время. Другими словами, без Зелёного Короля Броня Бедствия принесла бы в этот мир в разы больше разрушений.

И именно поэтому для «зверя», скрывавшегося в Броне, Зелёный Король был злейшим врагом. Его рёв наполнял сознание Харуюки такой кровожадностью, что тот был готов взорваться.

«Прекрати. Его мы тем более не победим безрассудными атаками», — объяснил Харуюки зверю и медленно сделал два шага в сторону Зелёного Короля.

Зелёный Король даже не дёрнулся. Сфокусировав на нем взгляд, Харуюки низко произнёс:

— Если Айрон Паунд не соврал, и вы действительно не работаете на Общество Исследования Ускорения… то почему ты остановил меня?

Он подождал три секунды, но ответа не последовало. Грин Гранде молчал так же, как на Конференции Семи Королей, за которую он не произнёс ни единого слова.

— Вижу, спрашивать бесполезно. Значит, придётся выбивать ответы кулаками, — прошептал Харуюки скорее себе, нежели ему, после чего пригнулся и встал в боевую стойку.

Но в этот самый момент…

— Очень скоро ты сам всё поймёшь.

Донёсся до него голос, казавшийся ясным, несмотря на все наложенные спецэффекты.

Несомненно, это был тот же самый голос, который произнёс название масштабной Инкарнационной техники «Стена в Парсек». Но казалось, словно голос шёл не по воздуху, а через землю, и Харуюки до сих пор не был уверен, что он принадлежал стоящему перед ним аватару.

Он продолжал внимательно смотреть, но Зелёный Король всё ещё не двигался. Более того, его массивное тело было чуть отвёрнуто от Харуюки и смотрело не на него, а на северо-восток. Харуюки проследил, куда смотрит Король, и оказалось, что его взгляд обращён к главной башне «Токио Мидтаун Тауэра», высотному зданию на другой стороне Третьей Столичной Линии.

Башня, украшенная заострёнными орнаментами, характерными для «Города Демонов», блестела на фоне почти закатившегося солнца. В отличие от Роппонги Хилз, она венчалась острым шпилем. Вокруг него летало несколько Энеми, но в остальном возле башни ничего не происходило.

Но где-то в ней должно скрываться тело ISS комплекта, заражающее Ускоренный Мир. Уничтожив его, можно спасти от заражения всех бёрст линкеров с терминалами комплекта, а их уже наверняка не меньше пятидесяти.

На самом деле, Харуюки мало волновало спасение Ускоренного Мира. Скорее, наоборот — его сознанием более чем наполовину управляли разрушительные позывы убивать без разбору ненавистных бёрст линкеров, пусть даже это означало бы опустошение и гибель Ускоренного Мира. Но первыми должны сгинуть члены Общества Исследования Ускорения, создатели ISS комплектов. Но не только за то, что они создали их. Именно они однажды подстроили подлую ловушку, а затем раз за разом со страшными мучениями…

— !..

Вдруг сознание Харуюки словно поразила молния, протянувшаяся в голову со спины. Он встрепенулся.

Зверь, которого он всё это время более-менее подавлял, взревел так, словно вырвался на свободу. Рёв этот, полный чудовищной ярости и кровожадности, оказался таким пронзительным, что ещё больше стал похож на стенания.

Покрывавшая Броню Бедствия аура тьмы вспыхнула чёрным

пламенем. Покрывавшая конечности острая броня вздыбилась, а зловещие когти приняли ещё более угрожающий вид. Торчащий из спины хвост изогнулся, словно хлыст, и ухватился за рукоять воткнутого в землю меча. С глухим звуком он вытащил его из земли, а затем вновь вонзил перед Харуюки.

В чёрной, но всё ещё зеркальной поверхности клинка показалось согнувшееся, дрожащее тело Хром Дизастера. В глубине тьмы, скрывавшейся за визором, мерцали зловещие глаза, совершенно не похожие на те, что когда-то были у Сильвер Кроу.

— Гр… р-р-р-р… — слились в единый звук рычания зверя и Харуюки.

Мысли и логика покинули его сознание, уступив место бурлящей ярости. Это явно феномен Оверфлоу, потеря контроля над аватаром из-за переполнения негативными эмоциями, но Харуюки не осознавал даже этого.

Он забыл о стоящем перед собой Зелёном Короле и расправил металлические крылья на спине. Затем он ухватился правой рукой за меч перед своими глазами и резко взмахнул им перед собой. Он уже приготовился взлететь, чтобы добраться до башни Мидтаун Тауэра и сравнять её с землёй, как…

Вновь раздался голос.

— Стой. Время ещё не настало.

— Гр-р!.. — издал Харуюки кровожадный рык и посмотрел вправо.

Теперь бронированная маска Зелёного Короля Грин Гранде была обращена точно к нему. В отличие от Дизастера, в его янтарных глазах читалось лишь безграничное спокойствие. В них не было ни ярости, ни нетерпения, и уж тем более в них не было страха. Он стоял чинно, словно древнейшее дерево леса, всезнающее и всевидящее.

Но Харуюки даже эта поза показалась вызовом на бой, который он не мог проигнорировать. Если он собирался остановить его — он должен был умереть. Повинуясь не логике, но позывам, Харуюки медленно размахнулся мечом в правой руке. Левую руку он тоже положил на рукоять и до предела изогнул своё тело. Он вкладывал всю свою силу, всю свою скорость, всю свою Инкарнацию в один смертельный удар.

Естественно, у Харуюки ни в реальном мире, ни в Ускоренном не было опыта битв с мечом, и он никогда им не обучался. Как сказал Айрон Паунд, это лишь чужая техника, чужая сила. Она не годилась для битв, где всё решала скорость бойцов.

Но Харуюки уже практически не был самим собой. Это был

уже не «Сильвер Кроу, экипировавший Усиливающее Снаряжение под названием Бедствие», а почти самый настоящий «Хром Дизастер».

Третий Хром Дизастер, о котором Харуюки не знал даже того, как его звали, был синим аватаром с двуручным мечом. Когда-то он спорил за звание лучшего мечника Ускоренного Мира с самим Синим Королем Блу Найтом по прозвищам «Ледженд Слэйер» и «Ванкишер». И именно Синий Король нанёс последний удар, навсегда изгнавший его из Ускоренного Мира.

И сейчас телом Харуюки управляла техника Третьего Хром Дизастера, которую тот оставил в Броне. Он оставил в Броне свой след так же, как Первый с Мгновенным Скачком, Второй с Огненным Дыханием и Пятый с Крючковатой Проволокой. И глубокая синхронизация с Бронёй, вернее, со «зверем» внутри Брони давала возможность использовать эти техники. Именно в этом и заключалась истинная сила Брони Бедствия… вернее, Шестого Хром Дизастера, которым стал Харуюки.

Похоже, что и Зелёный Король осознал, насколько далеко зашёл Харуюки. Он шагнул вперёд, разворачивая к нему тело. Его огромный щит, «Конфликт», закрывал собой почти половину тела, но Харуюки, не обращая на это внимания, продолжал выгибаться, словно лук. Острие клинка коснулось пола за спиной Харуюки. Выгнутое до предела тело заскрипело. И когда это напряжение достигло предела…

— Гр… р-ро-о-о-о!!! — испустил он похожий взрывной рёв и дал волю своей силе.

Расправляясь, он изо всех сил взмахнул крыльями, выстреливая собой вперёд. Он рванул так резко, что образовалась взрывная волна, образовав новые трещины в крыше.

Харуюки был в десяти метрах от цели, и атака ближнего боя до Короля бы не достала. Но при этом это расстояние он преодолел моментально. Грин Гранде, впрочем, даже не собирался уклоняться от атаки. Он молча смотрел на описывающий в воздухе полумесяц клинок и стоял на месте, лишь слегка приподняв щит.

Многое Снаряжение при надевании окрашивается в цвет аватара. Щит Зелёного Короля и меч Синего тоже попадали в эту категорию. Впрочем, самому Харуюки показалось, что щит был чуть более тёмным и изумрудным, нежели броня самого Короля.

И Харуюки обрушил на эту зелёную стену самый сильный удар, на который только был способен.

Встречу меча и щита уже нельзя было описать ни световыми, ни звуковыми эффектами. Она породила чистую, мощную энергию. Мир перед глазами исказился, вокруг начала расходится

странная вибрация, словно земля под ними крошилась, затем затряслась вся верхняя половина башни Роппонги Хилз. А за этим…

Верхняя половина башни «Города Демонов», хваставшегося невероятной прочностью зданий, разлетелась на бесчисленные осколки.

Земля ушла из-под ног. Харуюки и Грин Гранде присоединились к дождю объектов, полетевших вниз. Но оба они не сдвинулись с места, продолжая держаться за щит и меч. Схлестнувшаяся Инкарнация аватаров не разбросала их в стороны, а зафиксировала на месте.

Зелёная аура, исходящая от Конфликта, пыталась окутать собой меч, когда-то называвшийся Звездомётом. Лезвие клинка испускало языки яростного чёрного пламени, но зелёная аура росла, словно зелень. Она была подобна дереву… тому самому великому Иггдрасилю, державшему на себе весь мир.

«Державшему на себе весь мир…» — пронеслись слова в сознании Харуюки, а вслед за ними в его сознание полились образы. Воспоминания. Они тянулись невообразимо долгое время и были полны бесконечных битв. Но они были не против бёрст линкеров. Противниками были гигантские чудища, «Энеми».

Наконец, оба аватара с тяжёлым звуком приземлились на руины того, что когда-то было верхней половиной башни Роппонги Хилз.

Их ауры начали утихать, и вслед за ними друг от друга отделились щит и меч. Повисла такая тишина, словно не было только что этого немыслимого разрушения. Затих даже бушевавший неутолимой яростью «зверь».

— Я и не думал, что ты так спокойно переживёшь этот удар… — послышался тихий шёпот.

Он был уже не таким искажённым и вновь стал похожим на прежний голос Харуюки. Но сам Харуюки после этих слов немедленно отпрыгнул назад, и только потом опустил меч.

Одновременно с ним опустил щит Зелёный Король и посмотрел на Харуюки, после чего медленно покачал головой. Затем он указал пальцем на свой щит, словно опровергая слова Харуюки. Внимательно приглядевшись, тот заметил на верхней части щита царапинку где-то в три миллиметра глубиной. Харуюки невольно усмехнулся, понимая, что даже такое незначительное повреждение казалось Зелёному Королю проигрышем.

— Я собирался разрубить тебя вместе со щитом, — сказал Харуюки и быстро осмотрелся.

Вырвавшаяся энергия разворотила примерно половину башни

Роппонги Хилз, заметно укоротив её. Стоящие вокруг здания либо накренились, либо лишились передних стен.

Чуть вдали на развалинах виднелся серый огонёк — маркер смерти Айрон Паунда. Похоже, что он упал сюда вместе с ними. Поскольку сейчас он был лишь призраком, способным лишь смотреть за происходящим, то и схватку Харуюки с Грин Гранде тоже должен был увидеть.

Перед началом битвы Паунд сказал: «Ты и представить себе не можешь, сколько времени наш Король жертвует ради Ускоренного Мира», и теперь, после того как Харуюки вступил в контакт с Инкарнацией Зелёного Короля и смог заглянуть в его воспоминания, он начал понимать смысл этих слов. Он вновь перевёл взгляд на Короля и произнёс:

— Так значит, когда ты сражался против Энеми в Ускоренном Мире, набирая очки… ты почти всегда был один?

Ответа не последовало. Но Харуюки понимал, что это молчание — знак согласия.

Очки, они же «бёрст поинты», служили для бёрст линкеров деньгами, очками опыта и самой жизнью. Их давали за победы в битвах и отнимали за поражения. Кроме того, они тратились на использование ускоряющих команд, покупку вещей в магазинах и на повышение уровня.

По сравнению с бесчисленными способами траты очков, казалось совершенно непонятным, откуда они вообще брались. Да, в Ускоренном Мире то и дело появлялись новички со стартовой сотней очков, но за время их появления очков тратилось гораздо больше.

Конечно, высокоуровневые бёрст линкеры могли набирать их, охотясь на Энеми на неограниченном нейтральном поле, но Харуюки до этого самого момента не понимал, как эти очки оказываются у более слабых линкеров.

Зелёный Король в одиночку ходил в подземелья, где жили опасные Энеми, побеждал их и набирал внушительное количество очков. С ними он шёл в магазин, где покупал «карты очков». Затем он выходил на поле и скармливал их живущим на нем слабым Энеми. После того, как этих Энеми убивали другие команды, они получали заметно больше очков, чем обычно. Таким образом, очки постепенно перетекали к низкоуровневым линкерам и в малые Легионы…

Выходит, Зелёный Король действительно был гигантским деревом, делившимся солнечным светом и водой со всей жизнью, что росла на нём.

Но Харуюки все ещё не понимал, зачем Зелёный Король долгие годы совершенно безвозмездно занимался этим. Ведь на

Энеми, съевших «карты очков», охотился не только Грейт Волл… да что там, подавляющее большинство таких Энеми доставались другим группам. Так почему этот Король помогал другим Легионам? Даже сам Харуюки помнил, как однажды присоединился к охотничьей группе, и, к их радости, из побеждённого Энеми вывалилось неестественно внушительное количество очков.

— …Зачем? — спросил его Харуюки.

С одной стороны, он раздавал очки даже бёрст линкерам из вражеских Легионов. С другой — признавал, что жизни его подчинённых, Аш Роллера и Буш Утана, были не так уж важны для него. Харуюки совершенно не понимал помыслов Зелёного Короля.

Поскольку на этот вопрос нельзя ответить «да» или «нет», Харуюки ожидал в ответ молчание. Но вместо этого…

— Всё что я делал, было ради «Brain Burst 2039»… ради того, чтобы и «попытка №2» не закончилась провалом.

Харуюки не знал, что поразило его сильнее — сами слова, смысла которых он не понял, или то, что это была самая длинная фраза, которую он слышал от него за все это время.

— Попытка… номер… два?

— Именно. Его предшественник, «Accel Assault 2038» и последователь, «Cosmos Corrupt 2040», уже давно заброшены. В попытках номер один и три не было чего-то, что есть во второй. Поэтому я не дам этому миру умереть, пока это что-то не проявится.

— …

Информация, содержащаяся в словах Зелёного Короля, сказанных совершенно спокойным голосом, была слишком сложна, чтобы Харуюки мог её обработать. Он смог выделить из неё лишь три факта.

Первый: Брейн Бёрст, он же Ускоренный Мир — не единственный в своём роде.

Второй: Зелёный Король Грин Гранде своими действиям поддерживал и продлевал жизнь Ускоренного Мира.

Третий: Грин Гранде знал, для чего создан этот мир.

— …Ты что, гейм-мастер? — скрипучим голосом произнёс Харуюки, а затем спросил великана, — Так это ты… администратор Брейн Бёрста? Это ты заставлял тысячи бёрст линкеров плясать под твою дудку и сражаться друг с другом?

Харуюки затаил дыхание и ждал. Он не знал, что будет делать, если Зелёный Король вдруг подтвердит его догадку.

А спустя две секунды… Король медленно качнул тяжёлой головой и ответил:

— Нет, — спустя ещё секунду, он добавил, — Данные мне права ничем не отличаются от твоих. Если ты отрубишь мне голову, я умру и лишусь бёрст поинтов. Потеряв все очки, я навсегда исчезну из этого мира.

— Но… почему ты знаешь то, чего больше не знает никто?!

— Тут ты тоже неправ. Я не единственный, кто знает о том, что это «попытка номер два». Уверен, среди остальных Первопроходцев есть люди, которым известно даже больше.

— Перво… проходцы, — тихо повторил Харуюки.

Слово он это слышал не впервые. Четыре дня назад, сразу после Конференции Семи Королей, у порога его дома вдруг появилась Красная Королева Нико и произнесла его дрожащим голосом. Она не сказала ему, что именно оно означало, но теперь Харуюки догадался и сам. Скорее всего… это самые первые бёрст линкеры, не имевшие «родителей».

«Эй, зверюга», — мысленно обратился Харуюки к сидевшей в его сознании Броне. — «Ты ведь тоже был одним из этих «Первопроходцев»? Ты что-нибудь знаешь?»

В ответ вновь послышался раздражённый рычащий голос, молчавший уже несколько минут с момента окончания битвы.

«Гр-р… не знаю. Мне это не интересно. Моя задача — лишь крушить и убивать. Ты тоже лучше думай о том, как победить этого противника.»

Харуюки едва не рассмеялся, услышав эти слова, но смог сдержаться. Хотя Броня и вела себя тихо, она ждала новой возможности захватить сознание Харуюки. Вернее, Харуюки и сам в данный момент был не в облике Сильвер Кроу, а в образе Шестого Хром Дизастера. Ему сейчас было вообще не до смеха.

«Понял, понял. Но я думаю, ты и сам по результатам нашей прошлой атаки понял, что его мы так просто не победим. Кроме того… что-то тут не так. Я хочу как можно больше выведать перед схваткой с ним.»

В ответ на эти слова «зверь» вновь кратко прорычал, а затем вновь скрылся в глубинах Брони.

Харуюки глубоко вдохнул, собрался с мыслями и вновь сфокусировал взгляд на Грин Гранде. Тот продолжал смотреть на него равнодушными янтарными линзами.

— Хорошо, я понял, что ты ради каких-то своих целей охотишься в одиночку на Энеми и таким образом растягиваешь жизнь Ускоренного Мира, — тихо проговорил Харуюки, а затем повысил голос. — Но… тогда мне тем более непонятно, зачем ты остановил меня. Очевидно, что Общество Исследования Ускорения хочет уничтожить этот мир с помощью ISS комплектов. Внутри этого здания… внутри Мидтаун Тауэр должна быть их

база. Я собираюсь уничтожить её!

— Я уже говорил. Подожди и всё поймёшь, — кратко ответил Зелёный Король и вновь обратил свой взгляд на расположенный к северо-востоку Мидтаун Тауэр.

Харуюки рефлекторно сделал то же самое. Теперь, с укоротившейся вдвое башни Роппонги Хилз, это здание казалось ещё выше. Вокруг тёмного шпиля было всё так же тихо.

— Я прождал достаточно. Если ты собираешься тянуть время… — начал Харуюки, но тут…

Далеко на востоке послышался странный звук, похожий на перезвон бесчисленных колоколов, на звуки разбивающегося тонкого стекла.

Повернувшись на звук, Харуюки увидел, как тучи «Города Демонов» начали расступаться перед радужной вуалью. Это не просто сияние. Этот свет означал перерождение этого мира.

— …Переход, — прошептал Харуюки, и Зелёный Король кивнул.

Получается, именно его они с Айрон Паундом и ждали?

Во время Перехода происходила смена действующего уровня (например, «Города Демонов», «Первобытного Леса» или «Чистилища») неограниченного нейтрального поля. Во время Перехода воскресали все убитые Энеми и восстанавливались разрушенные объекты. Конечно же, менялся и внешний вид уровня, а вместе с ним могла в корне поменяться тактика, если Переход заставал кого-то в бою.

Интервалы между Переходами не были чётко определены, но они происходили раз в три-десять дней по внутреннему времени (то есть, раз в четыре-тринадцать минут времени реального). Точно предугадать это время было невозможно, а значит, Грин Гранде и его партнёр стояли здесь уже несколько дней.

Но зачем?

Пока Харуюки пытался понять смысл их действий, радужная стена на огромной скорости приближалась к ним. Приглядевшись, можно было заметить, как меняются формы и цвета зданий за ней.

Уже через тридцать секунд после первого звука сияние добралось до Роппонги Хилз, и Харуюки ощутил на себе едва заметное давление. В следующее мгновение его подняло наверх, словно на скоростном лифте. Он не взлетал самостоятельно — восстанавливалась разрушенная в ходе битвы башня, и Харуюки выталкивало на её вершину.

Как только он остановился, под ногами снова стала ощущаться твёрдая земля, а вслед за этим сияние исчезло.

Харуюки проводил взглядом уплывшую на запад вуаль, а

затем осмотрелся.

Мрачный темно-синий окрас «Города Демонов» исчез без следа. Теперь мир вокруг них был мутно-красным. Все здания вокруг них были выложены из серых плит. Из швов между ними постоянно сочилась липкая красная жидкость. Другими словами, все здания истекали кровью, накапливавшейся на земле. Небо тоже стало из закатного ядовито-красным. Им попался крайне редкий уровень под названием «Смертный Грех».

В отличие от достаточно прямолинейного «Города Демонов», этот уровень обладал множеством хитростей и особенностей, но важнее всего было действующее на нём особое правило: половина урона от физических атак ближнего боя передавалась и атакующему аватару. Другими словами, это был один из самых любимых уровней дальнобойных аватаров. К счастью, тут их не было.

«Тию этот уровень просто ненавидит. Уверен, она уже начала возмущаться», — пронеслась в голове Харуюки мысль, и он тут же поспешил подавить её. Ему казалось, что если задумается о том, что на севере, у южных врат Имперского Замка, его ждали товарищи из Легиона Нега Небьюлас, он вновь забудется.

Скрепя сердце, Харуюки вновь посмотрел вперёд. Увидев все так же стоявшего перед собой Зелёного Короля, Харуюки спросил:

— …И? Причём тут этот Переход?

Стоявшая на северо-востоке башня Мидтаун Тауэр выглядела почти также, за исключением стекавшей по стенам крови. Никаких объяснений тому, зачем Зелёный Король остановил Харуюки, так и не появилось.

На вопрос ответил не сам Король, а раздавшийся сзади тихий голос.

— Не повезло… снова.

Харуюки тут же обернулся и увидел сидящего на земле в луже крови поникшего стального боксёра. Это был Айрон Паунд, погибший в битве с Харуюки меньше получаса назад. Харуюки удивился тому, что тот воскрес так быстро, но сразу вспомнил, что ещё одним эффектом Перехода было то, что он немедленно воскрешал всех находившихся в призрачном состоянии аватаров[12].

Но Паунд вовсе не выглядел радостным оттого, что воскрес вдвое быстрее обычного. Харуюки нахмурился и спросил у боксёра, сложившего перчатки на ногах:

— Не повезло?.. С Переходом? Чего вы вообще от него ждали?

— Ты знаешь, что Переходы подчиняются определённой логике?

Харуюки не понравилось, что на его вопрос ответили

вопросом, но он сдержался и мягко покачал головой.

Паунд кивнул и начал:

— Как и дуэльных аватаров, уровни можно примерно разбить на категории по их свойствам. Так, «Лёд и Снег», «Изморось» и так далее — водные, «Магма» и «Выжженная Земля» — огненные, «Первобытный Лес» и «Прогнивший Лес» — деревянные, «Город Демонов» и «Сталь» — металлические. Это всё «естественные» уровни, но помимо них есть тёмные уровни, например, «Чистилище» и «Кладбище», и святые, например, «Северное Сияние» и «Святая Земля». Пока понятно?

Назидательный тон заставил «зверя» вновь недовольно зарычать, но благодаря нему Харуюки забыл разозлиться сам. Он молча махнул рукой, подгоняя Айрон Паунда, и тот, медленно поднимаясь на ноги, продолжил:

— Когда один уровень сменяет другой, всегда меняется и категория. У всех восьми категорий — земли, воды, огня, ветра, дерева, металла, тьмы и света — одинаковые шансы появления. Но в редких случаях друг за другом начинают появляться исключительно природные уровни всех типов. Это значит, что вслед за ними должен появиться либо тёмный, либо святой уровень, причём крайне сильный… короче говоря, либо совсем демонический, либо совсем божественный. Есть и другие правила, но я в них вдаваться не буду. Мы долгое время анализировали смены уровней, и, по нашим прогнозам, сегодня в это время должен был появиться «супердемонический» уровень. Вот его мы тут и ждали.

— Так что вам не нравится? Выпал «Смертный Грех», трудно придумать что-то ещё демоничнее. Вам, наоборот, крайне повезло, — заметил Харуюки.

В ответ Паунд сначала кратко кивнул, а затем покачал головой.

— Ты говоришь правду, но… этого нам недостаточно. Нам нужен самый тёмный, самый демонический уровень из существующих… уровень «Ад».

— …

Харуюки стал бёрст линкером восемь месяцев назад и достиг за это время пятого уровня. Новичком его уже назвать сложно, но об уровне «Ад» он слышал только то, что он есть. Про его особенности он, может, что-то и слышал краем уха, но ничего на ум не пришло. Но Айрон Паунд затих, словно считая, что сказал достаточно, и с выжидающим видом смотрел на Харуюки. Тот же до сих пор не понял, что он пытался сказать.

— …Так какая связь между уровнем «Ад» на неограниченном нейтральном поле и тем, что вы мне помешали? — спросил

Харуюки, делая шаг вперёд по окровавленному полу.

Чем дальше он слушал их, тем труднее ему было сдерживать себя.

Стоявший в нескольких метрах перед ним Айрон Паунд продолжил молчать, но поднял правую руку и звучно сжал одетую в железную перчатку кулак.

Харуюки тут же сузил прикрытые визором глаза, но похоже, что Паунд не собирался завязывать матч-реванш. Он вскинул левую перчатку, показывая Харуюки, чтобы тот стоял на месте, а затем повернулся на северо-восток, к стоящей в пятистах метрах от них башне Токио Мидтаун Тауэр.

— ...Смотри, сейчас ты волей-неволей поймёшь, о чём мы, — тихо сказал металлический боксёр, а затем принял весьма странную с точки зрения бокса позу.

Он раскинул ноги, выбросил вперёд правый кулак, а левую ладонь приставил к правому локтю.

В следующий миг крепко сжатая перчатка вспыхнула ярким синим спецэффектом. Спецприём. Харуюки едва не принял боевую стойку, но экран брони не показывал анализ атаки. Паунд целился отнюдь не в затаившего дыхание Харуюки. Он всмотрелся в окровавленную башню вдали от себя и крикнул:

— Рокет Стрейт[13]!!

И вслед за этим его правая рука взорвалась по локоть.

Хотя, нет, она разделилась. Часть руки, завершавшаяся круглой перчаткой, оторвалась от аватара и улетела вперёд, оставляя за собой огненный след. Даже Харуюки, Шестой Хром Дизастер, был изумлён этим зрелищем. Да какой там бокс, ни в каких боевых искусствах ничего подобного и близко не было.

«Разве ты не аватар-боксёр? Не Идеал?» — Харуюки с трудом удержался, чтобы не воскликнуть эту фразу. Вместо этого он внимательно следил за полётом... «Реактивного Кулака». Хотя активация техники и заняла у аватара почти пять секунд, сам снаряд летел весьма быстро, ничуть не уступая в этом выстрелу из главного калибра Красной Королевы Скарлет Рейн, чистокровному красному аватару. Оставляя за собой длинный дымный след, кулак перелетел через Третью Столичную Линию и начал приближаться к стоящему вдали Мидтаун Тауэр.

И тут...

Харуюки увидел, как на вершине башни, на её шпиле, сдвинулось «нечто».

Всё, что он успел понять из этого движения — оно было огромным. Он не знал, какого именно оно было размера и какую форму имело, но огромность сомнений не вызывала. Даже с активным «анализатором» Бедствия Харуюки замечал лишь то,

как в районе шпиля причудливо преломлялся тусклый красный свет уровня.

Он продолжал упорно вглядываться. И тут то ли на полную силу включилась Броня, то ли ему решил помочь «зверь», но вокруг преломляющего пространства проступил чёткий контур. Это было какое-то таинственное создание, напоминающее то ли птицу, то ли гуманоида. У него было с дюжину конечностей, которыми оно крепко держалось за шпиль. Его огромная голова повернулась к приближающемуся Ракетному Кулаку…

— …!

Харуюки, сам того не осознавая, вздрогнул.

Из спины прозрачного создания протянулись в обе стороны широкие тонкие плёнки. Это однозначно были «крылья». И в размахе они становились шире самого Мидтаун Тауэр, имевшего в ширину пятьдесят метров. Похоже, это существо по размеру было даже больше Судзаку, Энеми Ультра класса.

Огромные прозрачные крылья окутал бледный свет.

А в следующее мгновение гигантская голова создания испустила луч света.

Он был таким ярким, что едва не выжег усиленные Бронёй глаза Харуюки. Его нельзя было назвать даже лазерным, это был луч, таивший в себе совершенно неимоверный жар. Он попал в кулак Айрон Паунда, способный обвалить даже стену здания… и моментально испарил его.

А затем луч полетел дальше, пока, наконец, не остановился где-то на улицах Роппонги.

После небольшой паузы раздался взрыв такой силы, словно туда упал метеорит.

— Гх!.. –рефлекторно обронил Харуюки.

Вместе с ним взвыл и «зверь» в глубине Брони. Башня Роппонги Хилз затряслась с такой силой, что казалось, она вот-вот вновь рухнет. Харуюки и Паунд изо всех сил вжимались ногами в землю, и только Зелёный Король был как всегда невозмутим. Но даже его вид казался чуть более напряжённым, чем обычно.

«Прозрачное нечто» уничтожило Реактивный Кулак лучом такой мощи, которая была совершенно недостижима для дуэльных аватаров. А судя по кратеру, оставшемуся от взрыва, его сила могла поспорить даже с атаками Четырёх Богов… хотя, с другой стороны, если это создание было прозрачным, то понять, когда и откуда придёт атака, было совершенно невозможно. И с учётом этого, Боги рядом с ним даже не стояли.

Но… почему? Это ведь не Замок, это просто одна из городских достопримечательностей. Почему Мидтаун Тауэр

охраняет столь могущественный Энеми?

— Ну что, видел?.. — послышался шёпот лишившегося половины руки Айрон Паунда. Не дождавшись ответа Харуюки, он продолжил, — Зовут его... «Архангел Метатрон», Энеми Легендарного класса. Он последний босс Великого Подземелья под парком Сиба. Вернее, он был им...

— Мета... трон.

Харуюки казалось, что он встречал это слово в других играх и манге, но куда больше его беспокоили другие слова, произнесённые Паундом.

— Последний босс... подземелья? Тогда что он делает на вершине Мидтаун Тауэр?..

— Я же сказал, он был им. Кто-то перетащил его сюда. Скорее всего... кто-то приручил его.

— Приручил... последнего босса?.. Разве это вообще возможно?..

— Все мы думали, что нет. Но неделю назад по реальному времени Метатрон вдруг появился на вершине той башни, — тихо проговорил Айрон Паунд, а затем посмотрел в сторону вновь растворившегося в воздухе Ангела. — Великое Подземелье под парком Сиба — лабиринт, известный как «Контрастный Собор»[14]. Название он своё получил потому, что в нём есть специальные панели, наступив на которые, можно сменить действующий в подземелье уровень. Внутри может быть активен либо святейших из всех уровней — «Рай», либо темнейший — «Ад», и панели переключают их. Так вот, Архангел Метатрон, последний босс, в своей обычной форме невидим, убивает с одного удара, и на него не действуют никакие атаки. Конечно, победить его невозможно, но способность эта ослабевает, когда активен «Ад», и на этом уровне его всё же можно атаковать. Поэтому на своём месте, в глубине Контрастного Собора, он не то чтобы совсем непобедим. Нужно лишь наступить на панель в комнате с боссом, чтобы активировать «Ад». По крайней мере, он куда проще, чем Четыре Бога, охраняющие вход в Имперский Замок. Но...

Чем дальше Харуюки слушал, тем яснее складывалась в его голове картина. Поэтому на этом месте он высказал свою догадку:

— Но если Метатрона вытащить из подземелья... то, с учётом того, что снаружи «Ад» попадается исключительно редко...

В ответ боксёр медленно кивнул и добавил:

— Он совершенно непобедим. Нельзя победить Энеми, которого не видно, и по которому твои атаки не попадают. Двадцатиметровая зона вокруг Мидтаун Тауэр на данный момент совершенно неприступна. Можно сказать, это такой малый

Имперский Замок.

— ...

Естественно, Айрон Паунд не знал, что Харуюки и Нега Небьюлас меньше часа назад провели успешную операцию по побегу из этого самого Имперского Замка. Но во многом побегу способствовали случайности и благоприятные обстоятельства, и его успех стоило, пожалуй, назвать чудом. Одна маленькая ошибка могла привести к тому, что любимый командир Харуюки на пару с учителем оказались бы в бесконечном истреблении...

Харуюки крепко сжал кулаки и прервал свои мысли, замазав возникшие в голове улыбки чёрной краской. Затем он глухо спросил:

— Выходит, что если приблизиться — моментально умрёшь и попадёшь в бесконечное истребление?..

Паунд не смотрел на Харуюки и не заметил странностей в его поведении (или сделал вид, что не заметил), поэтому ответил спокойно:

— Нет... да, ты умрёшь, но поскольку атака столь быстра и сильна, то ты не сможешь пройти вглубь ареала Энеми, и в бесконечное истребление не угодишь. Если быстро бежать после воскрешения, то до следующего лазера сбежать успеешь. Проверял лично, — на видневшемся под шлемом рте пробежала улыбка, но тут же пропала. — Наш Король, человек с самым высоким уровнем защиты в Ускоренном Мире, смог сдерживать луч Инкарнационной Стеной лишь в течение пяти секунд, и я за это время ничего сделать не успел... как бы там ни было, теперь ситуация должна быть тебе понятна. Ты знаешь, чего мы здесь ждали, и почему не дали тебе долететь до Мидтаун Тауэра.

Паунд закончил говорить, но Харуюки продолжил молчать.

Действительно, он начал понимать происходящее. Айрон Паунд и Грин Гранде стояли на вершине башни Роппонги Хилз и ждали возможного появления уровня «Ад». Они ждали его потому, что только под действием этого уровня Архангел Метатрон, охранявший Мидтаун Тауэр, терял свою силу и становился уязвимым.

А значит, Зелёный Король применил Стену в Парсек, чтобы остановить Харуюки, потому что...

— Хочешь сказать... вы спасли меня от нападения Метатрона и внезапной смерти? — спросил Харуюки с вызовом.

Паунд кратко пожал плечами.

— Если бы мы с самого начала знали, что ты был настолько сильно заражён Дизастером, мы бы, быть может, и пропустили тебя, Сильвер Кроу. Пара смертей облегчили бы нам задачу, когда за твою голову объявили бы награду.

— ...

Харуюки стиснул зубы. Вновь зарычал «зверь». Покрывавшая его тело аура тьмы нервно задёргалась, но Харуюки смог сдержать себя и не напасть. Как минимум, теперь он понимал, что по крепости брони Паунд лишь немногим уступал Зелёному Королю. Так просто его не победить.

Искоса взглянув на Харуюки, Паунд начал неспешно водить уполовинившейся правой рукой и приговаривать:

— Следующий хороший шанс появления «Ада» появится через 3 дня реального времени, вечером воскресенья. Мы с Королём стоим на этой крыше уже больше трёх месяцев, поэтому мы пока пойдём к выходу из поля. А что же до тебя... видимо, мне стоит поблагодарить тебя. Как я понимаю, ты спас членов нашего Легиона, — Паунд на мгновение прервался, а затем добавил так тихо, словно говорил с самим собой, — Всё-таки, странный ты парень. Ты практически полностью превратился в Дизастера, но, тем не менее, можешь нормально с нами разговаривать...

Пропустив последнее замечание мимо ушей, Харуюки глухо ответил:

— Вместо того чтобы благодарить меня, вы бы лучше сами...

Но тут он умолк.

Как сказал Паунд, они с Зелёным Королём прождали этого Перехода три с лишним месяца ускоренного времени. Если они шли на такое ради того, чтобы попасть в Мидтаун Тауэр, то они должны были знать, насколько опасны расползающиеся повсюду ISS комплекты, и они всё это время пытались остановить их. Они тоже успели разобраться, что уничтожать «терминалы» бессмысленно, и осознали, что им необходимо уничтожить «тело».

— Буш Утан из Зелёного Легиона попал под искушение ISS комплекта, но он только что смог самостоятельно отказаться от него. Именно поэтому на него и напали владельцы комплектов. Поэтому... — приглушённым голосом начал Харуюки, но тут Паунд, уже начавший разворачиваться, кивнул.

— Ага. И Король, и остальной Легион уже решил, что мы не будем раздавать Возмездия направо и налево. Скорее всего, на Конференции Семи Королей через три дня будет принято единое решение по противостоянию этим «комплектам по изучению Инкарнации». Конечно, уже после того, как мы примем окончательное решение по Броне Бедствия.

Проговорив это деловым тоном, металлический боксёр подошёл к стоящему в нескольких метрах Зелёному Королю. Аватары обменялись парой слов, а затем пошли уже вместе в сторону лифта на юго-восточной окраине вертолётной площадки.

Судя по всему, они выдвигались в сторону портала, расположенного где-то неподалёку.

Харуюки проводил взглядом спины уверенно удаляющихся аватаров. В его замедлившемся сознании крутились мысли.

«Повинуясь ярости и ненависти, я призвал Броню Бедствия и окончательно превратился в Шестого Хром Дизастера. Затем я жестоко расправился с шестью аватарами, убившими Аша и Утана. И сделал я это даже не своими собственными силами.

Я полностью повторил путь, который проделал вчера Такуму. Он использовал силу, порождённую тьмой, чтобы втоптать в землю Легион «Супернова Ремнант», напавший на него в реальности. Что я тогда сказал ему?..»

В голове Харуюки ожили его собственные слова, которые он кричал сквозь слезы.

«Поэтому я знаю, что и ты можешь победить эту тёмную силу! Ты сможешь пробить эту стену, уничтожить её и пойти дальше! Разве не так, Таку?!»

И Такуму действительно смог встретиться лицом к лицу с тьмой, затаившейся внутри него, и клинком своей души одолеть паразитирующий ISS комплект.

«Но я не смогу, Таку», — самоуничижительно прошептал Харуюки, оглядывая зловещие когти на своей правой руке. — «У меня уже не осталось силы, способной отделить меня от Брони… нет, если даже после слияния с Дизастером я способен лишь на такое, то никаких сил у меня не было с самого начала. Я с таким трудом одолел третьего офицера Грейт Волла, а против Зелёного Короля не смог сделать вообще ничего. Четвёртый, которого я видел на повторе, и Пятый, одним ударом заставивший отступить Жёлтого Короля, были намного сильнее меня. А уж если они не смогли сопротивляться власти Брони, то у меня тем более нет никаких шансов…»

Будь здесь Черноснежка, она наверняка сокрушённо сказала бы что-то в духе: «О боже, неужели превращение в Хром Дизастера сделало тебя ещё более неуверенным в себе?». Но её здесь, конечно же, не было. Вместо этого послышался рычащий голос «зверя», притаившегося у основания хвоста:

«Гр-р… ты именно тот игрок в Брейн Бёрст, которого я ждал все эти годы. Ещё никто за такое короткое время после слияния со мной не скармливал мне столько ценной информации.»

Эти слова заставили Харуюки поднять голову, и в этот раз всё же усмехнуться.

«Ты что… пытаешься утешить меня?»

Мысленный голос тут же взревел:

«Гра-а! Если у тебя есть время нести чепуху, займись лучше

поиском добычи!»

«Кстати, об этом… я с самого начала собирался штурмовать Мидтаун Тауэр, но, похоже, у меня нет никаких шансов… ты ведь видел этот лазер?»

«Р-р… если бы у тебя было «Идеальное Зеркало»[15], то, возможно…»

Харуюки завязал разговор с засевшим в его сознании зверем, и тут…

Он заметил, что Айрон Паунд, ушедший какое-то время назад, остановился возле лифта и внимательно смотрел на Харуюки через плечо.

Подумав, что тот решил всё же взять реванш, Харуюки посмотрел в ответ недобрым взглядом. Боксёр тут же махнул рукой, словно показывая Харуюки, что не намерен делать этого, и сказал:

— Нет, не обращай внимания. Мне показалось, что на мгновение цвет твоей брони…

Харуюки рефлекторно опустил взгляд, но увидел лишь зловещую Броню. Естественно, она была того же серебристо-хромированного цвета, что и всегда.

— …Ладно, забудь, — добавил Паунд.

Когда Харуюки вновь поднял голову, тот сказал, уже гораздо громче:

— Слышишь меня, Сильвер Кроу?! От твоей отсрочки осталось ещё три дня! Если ты не сможешь избавиться от этой Брони к часу дня воскресенья, то станешь самым главным преступником Ускоренного Мира!!

— Когда это случится, можешь смело нападать. Уверен, ты хочешь реванша, — отозвался Харуюки.

Паунд в ответ молча развернулся и поднял в воздух в левую перчатку. Он пытался сказать Харуюки, что в следующий раз не проиграет. А затем он вместе с Зелёным Королём зашёл в окровавленный лифт.

Грязная коробка начала со скрипом и скрежетом опускаться. Харуюки остался в одиночестве на крыше искажённого «Смертным Грехом» здания. Он еле слышно прошептал:

— Ещё три дня…

Получалось, именно столько осталось жить Харуюки как бёрст линкеру.

Насколько бы сильным ни было Бедствие, на Харуюки нападёт столько людей, что он моментально вымотается. Как самый дорогой автомобиль попадёт в ДТП, если его водитель заснёт (вернее, управление у него перехватит искусственный интеллект), так и вымотанный бёрст линкер не представляет

угрозы. И первые пять Хром Дизастеров погибли, в основном, именно по этой причине.

— Эй, зверюга. Что будем делать?

Конечно, Харуюки до сих пор не избавился от ярости и жажды разрушений, но битвы с Айрон Паундом и Грин Гранде словно заставили их выгореть, и прямо сейчас ощущения пустоты, бессилия, ненависти к себе и отчаяния преобладали над ними. Ему уже не хотелось думать ни о чём, поэтому он спросил у голоса. Тот тут же ответил как всегда яростным тоном:

«Мы… должны становиться всё сильнее и сильнее. Чем больше мы будем пожирать врагов, неважно, Монохромы это или Первопроходцы, тем сильнее мы станем…»

— Вижу, ты никогда не унываешь, — насмешливо ответил Харуюки.

Задача «зверя» — комка негативных эмоций и воспоминаний, заточенного в Бедствии и развившегося до того, что обрёл разум и сознание — была крайне проста. Он считал всех бёрст линкеров врагами и хотел сражаться с ними, побеждать и пожирать. И именно благодаря этой примитивности помыслов он порабощал своих хозяев так эффективно. Породивший Броню Бедствия Первый Хром Дизастер, а также его последователи, со Второго по Пятого, были порабощены Бронёй до такой степени, что превратились в берсерков. Скорее всего, из-за них навсегда покинули Ускоренный Мир не меньше сотни бёрст линкеров.

И, выходит, что главным врагом этого мира был не ISS комплект, не Общество Исследования Ускорения, а именно Броня Бедствия. Точнее, зверь. Точнее, Шестой Хром Дизастер. Точнее, Сильвер Кроу.

Две недели назад, когда Харуюки призвал Броню во время вертикальной гонки по Гермесову Тросу, он не только за секунды расправился со своим противником, но едва не напал на бесчисленных зрителей, наблюдавших за ним. Ему не дала это сделать вовремя подоспевшая Лайм Белл с её спецприёмом, но Харуюки ещё тогда понял, что если наденет Броню снова, то уже никогда не станет прежним. Он навсегда лишится разума и превратится в создание, живущее лишь безрассудством и безумием.

И теперь с Харуюки происходило именно это. Он вновь призвал Броню, слившись с ней гораздо сильнее, чем в прошлый раз. Он действительно обезумел и дал волю своей ярости. Но… что-то начало меняться во время тяжёлой битвы с Айрон Паундом. А уж после яростного столкновения с Зелёным Королём он… ощущал странную тишину.

Может быть, она означала, что он окончательно превратился

в Дизастера?

Или же что-то случилось не с ним самим, а с Броней, то есть, со зверем?..

— Эй, ты там… слушай… — вновь обратился он к корню зла, к часовой бомбе, засевшей в нём, и проговорил пришедшие на ум слова, — Что, если мы будем сражаться и сражаться, побеждать и побеждать, а в конце концов победим всех, кого возможно… что мы будем делать после этого?..

Ответ пришёл не сразу. Харуюки уже успел подумать, что «зверь» сам никогда об этом не задумывался, но тут вновь послышался рычащий голос:

«Я не знаю. Мне всё равно. Моя задача — лишь уничтожать стоящих передо мной врагов.»

— Хе… ха-ха. Ясно… — кратко рассмеялся Харуюки и кивнул.

Поскольку он по своей собственной воле призвал Броню и дал ей окончательно пробудиться, скорее всего, ему бы уже не помог ни Зов Цитрона Лайм Белл, ни Очищение Ардор Мейден. Он и сам превратился в загнанного зверя. Возможно, когда он в следующий раз увидит лица своих друзей из Нега Небьюласа, он лишится рассудка и, повинуясь инстинкту, попытается разрубить их.

Конечно, он тоже мог покинуть неограниченное нейтральное поле и встретиться с ними лицом к лицу в реальности — с Тиюри, Такуму, Фуко, Утай… и Черноснежкой.

Но Харуюки не знал, что он скажет этим людям, которых так сильно любит. Ему казалось, что лучше уж вечно скитаться по этому неограниченному полю, где время текло в тысячу раз быстрее. Бродить и уничтожать всех Энеми и бёрст линкеров, которые попадутся на его пути. Ходить вечно, пока не истлеет его разум, и он не исчезнет навсегда.

Конечно, его печалил такой исход. Он понимал, что должен хотя бы попрощаться с дорогими ему людьми. Но…

— Что же, партнёр, похоже, мы с тобой теперь долго будем вместе.

В ответ на эти слова послышался лишь короткий неприятный рык.

«Никогда бы не подумал, что буду вот так разговаривать с этим жутким «зверем». Мне всю жизнь казалось, что животные ко мне не особо тянутся…»

Затем Харуюки решил направиться на восток, в сторону Гинзы, и пошёл к границе крыши.

Было два важных факта, о которых он так и не вспомнил.

Во-первых, если бы он действительно стал единым целым с

Бронёй Бедствия, он бы не слышал голоса «зверя». Ведь час назад, когда он только призвал броню на севере Сибуи, он даже не замечал его присутствия, ведь он сам стал этим обезумевшим зверем.

Он вновь начал слышать этот голос во время битвы с Айрон Паундом, с того самого момента, как попытался избавиться от власти Брони над своим сознанием. С тех пор он сражался, переговариваясь со зверем мысленными сообщениями. Это означало, что, хотя он всё ещё полагался на силу Брони, уровень его слияния с ней заметно снизился. Но сам Харуюки этого не заметил.

Во-вторых, Харуюки совсем забыл ещё кое о чём.

Когда он около часа назад сбежал от южных врат Имперского Замка на поиски Аш Роллера, Тиюри сказала:

«Хару... у тебя есть час. Потом мы выйдем и выдернем твой кабель!»

Когда Харуюки, дошедший до восточного края крыши, уже собирался расправить крылья и начать свой путь странствующего воина, перед глазами красными буквами вспыхнуло системное сообщение:

«DISCONNECTION WARNING».

Это означало, что кто-то из его друзей, покинувших поле через портал, вытаскивал XSB-кабель из нейролинкера Харуюки.

И через несколько секунд Харуюки заметил, как окровавленный пейзаж «Смертного Греха» перед его глазами начал мутнеть. За несколько мгновений до того, как его окончательно отсоединило, он услышал краткий рык в глубине своего сознания.

В нём слышались привычное раздражение и гнев, и вместе с ними — какое-то новое, непривычное чувство.

Глава 3

В реальном мире его встретили тяжесть его тела, упругость дивана и прохлада воздуха из кондиционера.

Но с самого начала он ощутил не их, а лежащую на плече руку, запах мяты и щекочущие лицо шелковистые волосы.

Ещё до того, как открыть глаза, Харуюки знал, кто находится перед ним. Но, даже осознавая это, Харуюки вздрогнул от нахлынувших чувств, когда увидел менее чем в полуметре от себя похожие на звёздное небо глаза Черноснежки.

Правой рукой она держала Харуюки за плечо, а в левой сжимала только что выдернутый XSB-кабель. Похоже, что механизм экстренного отключения активировала не Тиюри, а она.

Сквозь её блестящие бледно-розовые губы пробился напряжённый голос:

— …Харуюки. Прости, но поскольку ты так и не появился спустя час, я аварийно отключила тебя.

— …Угу, — только и смог что ответить Харуюки, и голос его прозвучал так хрипло, что он сам удивился.

Ему показалось, что во рту пересох даже язык.

Справа тут же показалась чашка с холодным улуном, которую протягивала ему Курасаки Фуко, обеспокоенная не меньше Черноснежки. Слегка опустив голову, Харуюки принял стакан и залпом выпил прохладный напиток. Боль в горле прошла, и Харуюки слегка прокашлялся.

Дождавшись, пока ему полегчает, Черноснежка вновь заговорила:

— Что случилось? Мы уже собирались выйти через портал около полицейского управления, как где-то на юге, откуда-то из Акасаки, раздался огромный взрыв. Ты в него не попал?..

«Ясно», — подумал Харуюки. Когда он ушёл от южных врат, он сказал им лишь то, что пойдёт искать Аш Роллера. Естественно, они ничего не знали. А ведь за этот час произошло много всего.

Харуюки сжал опустевший стакан в руках и огляделся.

Прямо перед ним, опираясь коленом на диван, нависала Черноснежка. Справа от него сидела, упираясь коленями в пол, Фуко. Ещё правее на его же диване сидела Синомия Утай.

С противоположной стороны стояли Маюдзуми Такуму и Курасима Тиюри, подавшиеся в его сторону. Все члены Второго Нега Небьюласа смотрели на Харуюки лишь с участием и заботой.

«Но…

Но я предал их доверие.»

С трудом остановив проскочившую в голове мысль, Харуюки натянуто улыбнулся. Он вновь перевёл взгляд на Черноснежку, правда, в глаза ей посмотреть не смог, и кое-как произнёс:

— А, э-э, со мной… всё в порядке. Я не попал в тот взрыв… и ни разу не умирал. Когда вы вытащили меня, я был совсем рядом с порталом, и в следующий раз дойти до него смогу без проблем…

По лицам смотревших на него друзей пробежало облегчение. Но от этого душу Харуюки острыми иглами пронзило чувство вины.

Он должен рассказать им всё. Обо всём, что он натворил. О том, что поддался ярости, лишился рассудка и потерял кое-что важное.

Он потерял… будущее. Не только своё, он лишил будущего весь Нега Небьюлас.

С трудом удержавшись, чтобы не зареветь, Харуюки продолжал улыбаться и осторожно положил руку на ладонь Черноснежки, державшую его за плечо. Его любимая Королева нахмурилась, а затем отпрянула. Харуюки подождал, пока она поднимется, после чего выпрямился.

Он протянул руку, поставил стакан на стол, затем поднял голову и начал:

— Э-э… буду рассказывать по порядку.

Сначала он повернулся к Фуко и кратко кивнул.

— Учитель, Аш Роллера я нашёл чуть севернее станции Сибуи. Похоже, он собирался перед встречей с вами захватить в Сибуе Буш Утана и приехать к вам вместе с ним. Но… по пути на него напала группа аватаров с ISS комплектами…

— Э?!.. — воскликнула ошарашенная Фуко, но Харуюки поспешил вновь кивнуть.

— С ними всё в порядке. У них отобрали довольно много очков, но до полной потери не дошло. Скорее всего, они уже вышли через портал на станции.

— Хорошо… — выдавила из себя Фуко, а затем протяжно вздохнула. Нахмурившись, она продолжила, — Я уже была готова сорваться и побежать на подземную парковку выдёргивать кабель из нейролинкера Аша, хотя и было бы уже слишком поздно. У меня никак не получается заставить его слушаться меня… ух, он сегодня у меня получит по полной во время обучения Инкарнации.

«UI> Только не убей», — написала вдруг в чате Утай, явно съёжившись.

Черноснежка, Тиюри и Такуму дружно рассмеялись. Харуюки с большим трудом сделал вид, что улыбается, а затем продолжил

рассказ:

— Так вот… мне, так или иначе, удалось отогнать аватаров с комплектами, а затем я заметил, что один из комплектов полетел на восток. Я пустился в погоню… и добрался до Роппонги Хилз, но там меня остановили люди из другого Легиона, и мы немного подрались, но этот бой я тоже как-то пережил… затем они вышли через портал башни, а я не успел — Черноснежка выдернула мой кабель. Взрыв, который вы видели, вызвал бродивший неподалёку Энеми. Не переживайте, в нас он не целился…

На этом месте Харуюки затих. Но по лицам его друзей он понимал, что в его объяснении было слишком много несостыковок и опущенных подробностей. Общее мнение выразила Черноснежка:

— Я, конечно, счастлива, что тебе удалось выбраться… но ты сказал, что «отогнал аватаров с комплектами»?.. То есть, ты в одиночку победил несколько аватаров в «IS-режиме»? Нет, я, конечно, не сомневаюсь в твоей силе, но…

— Э-э…

Почувствовав, что Харуюки не хочет отвечать на этот вопрос, вмешалась Тиюри:

— Снежка, когда надо, Хару может победить любого! В последнее время его стали называть жуликом ещё почище Жёлтого Короля от того, как часто он выпутывается из тяжёлых ситуаций!

— Тиюри, это ты его так похвалила?

Такуму, Фуко и Утай вновь дружно рассмеялись. Харуюки с трудом удержался от того, чтобы не засмеяться и сам.

Но тут… таившиеся в его душе подавленные чувства начали, наконец, просачиваться.

Смех его друзей был слишком тёплым, их чувства — слишком ласковыми. Всего несколько минут реального времени назад, до самого момента погружения Харуюки ощущал себя частью этого маленького, но крепкого кружка под названием Нега Небьюлас. Он верил, что они спасут Ардор Мейден из лап Судзаку, очистят его от паразитирующей Брони Бедствия и продолжат дружно двигаться вперёд и сражаться. Но… но…

— Харуюки?.. — послышался настороженный шёпот Черноснежки, и Харуюки заметил, что по его правой щеке катится слеза.

Он тут же вытер её и натянуто улыбнулся.

— П-прости, со мной всё в порядке. Я просто так обрадовался тому, что операция по спасению Синомии закончена, что…

Пытался говорить он, но его реальное тело не слушалось и продолжало проливать всё новые и новые слёзы. Наконец, лицо

его скривилось, а грудь вздрогнула.

— Харуюки, — вновь произнесла Черноснежка его имя и протянула к нему свои бледные руки…

Но Харуюки медленно отвёл их от себя. Как только Черноснежка отпрянула, он вскочил с дивана и побежал к двери зала.

Он ухватился за ручку, обернулся к своим друзьям и сказал:

— Простите меня. Пожалуйста, простите.

— Ч… что случилось, Хару? Объясни! Мы ведь договорились, что больше друг от друга ничего скрывать не будем! — воскликнул Такуму.

Харуюки едва не отвёл взгляд, но смог удержаться.

Поместив своих друзей в центр своего исказившегося, заплывшего поля зрения, он хрипло сказал:

— Я больше не Сильвер Кроу. Я Шестой Хром Дизастер.

Он услышал, как ахнули его друзья, но разглядеть этого за пеленой из слез не смог. И именно поэтому он смог продолжить:

— Броня полностью слилась в единое целое с моим дуэльным аватаром. Ни обратить это, ни очиститься от неё уже не выйдет… прости меня, семпай. Я… я…

«Хотел увидеть конец Ускоренного Мира вместе с тобой», — Харуюки проглотил эти слова, после чего, не дожидаясь ответа, развернулся и выбежал в коридор.

Позади него послышалась поступь Такуму и Черноснежки. Пока Харуюки бежал по коридору, он открыл окно домашнего сервера, зашёл в меню безопасности и поставил палец на кнопку полной блокировки двери.

— Хару!

— Стой, Харуюки!

Опережая несущиеся в спину голоса, Харуюки запрыгнул в кроссовки и выскочил через входную дверь. Как только он оказался за пределами квартиры, он немедленно закрыл дверь спиной и нажал на кнопку блокировки.

Сзади послышался щелчок замка, прозвучавший, словно рубящий клинок. Вслед за ним послышались звуки поворачивающейся ручки, но дверь уже не открывалась. Снять блокировку двери мог лишь администратор домашнего сервера — то есть, сам Харуюки.

Харуюки открыл окно и поставил таймер автоматической разблокировки на 15 минут, а затем сказал Черноснежке, отделённой от него пяти сантиметрами двери:

— Семпай. Я… я призвал Броню Бедствия по своей собственной воле. Мы… столько трудились ради того, чтобы очистить меня от её «семени»… мы так старались, чтобы

вызволить Мей из Замка… но из-за меня всё пошло прахом…

«Прахом?!»

«Ты что, думаешь, что твои друзья, которые столько трудились ради того, чтобы спасти тебя, не поймут?! Да я одним ударом сорву с тебя эту Броню! Быстро открывай, Харуюки!»

Голос Черноснежки казался отчётливым, даже несмотря на алюминиевые листы. Стук её кулаков словно передавался от спины прямо в сердце.

— Из-за меня вас всех после Конференции Семи Королей могут объявить виновными. И если это случится… Нега Небьюлас перестанет существовать. И этого я ни за что не допущу.

На мгновение стук затих.

Пользуясь тишиной, Харуюки сказал свои последние слова:

— Я сам уничтожу Броню Бедствия. Просто дай мне немного времени… и я обязательно вернусь… к тебе и ко всем остальным.

Никогда ещё Харуюки, «ребёнок» Черноснежки, не врал ей так сильно.

Броню уже нельзя было отделить. Даже здесь, в реальном мире, Харуюки ощущал в глубине своего сознания «дыхание» зверя. Ему оставалось лишь одно — он должен исчезнуть вместе с ней. Он должен сгинуть в бесконечных битвах.

«Прости меня…

Прощай, семпай. Прощай, учитель. Простите меня, Таку, Тию… и Синомия.» — мысленно прошептал Харуюки и отошёл от двери.

Он крепко сжал кулаки и побежал к лифту. Индикатор в правом нижнем углу показывал 7 часов 20 минут. Время было ещё вполне «детское». Он должен успеть запереться в каком-нибудь дайв кафе и погрузиться на неограниченное нейтральное поле. Его выгонят в десять вечера, но к тому времени всё должно быть уже кончено.

Даже под властью тревоги и хаоса он понимал, что, возможно, действует поспешно. Но он помнил также и то, что Броня постепенно искажает характер бёрст линкеров, надевших её, и в реальности. Харуюки не хотел повторения трагедии, развернувшейся между Черри Руком, Пятым Хром Дизастером, и его ребёнком, Нико. Этого он не собирался допускать ни за что.

Во время предыдущего погружения Харуюки потерял рассудок лишь во время схватки с Олив Грабом и остальными владельцами ISS комплектов. Во время битв с Айрон Паундом и Зелёным Королём он едва не обезумел вновь, но до этого, к счастью, не дошло.

Он должен сделать это, пока ещё оставался самим собой.

Решившись, он почти добежал до лифта, как вдруг перед

глазами загорелась иконка голосового вызова. Звонила Тиюри.

Харуюки с трудом подавил в себе желание нажать на кнопку и поговорить, мысленно извинился и отключил нейролинкер от всех сетей. Пропали кнопки дополненной реальности, и Харуюки чуть ли не впервые в своей жизни отправил лифт на первый этаж с помощью прикреплённой к стене панели.

Первые три этажа (и первый этаж подвала) комплекса на севере улицы Коэндзи, в котором жили Харуюки, Такуму и Тиюри, занимал большой супермаркет.

В будние вечера его центральная аллея была заполнена как семьями, так и просто парочками. Харуюки продолжал бежать вперёд, уворачиваясь от людей, а в голове его всё больше крепло чувство дежа вю.

Да… это было в апреле этого года. В школе Умесато вдруг появился новый бёрст линкер, мародёр по имени Даск Тейкер, лишивший Харуюки его единственной способности — полёта. В день, когда он сделал это, он приказал Харуюки каждый день кормить того бёрст поинтами, и вечером тот, как и сейчас, бежал по этому же супермаркету, стараясь не зарыдать.

В тот день он наткнулся в дуэли на Аш Роллера, который его, в конце концов, и спас. Он познакомил Харуюки со своим родителем, Скай Рейкер, которая научила его Системе Инкарнации и одолжила Ураганные Сопла. С новыми силами Харуюки в ходе тяжёлой битвы всё же удалось одолеть Даск Тейкера.

Но в этот раз Харуюки не на кого было положиться. Его противником стал весь Ускоренный Мир, и попытайся Харуюки выступить против него, его бы смели моментально.

Но погружение на неограниченное нейтральное поле нельзя назвать совершенно безопасным. Внутри ему случайно могли попасться люди, с которыми он не хотел бы сражаться. Возможно, будет лучше, если он сорвёт нейролинкер со своей шеи, разломает его и вышвырнет в канализацию. Он выбирал между уничтожением нейролинкера вместе с установленным на нём Брейн Бёрстом и захоронением Брони Бедствия…

И вдруг…

Перед глазами опустившего голову Харуюки, вот-вот готового выбежать наружу, вдруг появились туфли.

Они были чёрными — не новыми, но о них явно с любовью заботились. Из них выглядывали тонкие лодыжки в белых носках. Чуть выше маленьких колен слегка покачивалась клетчатая плиссированная юбка.

На пути Харуюки, бежавшего по центральной аллее

супермаркета к выходу, стояла какая-то девушка. Разумеется, это было грубым нарушением этикета, даже если вдруг срочно понадобилось залезть в виртуальный интерфейс. Естественно, Харуюки не собирался её толкать, поэтому просто свернул влево, так и не поднимая головы.

Но, к его удивлению, в эту же сторону шагнули и туфли, вновь перегородив проход.

Начиная раздражаться, Харуюки повернул вправо. Но владелица туфель и в этот раз переместилась в ту же сторону. Расстояние между ними сократилось до метра, и Харуюки был вынужден остановиться.

Упорно не желая поднимать голову, Харуюки тихо произнёс:

— Пожалуйста, пропустите…

«Ой, извините!» — ожидал услышать он в ответ…

Но, после небольшой паузы, послышался тихий голос, неожиданно заявивший:

— Не про… пущу…

«…Что?!»

И вот теперь Харуюки был вынужден разогнуться.

Перед глазами начала постепенно появляться фигура перегораживавшей проход девушки. Над клетчатой юбкой обнаружился школьный кардиган цвета слоновой кости. На груди была повязана бабочка, напоминавшая своим узором юбку. Её одежда походила на школьную форму, причём весьма стильную. Наконец, через плечо девушки была перекинута сумка.

Скорее всего, она училась в средней школе, но фигура у неё была довольно миниатюрной. При этом она стояла с раскинутыми руками, явно не собираясь пропускать гораздо более широкого Харуюки.

Продолжая изумляться, Харуюки перевёл взгляд на её лицо.

Он не узнал ни голоса, ни одежды этой девушки, и уж тем более не узнал лица. Черты её весьма чёткие и отчего-то напоминают мальчишеские. Явно непослушные волосы подстрижены довольно коротко. У Харуюки была плохая память на лица, но он уверен, что видит её впервые. Правда, внимательно рассмотреть её у него всё же не получилось, потому что он почти немедленно отвёл взгляд.

Сделал он это потому, что её большие глаза были влажными от слёз, словно она вот-вот готова была заплакать.

В голову Харуюки не приходило ни одного возможного объяснения тому, отчего ему в оживлённом супермаркете вдруг перегородила дорогу незнакомая школьница с заплаканными глазами. Поэтому он был вынужден временно подавить своё изумление и вновь обратиться к ней:

— А-а… В-вы, наверное, ошиблись. Извините, я спешу…

Харуюки вновь попытался обойти её слева, но тут его схватили за правое запястье.

Хватка едва ли не плачущей девушки оказалась на удивление крепкой. Вместе с этим она тонким голосом сказала:

— Не ошиб… лась. Я не могу пропус-тить тебя.

— Э?!.. П-почему?.. Я ничего не делал… — быстро проговорил Харуюки, замечая, что начал собирать на себе взгляды со стороны.

Но ответ девушки вновь опроверг его слова:

— Нет… сде-лал. Ты ме-ня с-пас, — сбивчивым голосом проговорила она, а затем, с трудом удерживая в глазах слёзы, продолжила:

— Я… Аш Роллер.

Глава 4

От бёрст линкеров требовались самые разные умения, но самым главным из них была молниеносная реакция на происходящее.

Даже в битвах с хорошо знакомыми аватарами могли возникать совершенно неожиданные ситуации. Даже когда всё идет по плану, нельзя просто расслабиться и с лёгким сердцем предвкушать победу. Постоянный сбор информации и принятие решений. От того, как быстро бёрст линкер мог (или не мог) совершать эти действия, зависела его жизнь.

Сильвер Кроу именно потому полагался на свою скорость, что у Харуюки была прекрасная реакция. То, что в дуэлях не должно быть никаких передышек, он решил не вчера и не сегодня.

Но…

Сейчас мысленный процессор Харуюки словно работал на частоте в один герц. Его хватило лишь на то, чтобы изумлённо распахнуть глаза.

«Аш… Роллер?.. Кто… это такой?» — медленно задал он сам себе вопрос, и так же медленно ответил, — «Ах да… это же Аш. Тот тип на древнем американском мотоцикле. У него ещё маска в виде черепа. Он громогласно хохочет и говорит, что ему мега-прёт.

…Э? Им что, была она? Такая тихая девочка?»

На то, чтобы разжевать информацию до такого уровня, у Харуюки ушло целых десять секунд. Но затем его мысли вновь замерли. На время он забыл и о своём положении, и вообще обо всём на свете, словно по его сознанию проехался тот самый мотоцикл.

Девушка вновь потянула за руку замеревшего посередине оживлённого супермаркета Харуюки и тихо сказала:

— Пошли… в другое ме-сто.

Она отвела ничего не соображающего Харуюки на второй подземный уровень, где находилась огромная подземная парковка. Они проходили вдоль аккуратных рядов электромобилей, и вдруг вдали показались знакомые очертания. Ярко-жёлтый пятидверный итальянский хэтчбек — любимая машина Курасаки Фуко (вернее, её матери).

У девушки оказался временный электронный ключ, поэтому, как только они подошли, машина приветливо моргнула поворотниками, открывая замки. Девушка открыла левую заднюю дверь, затолкнула Харуюки внутрь, а затем забралась внутрь

сама.

Одно то, что у неё был ключ от этой машины, означало, что эта девушка как минимум знакома с Фуко. Но Харуюки всё ещё не мог поверить, что сидящая возле него школьница с непослушными волосами и есть тот самый Аш Роллер. Для сравнения: в то, что появившаяся у него дома в один прекрасный день девочка, представившаяся дальней родственницей Сайто Томоко, оказалась на самом деле Красной Королевой Скарлет Рейн, Харуюки поверил гораздо быстрее.

И всё же…

Харуюки не мог находиться здесь вечно. С того момента, как он выбежал из дома в футболке и шортах, прошло уже семь минут. Ещё через восемь дверь его квартиры откроется, и Черноснежка вместе с остальными кинутся искать его.

С одной стороны, найти в таком огромном здании человека с отключённым нейролинкером крайне затруднительно, а с другой — с ними Такуму и Тиюри, не раз игравшие здесь в прятки и салки, в которых они были неизменно сильнее Харуюки. Особенно чутким нюхом отличалась Тиюри, а уж если пообещать ей мороженого, то она разыщет Харуюки за несколько минут. Короче говоря, если он собирался в одиночестве расправиться с возникшей ситуацией, ему нужно в течение десяти минут покинуть территорию комплекса.

Эти мысли помогли Харуюки в какой-то степени перезапустить своё сознание. Он повернулся к шмыгающей носом девушке, сидевшей возле него, и, для начала, спросил:

— Э-э… эм-м… выходит, ты… друг Аш Роллера? Знакомая? Посланник?..

Первым делом он хотел полностью исключить вариант, что её фраза «я — Аш Роллер» ему просто послышалась.

Девушка сжала в руках неизвестно как оказавшийся там платок и отчётливо покачала головой. Отчего-то покраснев, она склонила голову и смущённым голосом сказала:

— …Я — это он.

— …

Мысли Харуюки едва не застопорились повторно. Но слова её звучали всё так же невероятно.

Конечно, в Ускоренном Мире есть множество аватаров, непохожих на своих владельцев из реального мира. Примером мог послужить сам Харуюки. По стройной фигуре Сильвер Кроу ни за что нельзя догадаться, что за ним в реальном мире стоит толстячок из второго класса средней школы.

Но вся эта разница сводилась лишь к внешности. Интонация, поведение, другими словами, «ощущения» от человека и аватара

не могли так разительно отличаться. Среди бёрст линкеров, которых Харуюки знал в реальности — Черноснежки, прочих легионеров Нега Небьюласа, Нико, Пард, и даже пройдохи Даск Тейкера — исключений не было.

Да что там, сидящая рядом с ним девушка не походила на Аш Роллера ровным счётом ничем. Ни речью, ни поведением, ни характером, ни, самое главное, полом. Кстати, да, разве этот байкер не аватар мужского пола? Разве девушкам в Брейн Бёрсте не достаются аватары женского пола?..

— А… — обронил Харуюки, вдруг вспомнив кое-что, а затем внимательно вгляделся в лицо готовой расплакаться девушки.

Хоть она и выглядела вяло, но повернула к нему взгляд. Её лицо казалось мягким, свежим… однозначно женским, но в то же время её вид немного напоминал мальчика-ботаника.

И этим её лицо было похоже на «настоящее» лицо Аш Роллера, скрывавшееся под его скелетным шлемом.

— Так ты… и правда… но как?.. — задал Харуюки бессвязный вопрос.

Заплаканная девушка ответила не словами.

Вместо этого она положила свою сумку на колени, открыла её, убрала платок и достала кое-что ещё. Это был сложенный нейролинкер серого металлического цвета.

Харуюки удивился, а затем перевёл взгляд на шею девушки. На ней уже был надет нейролинкер очаровательного пастельно-зелёного цвета. Вернее, без уже надетого нейролинкера она не смогла бы открыть машину.

Но от этого возникал другой вопрос.

Нейролинкеры, в отличие от старинных мобильных устройств — телефонов и смартфонов — не могли просто «быть». Они были визитной карточкой, кошельком и документом. Поэтому центральный чип нейролинкера опознавал своего владельца по мозговым импульсам и был намертво привязан к нему. Одного надетого нейролинкера вполне достаточно, чтобы однозначно сообщить, кто ты. Его можно было назвать «паспортом» человека.

Другими словами, нейролинкеры можно рассматривать как «опознавательные ошейники», которые государство раздавало населению. Поэтому владеть несколькими нейролинкерами было запрещено законом. Конечно, речь шла не о самих устройствах, которых у человека могло быть несколько, а о центральных чипах — их ядре. Оно могло быть лишь одно на человека, и для его замены было необходимо обращаться либо в префектуру, либо в специальные государственные учреждения. Поэтому владеть несколькими нейролинкерами было почти бессмысленно. Даже у Черноснежки нейролинкер был только один. Если бы у неё был

ещё один, ей бы не пришлось два с лишним года избегать глобальной сети, чтобы не стать целью убийц, подосланных Шестью Королями.

И именно поэтому Харуюки был крайне удивлён, увидев у девушки второй нейролинкер.

— Э-это… твой? Он… работает?

— Ра… ботает. Но, он не… мой. Это был… нейролинкер моего брата.

— Б-брата?.. Был?.. — ошарашенно повторил Харуюки.

В ответ девушка кивнула и развернулась к Харуюки всем телом. Конечно, они всё ещё сидели в машине, и под всем телом понималось, в основном, туловище, и, конечно же, её юбка при этом весьма высоко закаталась, почти полностью обнажив её бледные ноги.

Оказавшись в такой сложной ситуации, Харуюки не нашёл ничего лучше, кроме как рассеянно забегать глазами, но девушка, ничуть не обращая на это внимания, выпрямилась и сделала пару глубоких вдохов. Судя по всему, она нервничала не меньше, чем сам Харуюки. Она положила серый нейролинкер на юбку, а затем сжала кулачки, словно подбадривая себя. После этого она сделала ещё один глубокий вдох, посмотрела прямо на Харуюки как всегда влажными глазами и ясным голосом произнесла:

— Меня зо-вут… Кусакабе Рин.

С этими словами она слегка взмахнула правой рукой, и перед глазами Харуюки высветилась бледно-зелёная панель. Визитка, которую она передала через местную сеть автомобиля.[16] Сверху значилось: «Кусакабе Рин». Также на ней значилось, что она родилась в 2033 году, то есть, она, как и Харуюки, училась во втором классе средней школы.

— А, э-э… я Арита Харуюки, — рефлекторно представился он и переслал ей свою визитку.

Девушка по имени Рин скользнула глазами по визитке и, впервые с момента их встречи, слегка улыбнулась. Понимая, что ситуация стала ещё более неловкой, Харуюки тут же выпалил первый пришедший в голову вопрос:

— К-кстати говоря… откуда ты узнала, что я… Сильвер Кроу, и нашла меня в той толпе?..

— Через несколько минут… после того, как я вышла из поля, мне позвонила учитель… она прислала мне твою фотографию и приказала любой ценой остановить тебя и не дать выйти из дома…

— Учитель?.. Ты про Скай Рейкер? — спросил Харуюки для подстраховки, и коротко подстриженная девушка кивнула головой.

Конечно, это сочетание выглядело немного странным, но прилежная богатая школьница (по крайней мере, снаружи) по имени Курасаки Фуко была «родителем» постапокалиптического байкера Аш Роллера. Теперь, когда он увидел перед собой эту девушку, связь Аш Роллера с Фуко казалась чуть более реальной, но она всё равно многого не объясняла.

Харуюки уже был готов схватиться за голову от возникающих одного за другим вопросов, но тут Кусакабе Рин взяла в руки серый нейролинкер. Каждый раз, когда она двигалась, от неё доносился приглушенный цветочный аромат, парализующий мысли Харуюки. Но следующие её слова заставили Харуюки моментально выпрямиться.

— Хорошо… я расскажу всё с самого… начала. О том, каким образом я стала… бёрст линкером…

«Мой старший брат Ринта — ICGP-гонщик», — рассказ Рин начался этими словами.

Слово ICGP означало определённую категорию гоночных соревнований на мотоциклах. Аббревиатура IC расшифровывалась как Internal Combustion, то есть «двигатель внутреннего сгорания». В современном мире даже в спорте многие соревнования проводились на электромобилях, но были и те, что упорно держались за бензиновые движки и отсутствие автомобильного автопилота, как в прошлом веке.

Их можно было понять — по сравнению с эффективным и тихим стилем езды гоночных электромобилей, у грозных рыков бензиновых движков и яростно буксующих колёс был определённый шарм. Пусть эти двигатели и стали символом наплевательского отношения к окружающей среде, пусть они долгие годы подвергались нападкам, пусть судьба этих гонок всегда висела на волоске, но и сам Харуюки, бывало, смотрел поздно ночью трансляции этих гонок, не в силах оторвать глаза.

— Мой брат на шесть лет старше меня… и он был гениальным гон-щиком, насколько я вообще могу об этом су-дить. Два года назад он участвовал в национальных соревнованиях за право поехать в Европу… этот шанс был очень ему дорог… — продолжала сбивчиво говорить Рин, а в глазах её вновь появились слезы. — Но во время последней гонки… с ним столкнулся другой гонщик… я была там, я пришла болеть за него, и все случилось прямо на моих глазах. К счастью, он выжил, но с тех пор находится… в коме… на нём медицинский нейролин-кер, с помощью которого его держат в фулл дайве, но медикам не удаётся добить-ся от него ничего, кроме слабых откликов…

— …

Харуюки не знал, что на это ответить, поэтому продолжал молча смотреть на влажные глаза Рин.

В гонках на машинах, оборудованных искусственным интеллектом, подобные столкновения происходят крайне редко. Из-за этого в них почти не бывает напряжённых обгонов и опасно близкой езды. Именно поэтому ICGP и IC-формула вызывают у зрителей такой интерес... но, в то же время, количество происшествий в них на порядок выше.

Рин несколько раз моргнула. Когда её дыхание вновь выровнялось, она продолжила:

— С того момента мой брат живёт в большом госпитале в Сибуе... я живу в Эготе, в районе Накано, но среднюю школу выбрала в Сибу-е.

— Чтобы... видеться с ним? — тихо спросил Харуюки, и Рин в ответ кивнула.

— Врачи говорят, что чем больше мы будем говорить с ним в реальном мире, чем чаще будем держать его за руку, тем выше шансы того, что он поправится... поэтому я каждый день после школы захожу... в больницу. Даже на канику-лах я ходила туда каждый день. Но мне как-то неловко покупать проездной на автобус только ради этого... а прошлым летом его лечащий врач предложил мне подрабатывать в больничном кафетерии...

— Я-ясно...

Тот же закон, что ослабил ограничения на найм несовершеннолетних работников, снял часть запретов и с учащихся средних школ, хотя полный день им работать всё ещё не разрешалось. Впрочем, Харуюки никогда даже не задумывался о том, чтобы начать работать и зарабатывать, и поэтому восхищённо вздохнул.

— Ничего себе... выходит, ты ради своего брата работала все каникулы...

В ответ Рин, несмотря на продолжавшие стоять в глазах слезы, слегка улыбнулась и покачала головой.

— Но... я оказалась жуткой растяпой... в течение того лета я разбила больше десяти тарелок и стаканов.

— С-серьёзно?

— И не толь-ко... был случай, когда я случа-йно облила ледяной во-дой ноги одной посетительницы...

— П-правда?

— К счастью, она оказалась очень доброй... она была чуть старше меня, но тоже училась в средней школе не очень далеко от меня. Так мы познакомились и подружились... мы говорили с ней о планах на будущее, о моём брате, и я многое с ней обсудила...

— Та-ак...

Харуюки, не понимая, к чему всё идёт, заинтересовано подался к ней, совершенно забыв о своём тяжёлом положении. Он забыл даже о часах в правом нижнем углу, которые упорно приближались к отметке в пятнадцать минут с того момента, как он выбежал из дома.

«Прошлое лето» было примерно десять месяцев назад. Почти сразу после его окончания Черноснежка предложила Харуюки стать бёрст линкером. Рин посмотрела на Харуюки влажными глазами и продолжила:

— Постепенно… она смогла разглядеть… мою «душевную травму». И тогда она сказала мне, что у Токио есть другая сторона. И что именно там может скрываться ответ, который я… ищу…

— Душевная травма… другой Токио… — прошептал Харуюки, запоздало понимая, о чём именно она рассказывала.

Виртуальный Токио, в котором собирались и сражались парни и девушки с моральными травмами. Она говорила об Ускоренном Мире, тайном поле боя, созданном программой под названием Brain Burst.

— Выходит… это был бёрст линкер, ставший твоим «родителем»?..

— Имен-но. Мой добрый, стро-гий «учитель»… — произнесла Рин, кивая, и Харуюки вздрогнул.

Он уже успел забыть, что девушка перед ним была тем самым Аш Роллером. И, если это так, то та школьница, которую она встретила в кафетерии больницы — бёрст линкер восьмого уровня, «железная длань» Скай Рейкер, Курасаки Фуко…

Возможно, сейчас это уже было совсем маловероятно, но Харуюки не решился произносить её имя, на случай, если Рин была враждебным бёрст линкером, пытавшимся войти с ними в контакт. Поэтому он замолчал, и Рин, возможно, поняв, почему, опустила взгляд, а затем сказала:

— Когда она объяснила мне условия установки программы «Brain Burst 2039», я… поняла, что не подхожу под них. Мой первый нейролинкер мне купили уже после того, как я пошла в школу…

— Выходит… ты не выполнила первое условие?.. — прошептал Харуюки, и Рин утвердительно кивнула.

Первое условие, необходимое для установки Брейн Бёрста, оно же первое условие бёрст линкера, гласило, что нейролинкер нужно носить с самого младенчества. Без родителей, уделявших слишком много или слишком мало времени воспитанию своего ребёнка, выполнить его не получится.

— Я сказала ей об э-том, но… учитель в ответ улыбну-лась и

сказа… ла. Что чует во мне… сильную волю. Что её интуиция никогда её не подводит…

Действительно, эти слова достойны Фуко, умеющей убеждать мягкими словами. Но насколько бы могущественной ни была Рейкер, она не могла сделать бёрст линкера из человека, не выполнившего первое условие. Харуюки удивлённо наклонил голову, а Рин вновь подняла нейролинкер, покоившийся на её коленях.

— И тогда я… вспомнила. Когда мой брат… Ринта, был маленьким, он любил подшучивать надо мной… и, пытаясь привить любовь к ICGP-гонкам и мне, втихую надевал на меня свой нейролинкер. Я тогда была совсем младенцем, а он показывал мне записи соревнований… сама я слышала об этом уже от родителей…

— Ничего себе у тебя брат… — сказал Харуюки, натянуто улыбаясь.

Затем он опомнился и удивлённо заморгал. Да, она могла быть его сестрой, но она была другим человеком. А значит, нейролинкер не должен был заработать, будучи надетым на неё.

Рин поняла, о чём задумался Харуюки, кивнула и сказала:

— У новорождённых мозг ещё не сформирован окончательно, и распознать его уникальные импульсы затруднительно… это редкий случай, но нейролинкер моего брата действительно признавал во мне своего пользователя… позже, в сознательном возрасте, но до того, как у меня появился свой, я периодически одалживала нейролинкер брата, чтобы читать комиксы и заходить в фулл дайв. Это… и есть тот самый нейролинкер.

Харуюки перевёл взгляд на старый металлический прибор, который Рин бережно держала обеими руками.

И теперь он заметил кое-что, что ускользнуло от его взгляда из-за тусклого освещения. Помимо облезшей краски и мелких царапин на корпусе нейролинкера, по нему шла похожая на молнию трещина, словно его пытались разбить.

— Мой брат… использовал этот нейролинкер и когда вырос, только сменил корпус на взрослый. Он говорил, что с ним ездит быстрее. Когда он закончил среднюю школу, он с головой погрузился в мир гонок… и даже тогда…

Хотя брат Рин, Ринта, и участвовал в ICGP-гонках, в которых гонщики не полагались на искусственный интеллект, нейролинкеры в них всё же использовались для вывода информации на глаза и подачи всевозможных сигналов.

А значит, то устройство, что Рин держала в руках…

— То есть, этот нейролинкер… был на нём два года назад, когда он попал… — шёпотом спросил он её, и девочка медленно

кивнула.

— Сразу после аварии команда брата и его тренер пере-дали его нам. Скорее всего… в память о нём. Да, мой брат выжил, но с тех пор так и не вышел из комы… но, как ни странно… — Рин на мгновение прервалась и улыбнулась. — Когда учитель рассказала мне о подробностях установки Брейн Бёрста… я сняла свой нейролинкер и надела этот. В последний раз я надевала его перед тем, как впервые пойти в школу… за восемь лет до этого. Я была уверена, что теперь он уже не запустится… но он заработал.

— …!

Харуюки ахнул. Выходит, что эта девушка, Кусакабе Рин, по сути, могла использовать два нейролинкера, что считалось невозможным и незаконным.

Конечно, хоть какую-то пользу от наличия нескольких нейролинкеров могут извлечь разве что мошенники, пытающиеся выдать себя за кого-то ещё. Но наличие нейролинкера, использовавшегося в младенчестве, могло помочь при установке Брейн Бёрста.

Если первым условием было ношение нейролинкера с самого рождения, то вторым был большой опыт фулл дайва. По-другому, эти условия можно перефразировать как то, что Брейн Бёрст требовал хорошей совместимости мозга с устройством и хорошей реакции. У каждого нейролинкера были свои особенности, и именно с тем из них, что человек носил с самого младенчества, устанавливалась самая крепкая связь.

— Получается… Брейн Бёрст установлен не на тот зелёный нейролинкер, что сейчас на тебе… а на нейролинкер брата? — спросил Харуюки, и Рин едва заметно закивала.

— Да. Учитель сказала, что возможность передачи установщика лишь одна, и поэтому я сильно сомневалась… но знаешь, что самое странное?.. Когда я надела нейролинкер, смотрела на пламя Брейн Бёрста и ждала заполнения шкалы… я услышала голос моего брата.

— Э?..

— «Ты должна ехать по своему пути», сказал он. «А я буду подталкивать тебя в спину»…

Капли в её глазах стали совсем крупными, и Рин улыбнулась как никогда широко. Она осторожно расправила дужки старого изношенного нейролинкера и продолжила:

— И установка… прошла успешно. Но… когда я вступила в дуэль с учителем и впервые увидела свой дуэльный аватар… я рассмеялась, — прервавшись, Рин действительно прыснула. — Кожаная куртка, вычурный шлем. Огромный сверкающий мотоцикл. Это была та самая машина, которую мой брат мечтал

купить себе, если победит в европейском турнире… он сказал мне… чтобы я ехала по своему пути… но этот аватар был воплощением его мечты… мой брат всегда… хотел…

За мгновение до того, как слёзы скатились с её глаз, она зажмурилась, разбив их о ресницы, и с любовью прижала серый нейролинкер к груди. Харуюки не смог не улыбнуться и сказал:

— Так вот оно что… выходит, «Аш Роллер» из Ускоренного Мира… это такой отыгрыш?.. Ты пытаешься своей речью, своим стилем боя вести себя так, как это делал бы твой брат?..

Пусть плачущая девочка перед его глазами была всё так же далека от образа постапокалиптического байкера из Ускоренного Мира, но Харуюки казалось, что он начал понимать глубину тех чувств, что она испытывала по отношению к своему брату.

Когда Харуюки постепенно начал понимать происходящее, Рин вдруг искоса взглянула на него и неожиданно сказала:

— У меня ведь… хорошо получается? Он ведь… клёвый?

— Э?! Клёвый?.. Аш?

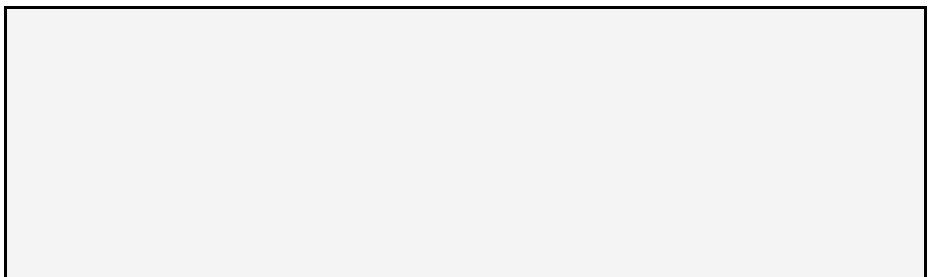
Её короткие волосы качнулись от очередного кивка, а затем Рин подалась вперёд, резко сократив расстояние между ними. Она заговорила таким же тихим, но куда более страстным голосом:

— У него такой клёвый шлем в виде черепа… такая крутая кожаная куртка с заклёпками… даже мотоцикл с ракетами прикольный…

Трудно поверить, что девушка в такой дорогой школьной форме, явно хорошо воспитанная, произносит такие слова. Харуюки закивал, но губы его сами по себе поджались. Затем Рин пришла в себя, резко отодвинулась и вновь стыдливо склонила голову.

— П-прости… когда я попадаю в Ускоренный Мир, я забываю обо всём… именно это и проис-ходит во время… дуэлей. Я сражаюсь настолько самозабвенно, что полчаса пролетают, словно миг… и когда я возвращаюсь в реальный мир, я почти… ничего не помню…

— Я… ясно… — ответил Харуюки, ещё раз кивнув, а затем задумался.



Судя по её словам, «Аш Роллер» был не столько отыгрышем, сколько своего рода её второй личностью, или же частичным подсознательным превращением в её собственного брата. Сам Харуюки в Ускоренном Мире тоже получал прилив уверенности и разговаривал гораздо развязнее, чем в реальности.

Но как только он задумался об этом, он вдруг ощутил дуновение и поднял голову.

Перед собой он видел влажные глаза Рин, которая придвинулась к нему ещё ближе и фактически сидела уже вплотную к нему. Хоть её глаза и были серого цвета, зрачки казались похожими на бездонные озёра, и Харуюки ощущал, как тонет в них.

— Но кое-что из того мира я помню яснее, чем да-же реальный… мир.

Голос Рин был как всегда тонким и прерывистым, но звучал внутри закрытой машины так чисто, словно она передавала его мыслями через кабель. Харуюки, стараясь унять разбушевавшееся сердце, беспрестанно повторял себе, что перед ним сидит Аш Роллер, но…

Девочка, управляющая постапокалиптическим гонщиком, придвинула своё лицо ещё на сантиметр и страстно прошептала:

— И это… ты. С того самого дня, когда мы впервые сразились, по разу выиграли и по разу проиграли, твой образ, твой голос никогда не покидал ме… ня…

— К-Кусакабе…

Кое-как успокоившееся сознание Харуюки вновь моментально перегрузилось, и Харуюки начал быстро моргать. Мир перед глазами превратился в раскадровку, и казалось, что каждое мгновение влажные глаза Рин становились всё ближе.

— Ты… заметил то, чего не замечал ника-кой бёрст линкер, использовал особенность мотоциклов с двигателями внутреннего сгорани-я и победил… меня. Брат час-то говорил мне… мотоцикл, у которого вращается переднее колесо — уже не мотоцикл. Возможно, он расстроился от того, что я проиграла новичку на уровень ниже меня, но я уверена… глубоко в душе он был счастлив…

Расстояние между их лицами стало уже меньше двадцати сантиметров, а мысли Харуюки почти полностью парализованы. Он не замечал даже того, как странно звучали слова Рин. Но и она, похоже, уже не осознавала, что говорит и делает, продолжая постоянно придвигаться всё ближе.

— Но… самое неизгладимое, самое яркое впечатление, навсегда отпечатавшееся в моем сердце, на меня производили твои небесные полёты с расправленными крыльями. Когда ты летишь быстрее ветра, быстрее кого бы то ни было... ты… выглядишь почти как мой брат, включающий шестую передачу… на финишной прямой…

Наконец чудесным образом поддерживавшийся всё это время баланс нарушился, и крупные капли, державшиеся на ресницах Рин, покатились по её щекам.

Они пересекли её по-мальчишески отчётливые черты лица и

упали на футболку Харуюки.

— Мне… всегда нравилось смотреть, как ты летаешь в небесах Ускоренного Мира. Мне всегда нравилось гнаться за тобой по земле, когда мы с тобой сражались. Твоя форма… словно чистейшее воплощение скорости…

Её голос дрогнул и прервался. Рин опустила взгляд, обронив ещё несколько слёз. Она глубоко вдохнула и через несколько секунд с болью в голосе продолжила:

— Но… но после всего этого я… не задумываясь о последствиях, совершила глупость… и из-за неё… над тобой нависла угроза…

«Э, о чём ты?» — едва не успел удивиться Харуюки, но вновь вспомнил о своём положении.

Ведомый яростью, он призвал Броню Бедствия, окончательно слился с ней, став Шестым Хром Дизастером, и потому решил, что должен сам положить конец своему существованию как бёрст линкера ради безопасности его Легиона. Но, как заметила Рин, поводом для этого стало то, что Харуюки увидел смерть Аш Роллера на неограниченном нейтральном поле.

Аш попал в засаду Олив Граба и остальных владельцев ISS комплектов потому, что он (или она) проигнорировал указания своего учителя, Скай Рейкер, погрузился на неограниченное нейтральное поле раньше, чем нужно, и в одиночку отправился в довольно далёкое путешествие, несмотря на то, что это крайне опасно.

Но цель этого путешествия заключалась в спасении его «братана», Буш Утана. Как и Олив, тот был заражён ISS комплектом, но пытался избавиться от его влияния. Именно для того, чтобы помочь ему, Аш и был вынужден действовать в одиночку. Разве кто-то мог обвинять его за то, что он сделал?..

— А… к-кстати, — Харуюки вдруг вспомнил кое-что, что следовало спросить гораздо раньше, и обратился к сидевшей вплотную к нему Рин, — В-вы с Буш Утаном смогли выйти через портал?..

— …Да. Мы с У сделали так, как ты и сказал, и после воскрешения побежали в сторону станции Сибуи…

— Я-ясно… ох, слава богу…

Но стоило Харуюки вздохнуть с облегчением…

Как склонившаяся голова Рин качнулась и уткнулась в грудь Харуюки.

Харуюки моментально и окончательно застыл, а в следующее мгновение ощутил, как к его спине мягко, но уверенно прижалась маленькая ручка. С учётом того, что со стороны эта сцена выглядела так, будто они обнимались, сидя наедине на заднем

сиденье машины, заклинание «это Аш Роллер» уже не работало. Хотя мысли Харуюки почти полностью остановились, сердце его билось на максимальной скорости, вступая в противоречие с принципом ускорения сознания Брейн Бёрста…

Когда Харуюки потратил остатки своего сознания на эти размышления, от прижавшегося к нему тела донёсся едва слышный голос:

— Я… всё видела. Чтобы спасти нас с У, ты призвал… ужасное Снаряжение. Это ведь… Броня Бедствия? Та самая, от которой ты уже избавился бы, если бы я тебе не помешала…

— …

Харуюки попытался открыть рот, но не смог ничего сказать. Когда он вдохнул в следующий раз, он ощутил цветочный аромат, доносившийся от тонких, блестящих волос Рин.

Из груди его, словно на этот запах, стало подниматься странное, сильное чувство. Оно было похоже на беспокойство и волнение, но в то же время отличалось. Его грудь зудела, словно по ней изнутри водили мягкими шипами…

— Это… неправильно… ты не можешь покинуть небеса Ускоренного Мира ради того, чтобы в нём… осталась я.

Харуюки уже начал поднимать руки, чтобы попытаться сделать хоть что-то, но слова Рин вновь парализовали его, и руки так и остались висеть в воздухе.

— Ведь… всё это время я сражалась в этом прек-расном и жестоком мире только благодаря тому… что в нём был ты. Только ради того, чтобы ви-деть, как ты летаешь в небесах, и как играет на твоей броне свет солнца на «Закате» и огни костров «Постапокалипсиса». Каждый день… когда я еду на автобусе в школу или обратно, я с наслаждением думаю о том, напасть ли мне сегодня на тебя самой, или на меня нападёшь ты…

Тут тонкий шёпот и жаркое дыхание Рин прервались, и она подняла голову.

Её взмокшие от слёз глаза посмотрели прямо на Харуюки. А затем с бледно-розовых губ этой девочки, бывшей в другом мире вечным соперником Харуюки, отчаянным постапокалиптическим байкером, с хохотом разъезжающим на американском мотоцикле, скатились слова:

— …Я люблю тебя.

И в этот миг Харуюки окончательно окаменел (вернее, ему самому так показалось). Одновременно с этим его напряжённая спина, державшая на себе эту хрупкую девочку, самопроизвольно расслабилась.

Они с мягким звуком упали на сиденье под Харуюки. Итальянский пятидверный хетчбек был весьма просторным, но Харуюки всё равно ударился головой об отделку двери. Но этого удара он совершенно не заметил. Ощущение физического контакта, окутывавшее его спереди, и сила произнесённых ею слов словно вышибли из Харуюки дух, и тот уже словно наблюдал за происходящим со стороны.

— Н-но…

Вопреки всему, Харуюки умудрился ответить на её слова, пусть хриплым, но всё же голосом. Иначе как чудом это не назвать.

— Но ведь в реальности я совсем не такой.

У Харуюки уже не оставалось сил отдавать себе отчёт в том, что его слова вновь зазвучали жалко. Но Рин в ответ не только не отпряла, а ещё сильнее прижалась к нему и со слезами на глазах прошептала:

— На самом деле, я… уже давно уз-нала, кто ты в реально… сти.

— Э?.. Н-но как?

— Ведь ты всегда после наших дуэ-лей стоишь на пешеходном мосту через Седьмую Кольцевую… а мой автобус проез-жает под ним.

— …

На это Харуюки уже ничего не мог ответить. Любой новичок знал, что если ты вступаешь в дуэль на открытом пространстве, то после её окончания нужно немедленно уйти с того места, где ты стоял. Но Харуюки сражался так отчаянно и так радовался и победам, и поражениям, что у него появилась дурная привычка после их окончания стоять на месте и с наслаждением вспоминать лучшие моменты. Похоже, что пока он так стоял, Рин и заметила его из окна автобуса.

— Но… почему, если ты знаешь, кто я, ты всё равно… я ведь…

— Потому… что у тебя есть крыль-я. Не только у дуэльного аватара… но и в реальности. Я прек-расно их… вижу.

Левая рука Рин, которой та все ещё обнимала его за спину, нежно погладила Харуюки между лопаток.

Неописуемое чувство пронзило всё тело Харуюки от головы до пят, и у него спёрло дыхание.

Он продолжал ощущать, как на его грудь всё ещё капали одна за одной слёзы Рин. Она расплылась в улыбке и сказала:

— В тот самый день, я реши-ла, что… быть может, в один прекрасный день… мы встретимся с тобой в реальности, и тогда я обязательно скажу, что люблю тебя. Что любила всегда, даже

когда ты был ещё на первом уровне. И… я так рада, что смогла это сказать. Я так рада, что напоследок мы всё же смогли встретиться… и уединиться.

— Э?.. На, напоследок? О чём ты… — ошарашенно спросил её Харуюки…

И после этого девушка по имени Кусакабе Рин, которую он видел впервые в жизни, глубоко вдохнула и уверенно заявила с серьёзным лицом:

— Я… уничтожу Броню Бедствия, которую ты призвал. Чего бы это ни стоило моему телу… и моей душе.

— Что?.. Что ты имеешь…

— Я приму на себя всю твою ярость и нена-висть. Не беспокойся… ради тебя я не побоюсь ничего, что бы ты со мной ни де… лал.

Рин убрала со спины Харуюки левую руку, а затем сняла ей пастельно-зелёный нейролинкер со своей шеи. Затем она надела на себя нейролинкер брата, который всё это время держала в правой руке.

Как только на её шее мягко защёлкнулся замок, она тут же запустила руку в свою сумку.

Из неё показался тонкий XSB-кабель, и она быстро подключила его к их нейролинкерам.

Она действовало так шустро, что Харуюки не успел ничего сказать или сделать. Перед глазами красным текстом высветилось предупреждение о проводном соединении, исчезло, а в следующую секунду Рин, придвинувшаяся так близко, что едва не касалась его губ своими, прошептала:

— Бёрст линк.

Раздался звук ускорения, выдавив из головы Харуюки смятение, замешательство и даже зудящее безымянное чувство, в котором смешались сладость и горечь.

Глава 5

HERE COMES A NEW CHALLENGER!

Строка яркого текста вспыхнула перед Харуюки и тут же исчезла, оставив его падать во тьме. Уже тогда он ощутил, какой именно уровень им попадётся.

Наконец, металлические ноги аватара коснулись твёрдой земли. Подождав, пока ощущение падения окончательно исчезнет, Харуюки осторожно поднялся.

Он оказался там же, где и был — на огромной подземной парковке под своим домом.

Но стоявшие аккуратными рядами разноцветные электромобили были то продавлены, то обуглены. Некоторые заржавели, другие просто сгнили. У машины Фуко слева от него была содрана крышка капота, а из двигателя то и дело выпрыгивали искры.

Это не значило, что кто-то уже успел сломать эту машину. Бетон под ногами тоже покрывали трещины, а из столбов и стен торчала арматура. Выйди Харуюки наружу, он наверняка увидел бы, что его дом наполовину разрушен, а вход — завален. Этот образ всеобщего развала и разрухи подтверждал догадку Харуюки о том, что им достался уровень «Постапокалипсис».

И тут…

Из тьмы метрах в двадцати от него вдруг резко послышался рокот запускающегося мотора.

Вслед за ним раздался характерный рёв двухцилиндрового двигателя. Зажглась круглая фара, осветив аватара Харуюки мягким жёлтым светом.

Пользуясь случаем, Харуюки осмотрел своего аватара, убедился, что он действительно был одет в гладкую серебристую броню Сильвер Кроу, и вздохнул с облегчением. Поскольку Бедствие не экипировалось автоматически, оно должно было появиться на аватаре лишь после произнесения голосовой команды. Должно было…

— …!

Но в следующий момент Харуюки до боли отчётливо понял, что обрадовался слишком рано.

Кое-что в Сильвер Кроу всё же изменилось. Вместо тонких пальцев, практически непригодных для кулачного боя, на его руках были заострённые, похожие на кинжалы когти. По три пальца на каждой ноге имели такой же вид и уже успели впиться в бетон. Харуюки резко ощупал свою голову. На неё надет

привычно гладкий шлем, но в районе висков торчали выступы, оставшиеся от визора.

Как он и боялся, Броня уже перестала быть просто Усиливающим Снаряжением и начала сливаться с аватаром в единое целое. Он понимал, что она внимательно следит за его эмоциями и действиями и при малейшей возможности вырвется на свободу, вновь превратив его в безумного разрушителя.

Это ощущение заставило его вздрогнуть, и в ответ со стороны спины вновь послышался рык, приглушённый, но как всегда яростный. Зверь предчувствовал бойню и начал пробуждаться ото сна.

«Эй, зверюга.

Прошу тебя, посиди тихо хотя бы эту битву!» — настоятельно попросил он и, убедившись, что его сознанию ничего не мешает, повернулся в сторону фары.

— Э-э… Аш…

Фигура гонщика над ослепительной лампой молча смотрела на Харуюки. По скелетной маске периодически проносились блики от огней догорающих вокруг них машин.

«Под этим шлемом в виде черепа… находится девочка, моя ровесница.

И она… только что призналась мне в любви.»

Это уже второе серьёзное признание, которое Харуюки услышал за свои четырнадцать лет. Первое он получил от своего «родителя», своей Королевы Черноснежки. За мгновение до того, как их попыталась сбить машина, она сказала ему: «Харуюки. Я люблю тебя».

Тогда… да что там, даже сейчас Харуюки не мог до конца принять на веру то, что девушка уровня Черноснежки может полюбить кого-то вроде него. Естественно, это не мешало ему быть на седьмом небе от счастья, и, естественно, он тоже любил Черноснежку.

Но при этом ему самому казалось, что эту любовь следовало назвать скорее «почитанием» или «преклонением». Харуюки до сих пор так и не ответил Черноснежке теми же словами. Он всегда убеждал себя, что однажды сделает это. Однажды, когда он перестанет быть таким робким трусливым толстяком, когда он станет достойным её.

Второе признание он получил несколько минут назад.

Его он услышал в тесной машине, от прижавшейся к нему девушки по имени Кусакабе Рин, которая сказала, что любит его, таким ясным и искренним голосом, что это признание никак не могло быть происками какой-нибудь лживой программы.

Харуюки не знал ни того, как он должен реагировать, ни того,

как ему принять эти слова. К счастью, неожиданное начало кабельной дуэли и превращение в дуэльного аватара помогли ему немного прийти в чувство.

Итак, за Аш Роллером все это время стояла девушка по имени Рин.

И Рин искренне призналась ему в любви.

Эти факты Харуюки решил пока отложить в сторону. Сейчас его больше волновали её последние слова. Она сказала ему, что уничтожит Броню Бедствия сама. Но Харуюки никогда не слышал о том, что Аш Роллер обладал «очищающей» способностью.

Тогда… не могли ли её слова о том, что она примет на себя его гнев и ненависть, означать то, что она готова преподнести своё тело в жертву Броне ради того, чтобы умерить ярость легендарного разрушителя Хром Дизастера? Не пыталась ли она таким образом искупить вину, которую ощущала за то, что её действия послужили поводом для окончательного возрождения Дизастера?..

— Аш… нет, Рин, — вспомнив, что в кабельных дуэлях зрителей нет, Харуюки решился называть её по настоящему имени. — Я… очень признателен тебе за то, что ты хочешь спасти меня. Но… ты не виновата в том, что Броня Бедствия вновь ожила. Эта Броня, этот зверь жил внутри меня несколько месяцев. Я сам вызвал его, повинуясь своим собственным чувствам…

Харуюки бросил ещё один взгляд на свои зловещие когти, а затем попытался добавить что-то ещё, но тут его мягко прервал гулкий рокот мотора.

Мотоцикл вздрогнул от вибрации двигателя, а вслед за этим мощное заднее колесо начало постепенно вращаться. Проехав два метра, огромный американский мотоцикл показался, наконец, во всей своей красе. Оседлавший железного коня стройный всадник сидел, держась обеими руками за руль и низко склонив голову. Выражение лица Харуюки разобрать не мог.

— Рин… — попытался позвать её Харуюки.

Но вдруг…

Черные кожаные перчатки крепко ухватились за руль мотоцикла. Правая рука резко поддала газу, а левая выжала сцепление. Мотоцикл яростно взревел, а из-под задней шины тут же повалил белый дым.

— Р… Рин?.. — в третий раз произнёс он её имя, но затем ему стало не до слов.

Стоявший в десяти метрах от него мотоцикл рванул на него с такой скоростью, что переднее колесо слегка оторвалось от земли.

Слева от Харуюки стояла машина Фуко. Справа —

внушительных размеров внедорожник. Бежать ему было некуда, и мотоцикл безжалостно врезался в него. Естественно, Харуюки тут же отбросило назад.

Не понимая происходящего, Харуюки свалился на землю, даже не задумываясь о том, чтобы перегруппироваться в воздухе. Он срикошетил от земли, на мгновение осыпав все вокруг себя искрами. Перед глазами вновь показалась серая шина.

Удар! Лязг.

Удар! Лязг.

На огромной подземной парковке раздались ещё две комбинации звуков удара и падения. В третий раз Харуюки и вовсе распластался на земле. Глаза его уже едва могли фокусироваться от удивления и постоянных ударов, но как только над головой Харуюки показался силуэт, он тут же воскликнул:

— Э, эа-а?!

Но в следующий момент обтянутое толстой резиной колесо заехало на живот Харуюки. Его словно сдавило огромным прессом, окончательно обездвижив Харуюки. Полученный урон уже опустил шкалу здоровья почти на 40%.

«Любила всегда, говоришь? А это за что?! Или это тебя Фуко научила выражать свою любовь насилием?!» — пронеслись в голове Харуюки неуместные мысли, а затем в полутора метрах от него…

Восседавший на мотоцикле гонщик со скелетной маской вдруг заговорил грубым голосом, совершенно непохожим на тот, каким Кусакабе Рин разговаривала в реальности:

— Чёртова ворона-а-а… как ты смеешь притрагиваться к моей сестрёнке-е-е…

— …Э?.. Э-э-э-э-э?! — закричал Харуюки. Это было единственное, что он мог ответить на эти слова.

Этим аватаром, восседавшим на мотоцикле и сверкавшим полными ярости глазами, должна управлять «сестра», а вовсе не «брат». Разве Рин сама не говорила о том, что её брат, Кусакабе Ринта, ICGP-гонщик, уже два года после аварии не выходил из комы на больничной койке?

Естественно, это означало, что он не мог быть бёрст линкером и погружаться в Ускоренный Мир. В конце концов, именно его сестра, Рин, затолкала Харуюки в машину, подключилась к его нейролинкеру, ускорилась и вызвала его на дуэль. Конечно, Харуюки не проверял, действительно ли она была школьницей, и, кто знает, может, она даже не была девушкой, но, во всяком случае, у Аш Роллера точно не было никаких причин ругать Харуюки за то, что он «притрагивался к его сестре»!

— Э, э-э, т-т-ты ведь Рин… правда? — простонал Харуюки,

ощущая, как скрипит его грудь под весом колеса.

На этот вопрос постапокалиптический гонщик ответил:

— Рин? Ри-и-ин?! Кто дал тебе право называть так мою сестрёнку?! Ты должен быть с ней на «Вы», или, хотя бы, называть её по секонд нейму, чтоб тебя!

«…Аш, фамилия это всё-таки «ласт нейм», а не «секонд», если что», — захотелось, как обычно, подшутить Харуюки, но сейчас ему было совсем не до этого.

Та ярость, которую излучал мотоциклист, явно выходила за рамки отыгрыша. Было совершенно очевидно, что сейчас за характер Аш Роллера отвечает не Рин, а её старший брат Ринта. И, выходит, что именно с ним Харуюки всё это время сражался, перешучивался и, бывало, разговаривал.

Получается… у неё что-то вроде раздвоения личности? Когда девочка по имени Кусакабе Рин погружалась в Ускоренный Мир, она становилась другим человеком, собранным из воспоминаний о её брате?..

Пока в голове Харуюки на огромной скорости проносились мысли, постепенно накапливающийся от давления урон опустил его здоровье ниже половины и окрасил шкалу в жёлтый цвет.

Сразу же из глубины сознания вновь послышался недовольный рык. Харуюки встрепенулся. Он понимал, что не должен позволить успокоившемуся было после схватки с Айрон Паундом и Грин Гранде на неограниченном нейтральном поле зверю вновь пробудиться. Да, возможно, Рин действительно хотела принести себя в жертву Броне, но Харуюки ни за что не хотел соглашаться с её планом. А значит, ему нужно вырваться, а затем объяснить Ашу происходящее.

— А, а-а, э-э-э… Аш… брат! — завопил Харуюки, изо всех сил пытаясь приподнять обеими руками тяжёлое колесо. — Э-э-э, Рин… то есть, сестру. Э-э…

Харуюки решил, что если внутри гонщика действительно сидит та девочка, то ему нужно как-то позвать эту личность. Он хотел попросить Аш Роллера поменяться с ней местами, но вот словами эта просьба прозвучала немного не так, как он хотел…

— О-о-отдай мне сестру! — вырвался из Харуюки вопль.

Глаза услышавшего эти слова Аш Роллера буквально вспыхнули.

— Что… ты сказа-а-ал?..

— А… н-н-нет, я х-х-хотел сказать…

— За-а-а-аткн-и-и-ис-с-сь!!

Голос Аш Роллера стал напоминать боевой клич, и вместе с этим он вновь крепко ухватился за руль. Двухцилиндровый двигатель с оглушительным звуком взревел.

— Из-за тебя! Мой! Радиатор гнева раскалился докрасна!

Харуюки начало казаться, что белый дым повалил и из-под скелетной маски.

Из выхлопных труб повалило пламя, и переднее колесо, прижимавшее Харуюки к земле, поднялось в воздух. Харуюки понял, что удар этим колесом опустит его здоровье до совсем критического уровня. Он попытался задёргать конечностями и сбежать, но оказалось, что его аватар уже впечатался в бетон сантиметров на десять.

— А! А-а! Стоп, стой, джаст э момент! — завопил он, но пылающего яростью брата было уже не остановить.

Мощное колесо с грохотом опустилось… но за мгновение до того, как оно раскрошило бы шлем Харуюки, вдруг дёрнулось вправо, ударившись об капот дорогого немецкого автомобиля. В стороны разлетелись листы проржавевшего металла, а старый двигатель загорелся.

Грохот утих, и лишь свет дрожащего пламени играл на хромированных деталях мотоцикла. Аш Роллер вновь заговорил, чуть более спокойным голосом:

— Я хочу с тобой сделать такой мега-хилл всего, чёртова ворона…

Харуюки не сразу понял, что Аш зачем-то решил добавить вычурности слову «гора».

— …Но я сильно должен тебе после того, что случилось на неограниченном нейтральном поле… так что на этом, пожалуй, закончу. Но! Если ты будешь и дальше приставать к моей сестрёнке, я из тебя шашлык… нет, жареную отбивную сделаю! Ар ю андерстенд?!

— П-п-п-понял! Йес, сэр!

Харуюки рефлекторно отдал ему честь, затем выкарабкался из продавленной его аватаром дыры и с облегчением вздохнул. Подняв голову, он встретился взглядом с остановившим свой мотоцикл Аш Роллером, внимательно смотрящим на него.

Харуюки всё ещё сомневался в том, что происходит, но знал, что был один вопрос, который он должен был задать именно сейчас. И он спросил, даже не поднимаясь на ноги:

— Так вот… э-э… Аш. Кто… ты на самом деле?..

Харуюки и Аш сели рядом на капоте огромного американского седана, который они нашли неподалёку.

Таймер в верхней части поля зрения уже успел отсчитать 600 секунд, то есть десять минут. А с того момента, как дверь, захлопнувшаяся за выбежавшим из квартиры Харуюки, снова открылась, прошло уже почти 10 минут. Если он всё ещё хотел

разобраться с Бронёй Бедствия в одиночку, ему нужно немедленно уходить с парковки и бежать из дома.

Но Харуюки не собирался уходить с этого дуэльного поля, не разгадав тайну бёрст линкера по имени Аш Роллер. Отчасти ему было просто любопытно. Но главная причина была в том, что Харуюки казалось, что он должен разузнать как можно больше о человеке, с которым познакомился восемь месяцев назад, когда только-только оказался в Ускоренном Мире, человеке, с которым провёл бесчисленные дуэли, который стал для него самым главным соперником, и который сам раскрыл ему свою личность.

К счастью, зверь снова скрылся в глубинах сознания и почти не проявлял себя. Пробудить его теперь могла только битва. Харуюки сидел на левой границе капота и нервно болтал ногами, терпеливо ожидая ответа Аша.

И, наконец…

— …Сразу скажу, это догадка Рейкер, — послышался вдруг во тьме голос постапокалиптического гонщика. — Ей кажется, что воспоминания бёрст линкеров об Ускоренном Мире — битвы, разговоры и так далее — записываются вовсе не в наши мозги…

— Э… что?! Где же ещё могут храниться воспоминания, если не в мозге?.. — изумлённо воскликнул Харуюки, но сразу заставил себя заткнуться. Затем он произнёс уже более тихим тоном, начиная догадываться, — То есть… в нейролинкере?..

— Йес. Правда, не все. Для того чтобы проиграть определённый комок воспоминаний, необходим своего рода «ключ», и вот именно эти ключи хранятся в нейролинкере… опять же, это теория учителя.

Когда Харуюки осознал смысл сказанного, он сразу покачал головой.

— Но, но ведь это невозможно. Если бы это было правдой, мы бы теряли воспоминания об Ускоренном Мире каждый раз, когда снимаем нейролинкеры, разве нет?

— Снимаем нейролинкеры, говоришь? Вот скажи мне, Кроу, как ты его снимаешь?

— Ну, как, отцепляю от шеи.

— Именно, чувак, ты отделяешь его от шеи. Но… не от башки, не от мозга. Связь этого прибора с мозгом — беспроводная, — ненадолго прервавшись, Аш Роллер постучал одетым в кожаную перчатку пальцем сначала по макушке, а затем по шее. — Да, пока нейролинкер не закреплён на шее, он вроде как не работает и не связывается с мозгом, но ведь замок нейролинкера защёлкивается автоматически, потому что чует на определённом расстоянии сигналы головного и спинного мозга. Ты слышал о… хотя, не, даже я не слышал об этом, пока мне не

рассказала учитель… одним из прототипов современных нейролинкеров был здоровый прибор под названием «Соул»… или как-то так. На нём проводили опыты и, в конце концов, удалось добиться устойчивой связи между прибором и мозгом человека, находящегося в десяти метрах от него.

— Д… десяти метрах?! — изумлённо обронил Харуюки и разинул рот.

Если это правда, и на такое же способны и современные нейролинкеры, то эти приборы совершенно необязательно было вешать на шею. Их можно было крепить к руке, к груди… да что там, таскать в кармане или сумке. Так их было бы гораздо удобнее снимать, надевать и переносить.

«И вообще, с моим потоотделением нейролинкер всегда мешал мне летом. Даже модели с решетчатой внутренней поверхностью не помогали, моя шея взмокала, и поэтому меня в младших классах дразнили «потным фонтанчиком»…»

— Тьфу, о чём это я, — силой выдавив из головы неприятные воспоминания, Харуюки собрался с мыслями. — Э-э… короче говоря, Аш, ты хочешь сказать, что даже когда мы снимаем нейролинкеры с шеи, они тайно подключаются к нашему мозгу, и поэтому мы всегда помним об Ускоренном Мире… так?..

— Ну да, это и есть теория учителя. Вот только… даже она не в силах объяснить, кто я такой и как именно существую.

Харуюки сглотнул и осторожно поинтересовался:

— Выходит… ты всё-таки не Рин… то есть, не Кусакабе Рин, а её старший брат… бывший ICGP-гонщик Кусакабе Ринта?..

Ответа на свой вопрос он ждал больше десяти секунд.

Аш Роллер опустил взгляд на руки, одетые в проклёпанную кожу. Наконец он поднял ладони и несколько раз сжал их, словно проверяя собственные ощущения.

— …Я не знаю. Ай хэв ноу айдия, — прошептал он.

Этого ответа Харуюки не ожидал. Ведь Аш однозначно считал Рин своей сестрёнкой.

Уловив на себе вопросительный взгляд Харуюки, байкер продолжил тихо говорить:

— По крайней мере… я не помню, чтобы в реальности был каким-то там крутым GP-гонщиком. Более того, у меня вообще нет воспоминаний о том, кем я был до того, как стал бёрст линкером. Моё самое первое воспоминание… сцена, в которой я смотрел на то, как этот аватар неумело пытается сражаться.

— Э… с-смотрел?.. Снаружи?..

— Йес. В самой первой дуэли… этим аватаром, несомненно, управляла сестрёнка… Рин. А я смотрел на неё со стороны. Но я не был зрителем, а… даже не знаю, как назвать, призраком?

Таким полупрозрачным духом, витающим возле неё…

И тут Харуюки неожиданно для себя вздрогнул. Он вдруг понял, что внешний вид Аш Роллера вполне мог довести какого-нибудь ребёнка до слёз, и хрипло спросил:

— Так ты… привидение?

— К-какое ещё привидение?! Начнём с того, что у меня есть клёвые ноги! И где ты видел привидение, разъезжающее на мотоцикле?!

Аш ударил пяткой своего чёрного ботинка по бамперу автомобиля, на котором они сидели. Ржавый бампер звучно отвалился, ударился о землю, разбился на полигоны и исчез.

— Но это не важно… так вот, я летал возле неё во время её первой дуэли и думал, какого чёрта Рин творит. И это была моя самая первая мысль как той личности, которая сейчас говорит с тобой. Я не мог вынести вида того, как она неумело пытается ездить на мотоцикле… так что я подлетел к ней с мыслями, что сейчас я усядусь возле неё и научу, как надо кататься. А потом…

— Ты слился с ней?.. — осторожно поинтересовался Харуюки, и Аш медленно кивнул.

— Я… я, если честно, не понимаю, кто я на самом деле. Очевидно, что этого дуэльного аватара создала «сестрёнка», Кусакабе Рин. Поэтому я, наверное, её «брат». Но как её брат может находиться здесь?.. Этот «Кусакабе Ринта», валяющийся где-то в больнице, он что, каким-то образом подключается к её нейролинкеру на таком расстоянии и говорит с тобой? А может, я просто виртуальная личность Рин, созданная ей для сражений в этом мире? Сколько бы я ни думал, ответ не становится ближе…

Аш кратко вздохнул. Словно маленький ребёнок, он начал болтать в воздухе мощными ботинками. Затем таинственный гонщик продолжил свой монолог:

— Если я всё же виртуальная личность, то это значит, что в реальном мире меня просто не существует. Но… ты знаешь, Кроу, этот вариант мне нравится даже больше…

— Э?.. Н-но ведь… если это так, то однажды ты…

«Однажды ты, Аш Роллер, можешь исчезнуть навсегда», — эти слова комом встали в горле Харуюки, но Аш словно услышал их. Он слегка кивнул, а затем шёпотом продолжил:

— Ничего, так будет даже лучше. Ведь если я и есть тот самый Кусакабе Ринта… то мой шанс, моя мечта стать чемпионом навсегда сгорела в той аварии. Я же, не желая признавать это, пытаюсь тщетно «крутить» ставшие «пеплом» колёса сгоревшей мечты, и ради этого использую сознание… нет, душу своей сестры, Рин. Получается, я радостно разъезжаю по Ускоренному Миру на мотоцикле, используя для этого свою сестру, хотя я даже

не подхожу по возрасту для того, чтобы быть бёрст линкером. Разве я вправе делать такое с ней… когда у неё… должна быть своя дорога в жизни…

Аш крепко сжал левый кулак и попытался ударить себя по колену, но тут Харуюки рефлекторно ухватился за его запястье правой рукой.

— Нет… ты неправ, Аш, — сказал он, покачивая серебристым шлемом. — Мы… сражаемся в Ускоренном Мире не ради того, чтобы возместить то, чего мы лишились в реальном мире, и не ради того, чтобы исполнять несбывшиеся мечты. Мы здесь… для того, чтобы встретиться лицом к лицу с нашими душевными травмами, нашими слабостями, чтобы принять их и вновь начать двигаться вперёд. Неважно, Кусакабе Ринта ты или нет… ты всё равно существуешь в этом мире! Ты провёл сотни битв, сражаясь со мной и остальными бёрст линкерами! И эти воспоминания — самые настоящие!..

Харуюки говорил и говорил, сам не понимая того, в чём пытается убедить его.

Девушка по имени Кусакабе Рин, тоскующая по впавшему в кому брату, и нейролинкер её брата, Кусакабе Ринты, который тот носил в детстве, объединились, и из их союза чудесным образом на свет появился бёрст линкер по имени Аш Роллер. Но чудеса по своей природе капризны и непостоянны, и он действительно однажды мог исчезнуть навсегда.

Но… несмотря на всё это, Сильвер Кроу проиграл первую в своей жизни битву именно Аш Роллеру, и первую же битву выиграл у него же. Этот факт никогда и ни за что не изменится.

Харуюки уже не знал, как выразить словами томящееся в груди чувство, и лишь продолжал крепко сжимать левую руку Аша.

Гонщик не пытался ни убрать свою руку, ни ответить Харуюки тем же. Он просто молча смотрел на ладонь Сильвер Кроу. На ладонь, тонкие пальцы которой превратились в зловещие загнутые когти.

— Тогда… на неограниченном поле, я уже приготовился потерять все очки, — вдруг тихо заговорил он. — Олив Граб и остальные были невероятно сильны… наверное, я не победил бы Олива, даже если бы он был один. Я пытался сделать хоть что-то, чтобы спасти хотя бы Утана, но не смог даже этого… и тогда я понял, что сейчас мы с ним навсегда исчезнем из Ускоренного Мира. Мне не было жалко себя, ведь я с самого начала не то чтобы был настоящим… но когда я подумал о том, что со мной исчезнет и У, наконец-то открывший глаза, и Рин, которая всё ещё должна находиться где-то внутри этого аватара… мне стало

так досадно… но тут появился ты. Ты прекрасно понимал, что произойдёт, если призвать Броню Бедствия… но всё же ты призвал её, и спас этим меня и У. И в этот момент… я… подумал, что мне чертовски повезло, что я стал бёрст линкером… каким бы образом это ни случилось…

Никогда ещё Харуюки не видел, чтобы постапокалиптический гонщик так далеко отдалялся от своего грубого образа. Каждый раз, когда он видел, с каким трудом ему даются эти слова, он ощущал в своей груди острую боль.

Аш смущённо почесал нос своей маски, а затем продолжил уже более привычным тоном:

— Перед тем как выйти через портал, У попросил передать тебе спасибо от него. А ещё… он попросил твоего прощения. Он, наконец, осознал, что силу нельзя получить в дар…

— Да… это так. Сила — в самом пути… в том, чтобы никогда не сдаваться, и после всех поражений продолжать смотреть в небеса… это и есть доказательство силы… — заворожённо прошептал Харуюки.

И вдруг он заметил.

Левая рука Аш Роллера, которую он держал своей правой ладонью, вдруг вывернулась и уже сама ухватилась за запястье Кроу.

Харуюки, не желая, чтобы тот смотрел на его превратившиеся в когти пальцы, попытался отмахнуться. Но чёрная кожаная перчатка крепко держала его, не давая сдвинуться. Аш Роллер посмотрел на Харуюки самым серьёзным взглядом сквозь щели скелетной маски и сказал:

— Именно. Учитель научила меня тому же самому. Но, Кроу, сейчас эти слова нужны и тебе самому.

— Э… сейчас… мне?..

— Да. Ты думаешь, что Броню Бедствия от твоего дуэльного аватара уже не отделить, и поэтому решил уничтожить её вместе с собой. Я прав?

Аш попал точно в яблочко, и Харуюки оставалось только кивнуть.

Даже сейчас он то и дело ощущал, что спавший беспокойным сном зверь готов был в любой момент проснуться и начать буйствовать. И если Бедствие пробудится, то Харуюки, скорее всего, в ярости нападёт на сидящего рядом Аш Роллера. Оно не делало этого лишь потому, что они были не на неограниченном нейтральном поле, истинных «угодьях» Брони, и потому, что в Харуюки не было желания сражаться.

Но этот баланс был хрупок и мог нарушиться в любой момент. Если Аш Роллер вдруг искренне ударит Харуюки

кулаком, он… вернее, чутко спящий зверь моментально почует это и отреагирует. Каждый раз, когда Харуюки превращался в Дизастера, он всё сильнее сливался с Бронёй. Сложно было сказать, в какой момент он пройдёт точку невозврата, но, если судить по прошлому Хром Дизастеру, Черри Руку, Броня скоро начнёт влиять на сознание Харуюки так же, как и на него. Времени оставалось немного.

Именно поэтому Харуюки выбежал из дома, заперев дверь. Если бы Кусакабе Рин не перехватила его посреди супермаркета, он бы уже был в дайв кафе, погруженный на неограниченное нейтральное поле.

Аш, словно разгадав план Харуюки, на мгновение склонил голову. Но затем он вновь поднял её и тихо, но уверенно произнёс:

— Кроу, отчасти я понимаю, почему ты идёшь на это. Но… неужели ты не думал о том, что даже превращение в Хром Дизастера — часть твоего пути? Я… не думаю, что Броня поселилась на тебе по случайности. Мне кажется, она выбрала тебя, потому что знает… что ты — тот, кто может разрушить проклятие, все эти годы нависавшее над Ускоренным Миром…

Когда Харуюки услышал эти слова, в голове его ожил чей-то далёкий голос:

«Всё хорошо. Я уверена, ты справишься… потому что ты именно тот, кого я ждала всё это время…»

Но Харуюки крепко зажмурился и попытался стереть этот голос из своей памяти.

Ему казалось, что та «девушка», которая произнесла эти слова, не может появиться, пока активен «зверь». Другими словами, он не сможет встретиться с ней до тех пор, пока Броня вновь не вернётся в зачаточное состояние. И, похоже, этого не случится уже никогда.

«Я… не оправдал и её надежды тоже», — осознал он горькую правду и тихо прошептал:

— Увы… похоже, что я не могу развеять проклятие Брони. Когда… я увидел, как Олив Граб убивает тебя и Утана, я подумал не о том, что хочу вас спасти. В первую очередь я ощутил ярость по отношению к ним. И когда эта ярость перелилась через край, я призвал Броню… я сбежал, не став дожидаться вашего воскрешения, потому что, если бы остался там, я напал бы и на вас. То, что я сейчас спокойно говорю с тобой… само по себе чудо…

Харуюки закрыл рот, но Аш Роллер отреагировал на его слова не сразу.

Спустя почти десять секунд он отпустил запястье Харуюки, а

затем сложил ладони между коленями.

— Так же, как моя сестрёнка… Рин, помнит Ускоренный Мир лишь смутно, так и в моей голове есть лишь обрывки воспоминаний о её действиях и мыслях в реальном мире… — послышались слова из опущенной головы.

Харуюки, до сих пор не понимавший, каким образом сознания «Рин» и «Ринты» слились в одном, продолжал молча слушать.

— Поэтому, если честно, я не знаю, о чём думала… на что надеялась Рин, когда вызывала тебя на кабельную дуэль. С другой стороны, она тоже не могла знать того, что я могу сделать. Как только она ускоряется и переносится на дуэльное поле, её аватар и её сознание перехватываю я. Поэтому я могу сделать лишь одно…

На этом месте Аш Роллер прервался и, продолжая сидеть на капоте, развернулся к Харуюки.

Правой рукой он поднял забрало своего шлема. Показалось «настоящее лицо» аватара, с бледно-зелёными глазами, напоминавшее женственного мальчика. Харуюки, вновь увидев его, ещё раз убедился, что оно неуловимо напоминало Кусакабе Рин из реального мира.

Аш смотрел прямо в его глаза, хотя и не видел их… а затем низко склонил голову и тихо сказал:

— Чёртова ворона, Сильвер Кроу… умоляю, не пропадай из Ускоренного Мира. Ты… наша надежда. Ты стал надеждой нашего учителя Рейкер, исполнив её мечту о небе, надеждой твоего возрождённого и набирающего силы Легиона Нега Небьюлас… и надеждой всех тех сотен бёрст линкеров, которые, неважно, победили ли они в битвах с тобой или проиграли, смотрели на то, как ты летаешь в небесах.

— Надежда… — едва слышно повторил это слово Харуюки, и Аш кивнул, не поднимая головы.

— Именно. Никто не требует от тебя чего-то конкретного, чтобы ты достиг девятого уровня, победил всех Королей и так далее. Да, твои крылья — единственные в своём роде в Ускоренном Мире, но никто не считает их нечестной силой, и никто не думает, что ты нарушаешь правило «одного потенциала». Ты… как бы тебе сказать… — на мгновение хриплый голос прервался. — Такой же, как все мы. Все мы начинаем на первом уровне, не зная вообще ничего, то и дело оказываемся на грани потери последних очков, порой чувствуем себя раздавленными в лепёшку, и постепенно становимся сильнее… но, когда мы в отчаянии падали на землю, ты всегда стремился в небеса и летел, уворачиваясь от самых метких ракет,

пробивая кулаками все преграды. Ты летел изо всех сил. На твоей серебряной броне играли и лучи заката, и лунный свет. Твой… блеск освещал небеса… хе-хе, что-то меня совсем понесло.

Аш Роллер несколько раз постучал себя по лицу правым кулаком. Упорно продолжая смотреть в пол, он продолжил говорить ещё более прерывающимся голосом:

— Короче говоря… когда я вижу, как летишь по небу, я и сам начинаю думать, что нельзя сдаваться. И не только я… помнишь, когда ты превратился в Дизастера на Гермесовом Тросе, но вся сотня зрителей, что видела это, единогласно решила хранить молчание?.. Это потому, что мы верим в тебя. Мы верим… что какой-то там Броне Бедствия не сломить тебя, что ты избавишься от этого твоего проклятия и вновь взлетишь в небо. Поэтому… поэтому…

И тут байкер, наконец, поднял голову. В его бледно-зелёных глазах стояли едва заметные прозрачные капли. И эти глаза были очень похожи на влажные глаза, которыми Кусакабе Рин смотрела на Харуюки в реальности.

— Поэтому, Кроу, не вздумай сдаваться. Даже не думай о том, чтобы укрыться где-нибудь в уголке неограниченного поля, а затем исчезнуть вместе с Бронёй. У тебя ведь столько верных друзей — Лотос, Рейкер, тот синий великан, та зелёная болтунья… ты хоть представляешь, что они подумают, если ты вот так исчезнешь?.. Да что там, ты понимаешь, что подумают все те бесчисленные бёрст линкеры, что всё это время бежали, глядя на тебя в небесах?!..

Аш Роллер перешёл практически на крик, а затем вновь глубоко склонил голову.

Но…

«Но если я окончательно стану Хром Дизастером и начну без разбора нападать на других бёрст линкеров… то не только меня, но и всех дорогих мне друзей объявят преступниками», — мысленно прошептал Харуюки.

Когда на прошлой неделе, во время Конференции Семи Королей, главный офицер Легиона «Овал Авроры», мастер кнута Астра Вайн, начала угрожать им, главный офицер Нега Небьюласа, Скай Рейкер, ответила ей, что бёрст линкеры, принадлежащие малым и средним Легионам, недовольны Шестью Великими Легионами, из-за которых Ускоренный Мир впал в спячку. И если Великие Легионы попытаются сокрушить Блэк Лотос, ставшую для многих символом противостояния этим Легионам, то копящееся в Ускоренном Мире недовольство может попросту взорваться.

Скорее всего, офицеры Великих Легионов прекрасно

осознавали этот риск. За головы Харуюки и Такуму всё ещё не объявили награду именно потому, что они были «подданными Блэк Лотос».

Но… если этот Легион породит Шестого Хром Дизастера, всё изменится. Нетрудно будет придумать повод (скажем, использование Брони Бедствия с целью усиления собственной армии), чтобы объявить вне закона весь Нега Небьюлас. Чтобы искупить свою вину, Черноснежка, Такуму и все остальные будут вынуждены уничтожить Харуюки самостоятельно. И на их лицах будут те же слёзы, что пролила Красная Королева Нико, когда казнила Пятого Хром Дизастера Черри Рука, своего «родителя»…

Харуюки хотел избежать этой сцены любой ценой именно потому, что любил своих друзей.

— Мне тоже… обидно бросать свой Легион, свой уровень и все свои цели на полпути, чтобы исчезнуть из Ускоренного Мира… — прошептал Харуюки, стараясь унять конфликт и отчаяние в своём сердце. — Но… когда я потеряю контроль над Бронёй и перестану быть самим собой, будет уже поздно. Наверное… все люди, становившиеся Хром Дизастерами, поначалу думали, что смогут сдерживать эту силу. Что смогут приручить этого «зверя», что будут использовать его невероятную силу во благо и ради своих друзей. Но… в конце концов, все они попадали под власть Брони. Они без разбору атаковали многих бёрст линкеров… уже не различали друзей и врагов… а в конце концов Короли убивали их уже как чудовищ.

Харуюки вздохнул и упёрся взглядом в когти на своих руках.

— Но… даже тогда из Ускоренного Мира пропадал лишь бёрст линкер, приютивший Броню, а сама Броня либо попадала к победителям в инвентарь, либо превращалась в паразита. Она всегда выживала. И поэтому… цикл Бедствия тянется без остановки уже столько лет. Всегда появляется новый Хром Дизастер и приносит в мир те же страдания и печаль… если только один способ остановить её. Отправиться на неограниченное нейтральное поле, уйти далеко-далеко, куда никто не доберётся… и тихо сгинуть, потеряв все очки в битвах против Энеми…

Но на этом месте оглушительный лязг прервал слова Харуюки.

Аш Роллер, сжимавший все это время правый кулак, пробил им капот машины, на которой они сидели.

— А… Аш?..

— В таком случае… я пойду с тобой, — приглушённо произнёс он, заставив Харуюки замолкнуть. — Твои крылья слишком быстро выдыхаются, и далеко ты на них не улетишь.

Поедешь со мной на мотоцикле. В Хоккайдо, Кюсю — куда захочешь. Вот только… обратно ехать после такой поездки будет уже лень… как говорится, любишь пить яд — люби и под параличом лежать. Я не очень люблю Энеми, но пойду с тобой. Хе-хе, всё-таки мы с тобой обречены быть вместе, с самого начала и до самого конца… хотя, это даже хорошо…

Когда Аш Роллер прервался, перейдя к концу на свой привычно задорный тон, из глаз Харуюки хлынула горячая жидкость.

Харуюки упорно вытирал виртуальные слёзы, лившиеся из его глаз. Он начал говорить, но голос его дрожал, как у маленького ребёнка:

— Зачем… ты хочешь исчезнуть вместе со мной, Аш… тебе ведь не нужно…

— Потому что именно это и означают слова, которые ты произносишь! — воскликнул в ответ Аш Роллер таким же рыдающим голосом, затем вытащил правую руку из капота и ухватился ей за шею Харуюки. — Ты что, рассчитываешь на то, что если сгинешь с Бронёй Бедствия, в Ускоренном Мире воцарится покой-счастье и настанет хэппи энд?! Да чёрта с два! Я тебя ещё раз спрашиваю — ты хоть раз задумывался как отреагирует твой «родитель», твои друзья, учитель… Рин, в конце концов?! Понимаешь, сколько они будут плакать, страдать и винить себя?!

— Но…

Даже на обычном дуэльном поле нельзя было спускать чувства с поводка. Харуюки прекрасно понимал это, но бушевавшая в нем буря эмоций была настолько сильна, что он всё равно сорвался на крик:

— Но что мне тогда делать?! Ты хочешь сказать, что я должен слиться с Бронёй воедино, перестать различать друзей и врагов, в безумии сеять бедствия по всему миру, а в конце концов погибнуть от рук остальных?! Пока ещё есть время, чтобы избежать этого… и именно поэтому…

«Мне лучше исчезнуть, пока этого не случилось».

Харуюки едва не произнёс эти слова, но тут его сознание поразило шоком, словно молнией, и у него спёрло дыхание.

«Те же самые.

Я говорю те же самые слова, что вчера произносил Такуму.»

Его, как и Харуюки, заразила тёмная сила, «ISS комплект», и он использовал её ужасающую мощь, чтобы вырезать всех членов ПК-Легиона «Супернова Ремнант». Затем он начал бояться, что изменится навсегда, и захотел положить этому конец самостоятельно.

И тогда Харуюки сказал ему. Он сказал, чтобы тот продолжал сражаться с ISS комплектом. Чтобы не сдавался. Ради него, ради Тию, ради всего Легиона.

Если сейчас Харуюки отправится в одиночку на пустоши неограниченного поля, чтобы в одиночку там сгинуть, те слова не будут стоить и гроша. И даже если он избавит Ускоренный Мир от Брони Бедствия, над всеми бёрст линкерами всё ещё нависала угроза расползающихся ISS комплектов. У Харуюки же была ценная информация в войне против них — он знал, что их тело предположительно находится в Токио Мидтаун Тауэре, что его охраняет Энеми Легендарного класса Архангел Метатрон, и он кое-что знал об этом противнике. Как минимум, он должен поделиться этой информацией со своим Легионом.

«Но... если я вновь увижусь с ними… я уже не смогу убежать.

Что мне делать… что мне делать?..»

— Сражаться. Цепляться и не сдаваться, как бы худо тебе ни было, — вдруг раздался шёпот возле его ушей. Этот голос принадлежал Аш Роллеру, который уже отпустил шею Харуюки и переместил руку ему на грудь. — Стисни зубы, как ты сделал это в ходе своей второй битвы против меня. Сражайся до самого конца. Я знаю, ты сможешь, Кроу. Рин влюбилась в тебя именно из-за этого. Да, я не позволю тебе прикасаться к моей сестрёнке… но я тем более не позволю тебе доводить её до слез.

— … — Харуюки медленно выдохнул… а затем слегка улыбнулся. — Ты… понимаешь, как бредово это звучит?

— Заткнись. Я ведь всё-таки её старший брат! — смущённо воскликнул Аш, а затем лёгонько толкнул Харуюки.

Они дружно посмотрели на таймер, который уже успел отсчитать больше 1700 секунд. Всего через минуту с небольшим эта дуэль подойдёт к концу.

Здоровья у Харуюки, естественно, было гораздо меньше, но Аш Роллер залез в меню и предложил ему ничью. Палец Харуюки остановился за мгновение до того, как принять её.

— Я за то погружение на неограниченное поле набрал немало очков, так что сегодня я тебя угощаю.

— …Только не думай, что я разрешу тебе за это трогать мою сестру.

— Да не собираюсь я!

После этой реплики Харуюки вдруг вспомнил кое-что и выпрямился.

— Кстати… Аш.

— …Чего?

— Эм-м… ты говорил, что расшифровываешь имя своего аватара как человека, который пытается крутить обратившиеся в

пепел шины. Но я… думаю, что ты не прав.

Харуюки отвёл взгляд и посмотрел на стоящий неподалёку мощный мотоцикл. Да, его шины были не совсем чёрными, а серыми, словно металлокерамика, но они не казались ни истлевшими, ни испепелёнными.

— Я… думаю, что оно обозначает человека, катящегося по выжженной, обратившейся в пепел дороге и прокладывающего по ней новый путь… как-то так.

Аш Роллер ответил на слова Харуюки не сразу.

Наконец он звучно хмыкнул и сказал привычно хамоватым тоном:

— Это я чё, грядки прокладываю? Моей крутости такое объяснение не достойно… но ладно, я согласен. Если мы когда-нибудь встретимся в реальности, напомни, я тебе сто йен за идею дам.

— С… спасибо.

Но Харуюки показалось, что под этими словами он имел ввиду не встречу с его сестрёнкой, Кусакабе Рин… а с её настоящим старшим братом, который неизвестно, существовал ли вообще…

А пока голова Харуюки была забита такими пространными мыслями, перед глазами пронеслись пылающие буквы: «TIME UP!!»

После битвы, продлившейся ровно полчаса, ровно 1,8 секунд реального времени, Харуюки, вернувшийся в реальный мир, ощутил странное умиротворение.

По сути, в ходе битвы Аш Роллер трижды переехал его мотоциклом, затем они уселись на капоте автомобиля и поговорили. Да, они обсудили много важных тем, но так и не пришли ни к какому выводу. Харуюки всё ещё понятия не имел о том, что ему делать дальше.

Но если до битвы в его груди бушевали беспокойство, скорбь и отчаяние, то теперь их словно на время сдул нежный ветер. Харуюки лежал с закрытыми глазами, наслаждаясь наполнившей его тело нежной теплотой.

Спустя несколько секунд к нему начали возвращаться чувства, и они были слишком реальными, чтобы их игнорировать.

Он ощутил своей спиной упругость сидений любимой машины Фуко. Он ощутил, как лежит на них, смотря в потолок. А на нём лежало что-то мягкое и приятно пахнущее. Что-то, в сотни раз приятнее на ощупь, чем сиденья итальянской машины. Что-то, удивительным образом совмещавшее в себе упругость и пластичность.

Харуюки осторожно приоткрыл глаза и увидел, что его живота касалась ткань цвета слоновой кости. Если точнее, это была ткань школьной формы неизвестной ему школы. А если совсем точно, это была девушка-ровесница, одетая в эту школьную форму.

— …

Харуюки кратко вдохнул и начал медленно переводить глаза выше. Клетчатая бабочка. Бледная шея, обёрнутая серым нейролинкером. По-мальчишески острый подбородок, тонкие губы, небольшая гладкая переносица… и, наконец, глаза с серой радужкой.

На Харуюки лежала, вернее, придавливала его к сиденью, девочка, сжимавшая правой рукой штекер XSB-кабеля для прямого соединения. Её глаза были, как всегда, полны слёз, и она прошептала:

— П… прос-ти. Брат нагово-рил тебе много гадостей…

— Э, э-э…

Поскольку физическая и вербальная ситуация заставляли его беспрестанно моргать, Харуюки решил поручить сбор информации своему голосу.

— Э-э-это самое, т-ты… что, помнишь эту дуэль?..

Перед тем как соединиться с ним, она говорила, что в дуэлях забывает обо всём, а потом почти не помнит случившееся. Другими словами, в Ускоренном Мире её личность вытесняется личностью «брата», которая не оставляет ей воспоминаний о случившемся… по крайней мере, к такому выводу пришёл сам Харуюки.

Но девушка — истинная владелица дуэльного аватара по имени «Аш Роллер», Кусакабе Рин, в ответ кивнула.

— Пока ещё… пом-ню. Пока… на мне всё ещё надет нейролин-кер брата…

— П-понятно…

Рин словно почувствовала в этом коротком ответе все сомнения, кружившиеся в голове Харуюки, поэтому она моргнула и принялась тонким голосом объяснять:

— Я… тоже не знаю, становлюсь ли я в Ускоренном Мире настоящим братом… тем, который лежит в больнице в Сибуе, или… воображаемым братом, которого придумала я сама… но учитель сказа-ла мне, что во всём, что происходит в Ускоренном Мире, сокрыт какой-либо смысл. Она сказала, что если я продолжу сражаться плечом к плечу с братом, с Аш Роллером, то однажды открою для себя нечто важное.

— Ясно…

До этого самого момента Харуюки не был уверен в том, была

ли эта «учитель», о которой она говорила, той самой Курасаки Фуко. Но эти слова окончательно убедили его. Фуко, по словам Черноснежки, обладала «самой чистой положительной Инкарнацией», другими словами, она сильнее всех бёрст линкеров верила в силу надежды, уз и любви. И такие слова могли принадлежать только ей.

Выходит, что на прошлых каникулах, когда Рин подрабатывала в больнице официанткой, она случайно облила холодной водой именно Курасаки Фуко. Фуко действительно жила где-то в районе Сугинами или Сибуи, а в больницу могла зайти ради обследования, связанного с тем, что её ноги были кибернетическими протезами.

Окончательно поверив ей, Харуюки кивнул. Рин продолжала смотреть прямо в его глаза.

В её серых глазах вновь начали собираться слезы. Они быстро стали слишком велики для своего веса и начали капать на щёки Харуюки.

— Почему?..

— Э?.. — не понимая, что происходит, Харуюки вновь окаменел.

Лицо Рин скривилось от плача, и она спросила его:

— Почему ты не ата-ковал ме… ня? Я… напа-ла на тебя потому, что не боялась того, что ты кинешься на меня и уничтожишь. Я надеялась, что ты растерзаешь меня, и я смогу принять на себя хоть малую часть тех чувств, что сокрыты в Броне Бедствия… но…

От её слов у Харуюки спёрло дыхание.

И действительно, перед тем, как вызвать его на дуэль, Рин сказала, что уничтожит Броню и примет на себя его ярость и ненависть. И бой действительно мог пойти по такому пути… Броню таким образом уничтожить, быть может, и не удалось бы, но Харуюки вполне мог взбеситься и обрушить всю свою силу на Рин.

Но сразу после начала битвы Аш Роллер перехватил инициативу фразой «как ты смеешь притрагиваться к моей сестре?!», и с тех пор у «зверя» просто не было времени как-то проявить себя. Конечно, их диалог содержал гораздо больше криков, чем хотелось бы Харуюки, но, если подумать, без них не обходился ещё ни один из бесконечных боёв Аша против Кроу…

— Я… не могу уничтожить тебя, — произнёс Харуюки, улыбнулся и покачал головой.

— Э?..

— Ведь Аш… мой очень дорогой… друг.

Харуюки старался выбирать слова очень тщательно, но Рин

лишь опустила взгляд и со слезами на глазах повторила:

— Друг…

Харуюки ощутил, что она явно была недовольна ответом, и поспешил добавить:

— И-именно. Очень дорогой. И поэтому, даже если я полностью… стану Хром Дизастером и попаду под власть Брони… — Харуюки отчаянно выдавливал из себя слова, противоречащие своим собственным мыслям. — Я ни за что… не попытаюсь растерзать Аша. Он… мне нравится.

И тут…

Из очей Рин слёзы хлынули с двойной силой, но выглядели они совсем не так, как раньше.

Словно пытаясь догнать оброненные капли, она опустила голову и коснулась щеки Харуюки. Тот услышал у своего уха её жаркое дыхание, а затем полились слова:

— Я… так счастлива. Я боялась, что когда расскажу тебе, кто я… ты решишь, что я ненормальная. Но хоть я и состою в другом Легионе… хоть и постоянно сражаюсь с тобой и в дуэлях, и в битвах за территорию… мне не верится… что ты сказал мне… такие слова…

Тепло от крепко прижимающегося к нему тела и сладкий запах в очередной раз выбили из Харуюки дух.

Всё, на что хватило остатков его сознания — это на мысль: «Ну всё, в следующий раз Аш меня точно убьёт». Потому что то, что он вдруг поднял правую руку и едва не положил её на спину Рин, иначе как потерей контроля над телом было не объяснить…

— Можешь… повторить те слова, что ты сейчас сказал?

Эти слова, произнесённые в его ухо, заставили его остановить руку. Он тут же прокрутил свою память и хрипло произнёс:

— Э-э… Аш — мой очень дорогой друг.

— Нет, дальше.

— И поэтому, я ни за что не раню его…

— Нет, дальше.

— Он мне…

Тук-тук.

Вдруг послышались два отчётливых звука.

Харуюки, всё ещё не в силах сфокусировать глаза, медленно перевёл взгляд выше.

В поле зрения попала задняя дверь и её окно. Стекло обладало изменяемой тонировкой, и Харуюки был уверен, что ещё несколько минут назад оно было настроено на максимальную блокировку света. Но сейчас окно было совершенно прозрачным.

А с другой стороны виднелась длинноволосая улыбающаяся девушка.

Убрав от окна палец, которым она стучала в него, девушка провела рукой по виртуальному окну, и раздался тихий звук открывающегося дверного замка. Дверь тут же открылась, и девушка подалась вперёд, поместив свою голову точно над головой Харуюки, и ещё раз широко улыбнулась ему.

— Я рада, что мы снова встретились, Ворон-сан.

И от этих слов лежащая на Харуюки Рин отчётливо вздрогнула.

Харуюки тоже остолбенел и нервно улыбнулся в ответ. Продолжая смотреть на девушку, главного офицера Легиона Нега Небьюлас, «Железную Длань» Скай Рейкер, Куросаки Фуко, он смог лишь кое-как выдавить из себя:

— А... д... да... я тоже... рад.

«Всё хорошо, всё нормально, срываться и бежать ещё рано! В конце концов, Кусакабе Рин, несмотря на всю ту лесть, которой она меня парализовала, сделала это именно потому, что Фуко приказала ей остановить меня любой ценой. Мне нужно просто объяснить ей, что текущая ситуация возникла из-за того, что она выполняла её приказ. Короче говоря, она поймёт. Да, поймёт», — быстро раздумывал Харуюки, забыв о том, что с самого начала он именно что «сорвался и сбежал» от своего Легиона.

Но вслед за этим...

Слева от Фуко выглянуло лицо Тиюри и окинуло взглядом происходящее.

Харуюки начало казаться, что вокруг неё начал разгораться красный Оверрей, поэтому он решил перевести взгляд на окно напротив и начать продумывать план отступления. Но в том окне он увидел стоящую со сложенными на груди руками фигуру командира Легиона, и её вид заставил его окончательно застыть на месте.

Левая дверь автомобиля звучно открылась. Черноснежка, как и Фуко, засунула голову внутрь машины и со своей знаменитой ледяной улыбкой на лице прошептала:

— Мы вам не помешали, Харуюки?

В ответ на это Харуюки, обладавший, пожалуй, самой молниеносной реакцией среди всех бёрст линкеров, быстро подумал над тем, что должен сказать, и, в конце концов, ответил следующим образом:

— В-вы не так поняли.

Глава 6

Итак, они снова оказались в зале квартиры Харуюки, на двадцать третьем этаже здания. Время: 19 часов 40 минут.

Сегодня, 20 июня 2047 года ровно в 7 часов вечера началась «операция по спасению из Имперского Замка», и с момента её начала не прошло и часа. Но с точки зрения Харуюки за это время успело произойти столько всего, что хватило бы на несколько дней.

Они сбежали из Замка и сошлись в яростной битве с Судзаку.

Он отправился на поиски Аш Роллера и нашёл его. Затем призвал Броню и устроил бойню.

Далее он повстречался с двумя аватарами из Грейт Волла. Сразился с ними...

Харуюки тихонько сидел в уголке дивана, прокручивая в голове сегодняшние события, но вдруг перед глазами появилась чашка кофе и послышалось: «На».

— С-спасибо... — поблагодарил он Тиюри за кофе и поднёс кружку горячего напитка к губам.

Он попробовал отпить, и тут...

— А-а-а-а, горячо!

Его язык обожгло так, словно какой-то аватар применил против него магматическую атаку, и Харуюки вскрикнул. Но Тиюри уселась напротив него и с совершенно невинным видом продолжила пить свой кофе, произнеся лишь краткое:

— Ой. Извини, заигралась.

Похоже, что всем остальным достался кофе нормальной температуры, а вот кружку Харуюки она предварительно засунула в микроволновку. Но этот достаточно злобный розыгрыш вызвал лишь смущённую усмешку Такуму. Черноснежка, Фуко и даже Утай не отреагировали на сцену никак, даже не оторвавшись от своих чашек.

Но они вели себя так не потому, что Харуюки запер их дома и сбежал, и уж тем более не потому, что он призвал Броню Бедствия.

Причиной тому был седьмой человек в этой комнате, девушка, сидевшая слева от Харуюки и боязливо державшаяся за его футболку, готовая в любой момент заплакать. Она вообще не отпускала его футболку ни на секунду — ни когда Фуко стаскивала её с Харуюки, ни когда ехала в лифте на двадцать третий этаж, ни когда усаживалась на диван.

Если бы эта девушка была Красной Королевой Кодзуки Юнико, Черноснежка моментально бы прокричала что-то в духе

«Да как ты смеешь, немедленно отпусти!» и, пожалуй, перешла бы после этого к рукоприкладству. Но поскольку в этот раз возле Харуюки сидела трусливая на вид девочка, то и дело шмыгающая носом, даже Чёрная Королева не могла перейти к решительным действиям.

Повисла напряжённая тишина, разбавляемая лишь тем, как Харуюки отчаянно обдувал свою кружку.

Наконец, Тиюри поставила свою чашку на стол, приложила пальцы к вискам и, начав массировать их, медленно протянула:

— Та-а-а-а-ак... я всё ещё не понимаю... вернее, не могу понять происходящего... — подняв голову, она посмотрела чуть левее Харуюки, точно на ту девочку, что сидела возле него. — Ты... действительно Аш Роллер? Тот самый? Который постоянно хохочет, кричит «я мега-кру-у-ут» и ездит на мотоцикле с ракетами? Тот самый Аш Роллер?

Чем дальше Тиюри говорила, тем сильнее она акцентировала каждое слово. В ответ на её вопросы Кусакабе Рин, истинное тело Аш Роллера, послушно кивнула.

Она уже успела снять серый нейролинкер своего брата, сменив его на пастельно-зелёный, а значит, уже не должна помнить своей битвы с Харуюки. Но она всё равно прекрасно понимала, кем была в Ускоренном Мире и как вела себя там (или, по крайней мере, как вёл себя её брат), поэтому в её глазах вновь появились слёзы, и она принялась тонким голосом извиняться:

— А-а... я прошу... прощения за то, что так много грубила вам в том ми-ре.

— Д-да ладно тебе извиняться... я во время дуэлей сама чего только не говорю...

Харуюки и Такуму тут же закивали, за что немедленно получили от Тиюри испепеляющий взгляд, заставивший их застыть на месте.

— Просто... как бы это сказать, я впервые вижу, чтобы между кем-то здесь и там была настолько огромная разница. Я вообще не знала, что девушке может достаться аватар мужского пола...

После этих слов Харуюки быстро переглянулся с сидевшей справа от него на отдельном диванчике Фуко.

Тиюри никто не рассказывал о том, что именно случилось с Рин. Про неё, про её брата, про два нейролинкера и так далее знала лишь она сама, Харуюки и её «родитель» Фуко. Во взгляде Фуко однозначно читалось «однажды мы обо всём расскажем им, но не сейчас», и поэтому Харуюки сказал:

— Ну ведь бёрст линкеров больше тысячи. Естественно, периодически среди них попадаются всяческие исключения.

В ответ он получил от Тиюри ещё один недовольный взгляд,

который она быстро отвела и произнесла:

— Вот уж действительно. Глядишь, так мы дойдём и до людей, нерешительных и робких в реальном мире, которые в Ускоренном становятся уверенными и громят врагов одного за другим!

— А.

Словесная атака застала Харуюки врасплох, заставив его вжать голову в плечи. Кофе его успел остыть до приемлемой температуры, и он потянулся к нему, начав раздумывать. Его план побега с последующим уничтожением своего аватара провалился. То, что его успели поймать, следовало просто признать и, как минимум, извиниться за случившееся. И сейчас было самое время для этого.

Харуюки поставил кружку кофе на стеклянный стол, глубоко вдохнул, выпрямился и обвёл всех легионеров Нега Небьюласа взглядом — Черноснежку, что сидела левее всех, Тиюри и Такуму напротив него, разместившуюся правее всех Фуко и сидящую точно справа от него Утай. Затем он низко склонил голову и сказал:

— Я... хочу принести глубокие извинения за то, что произошло. Я понимаю, что вы не простите меня, как бы я ни извинялся, но...

— Харуюки, ты уверен, что понимаешь, почему именно мы... почему именно я злюсь на тебя? — прозвучал хладнокровный голос молчавшей всё это время Черноснежки.

Королева, управлявшая Легионом, сцепила вместе пальцы рук, лежавших на коленях, устремила взгляд своих чёрных глаз на Харуюки и добавила:

— Вовсе не за то, что ты призвал Броню Бедствия и выпустил на свободу запечатанного Хром Дизастера. Все мы понимаем, что ты не мог не попытаться спасти столь дорогого тебе друга. Но... ты не послушал наших слов, отмахнулся от наших рук и попытался наказать себя за это сам. Если... если бы твой план удался, и ты бы сгинул вместе с Бронёй где-то на задворках неограниченного поля...

На мгновение голос Черноснежки дрогнул, а Харуюки ощутил в глубине своей груди комок эмоций, заставивший его рефлекторно сжать правой рукой ткань своей футболки.

Черноснежка медленно моргнула. Когда она разомкнула веки, её глаза заблестели чуть ярче. Она продолжала смотреть ими на Харуюки и тихо говорить:

— Ты... действительно думал, что мы смогли бы продолжить сражаться без тебя? Ты никогда не бросал никого из нас: ни Тиюри, попавшую в плен Даск Тейкера, ни Такуму, заражённого

ISS комплектом, ни Фуко, едва не отбросившую свою мечту о небесах, ни Утай, запечатанную на алтаре Судзаку… ни меня, два года скрывавшуюся на дне локальной сети. Ты действительно думаешь, что мы после всего этого сможем забыть о тебе и жить дальше?!

Её голос становился всё громче, а к концу превратился в клинок, пронзающий сердце Харуюки. Но боль этой раны, начавшая наполнять его грудь, была похожа не на холодный порез, а на сладкий, невыносимо тёплый зуд.

Харуюки прикусил губу, низко склонил голову, но всё же подавил в себе желание припасть к мягкости этого наказания.

— Прос… ти… — вновь извинился он дрожащим голосом и тут же продолжил, — Но… но… но ведь и Элементы Старого Нега Небьюласа, и ты, Черноснежка, однажды… два с половиной года назад… пытались защитить ваш Легион, пожертвовав собой. Вы сами заперли себя на алтарях Четырёх Богов, чтобы дать сбежать остальным легионерам, не так ли?.. И я подумал… что теперь это время… пришло и для меня. Если вы останетесь со мной, вас всех объявят преступниками… и я хочу избежать этого любой ценой.

— Что ты несёшь, Хару?! Не ты ли вчера говорил мне о том, что чем страдать в одиночестве, лучше попросить руки помощи у своих друзей… — начал восклицать Такуму, но Тиюри резко одёрнула его левой рукой.

Подруга детства, совсем недавно пытавшаяся испепелить его взглядом, теперь смотрела на Харуюки нежно, словно подталкивая в спину и подбадривая. Он вновь принялся говорить:

— Прости, Таку… когда я только что сражался с Ашем… то есть, с Кусакабе, в кабельной дуэли, я тоже вспоминал об этом… — он вновь перевёл взгляд на Черноснежку. — Но затем, в конце боя, Аш сказал мне, что если я собираюсь пойти на неограниченное поле, дойти до каких-то безлюдных земель и исчезнуть там, то он пойдёт вместе со мной. И тогда я… осознал кое-что. Когда кто-то теряет все очки в Ускоренном Мире и лишается программы, воспоминания об Ускоренном Мире теряет лишь этот человек… другими словами, э-э…

Харуюки изо всех сил пытался сформулировать важную истину, которую успел осознать, но словарный запас подошёл к концу, и он так и застыл с разинутым ртом.

Но тут с правой стороны послышался мягкий, нежный голос, перехвативший фразу Харуюки. Говорила Фуко.

— Другими словами, «смерть бёрст линкера» не затрагивает его самого. Дело в том, что он даже не будет помнить того, что был бёрст линкером, что встречался с кем-то в Ускоренном Мире, что о чём-то думал и к чему-то стремился. Умирает… тот человек,

который жил в сердцах тех, кто знал его или её. Его друзья, товарищи и возлюбленные будут вынуждены жить с этой «смертью» в своих сердцах под ускоренным почти до бесконечности временем...

— Да... — Харуюки медленно кивнул и вновь перехватил речь, — Именно так. И тогда я понял... что в Ускоренном Мире вообще нет возможности «прекратить своё существование». Я мог бы потерять все очки в укромном уголке, сражаясь против Энеми... но в этот миг на самом деле я умру лишь внутри дорогих мне людей... и моя смерть оставит в них рану, шрам, который никогда не заживёт...

Харуюки всё ещё ощущал на себе строгий взгляд Черноснежки. Но если речь свою он начал, глядя на неё лишь украдкой, то теперь он уверенно смотрел ей в глаза и изливал свои самые сокровенные чувства:

— И поэтому... я уже не считаю, что моя собственная смерть... действительно что-либо решит. Я понял, что вас это ранит так же, как и моё окончательное превращение в Дизастера, после которого я начну истреблять вас. Но... но всё же... — он крепко сжал кулаки и упёр их в колени. — Наверное... нет, я на 99% уверен, что пробудившуюся во мне Броню Бедствия уже невозможно уничтожить к воскресенью, к Конференции Семи Королей. Когда я сражался вместе с ней на неограниченном поле, я понял, что Броня уже окончательно слилась с Сильвер Кроу в единое целое... и не только. Я... возможно, Броня уже начала действовать и на моё сознание. Поэтому... я...

Он начал ощущать, как в глазах сидящих около него людей появляется изумление. И тогда Харуюки рассказал им, что именно ощутил незадолго до того, как его отключили от поля, когда он уже решил бесцельно бродить на пару со «зверем».

— Я... уже не хочу убивать его с помощью какого-то внешнего вмешательства. Я уже начал думать, что если он должен сгинуть... то я хочу исчезнуть вместе с ним.

Харуюки вновь свесил голову и прикусил губу.

Но тут Синомия Утай, сидевшая справа от него вплотную, вдруг задала в чате мягко сформулированный вопрос:

«UI> Арита-сан. Когда ты произносишь слово «он», ты подразумеваешь под ним Броню как объект? Или же что-то, кого-то ещё?..»

— Дело в том...

На мгновение Харуюки засомневался, но затем всё же решился.

Он рассказал им о том, что в Броне Бедствия живут два сознания. Внутри её изначальной формы, Судьбы, живёт

таинственная девушка-аватар в броне шафранового цвета. Внутри же Бедствия, внутри брони искажённой судьбы, живёт инстинкт битвы — «зверь».

— Девушку видела и Тию, и она может подтвердить, что она мне не привиделась во сне, — сказал Харуюки, и Тиюри тут же кивнула.

— Ага... когда мы с Хару и Таккуном отправились в мир центрального сервера Брейн Бёрста... не знаю, можно ли это назвать сном... но я могу подтвердить, что та девочка нам однозначно не приснилась. Она знала многие вещи, о которых мы с Хару не имели никакого понятия, и рассказала о них нам.

— Хм-м... сознание бёрст линкера, живущее в объекте... или же объект, обретающий своего рода разум. С учётом того, что Броня умеет влиять на сознание того, кто её носит, звучит весьма правдоподобно... — задумчиво прошептала Черноснежка, а затем вновь устремила на Харуюки серьёзный, пронзительный взгляд. — Харуюки. Так кого из них ты не хочешь убивать? Неизвестного аватара женского пола, помогшего тебе и направившего тебя... или же того зверя, что гонит тебя в бой?

— Обоих... хотя, наверное... зверя я не хочу убивать ещё больше, — прошептал Харуюки, опуская взгляд. — Та девушка желает полного уничтожения Брони, она хочет, чтобы цикл Бедствия, продолжающийся в Ускоренном Мире такое долгое время, наконец, прекратился. Она ни капли не жалеет о том, что, когда это случится, она погибнет вместе с броней. Что же до зверя... он желает уничтожить всех бёрст линкеров, кроме себя. Конечно же, я считаю, что это немыслимо. Но... если посмотреть на его желание через призму нашего разговора о «смерти бёрст линкера»... выходит, что каждая смерть, каждое изгнание из Ускоренного Мира будет отпечатываться в его собственном сознании. Если он действительно останется последним бёрст линкером Ускоренного Мира... смерть и гибель тысячи бёрст линкеров лягут на него. Другими словами... исчезнувшие бёрст линкеры останутся жить в его воспоминаниях. Но если так, то зачем... для чего он...

На сжатые кулаки одна за одной упали две капли. Как только он понял, что это были его собственные слезы, Харуюки тут же попытался вытереть свои глаза правой рукой.

Но за две секунды до этого с места сорвалась Черноснежка. Ещё раньше потянулась к коробке с салфетками Тиюри. Ещё за мгновение до неё в карман за платком полезла Утай, но по скорости реакции всех их обошла сидевшая слева от Харуюки девушка, всё это время лишь шмыгавшая носом. Кусакабе Рин потянулась рукавом вязаной рубашки цвета слоновой кости к

щеке Харуюки, вытерев слезу, а затем тонким голосом сказала:

— Одиночество... невыносимая вещь. Никто... не должен умирать в одиночес-тве.

— А-а... ага, э-э...

Естественно, эти слова заставили Харуюки застыть на месте, но одновременно с ним замерли Черноснежка, Тиюри и Утай. В комнате послышался мягкий голос Фуко:

— Рин?

Её голос заставил Кусакабе Рин немедленно отпрянуть, но при этом она вновь ухватилась за футболку Харуюки, словно это было для неё отчего-то важно.

Черноснежка, до сих пор не до конца оправившаяся от случившегося, вернулась на своё место, кратко прокашлялась и продолжила:

— Харуюки... ты говоришь, что на твои чувства могло повлиять психическое вмешательство Брони Бедствия... но я так не думаю. Потому что твои слова... это слова именно того Ариты Харуюки, которого я знаю...

Тиюри, Утай, Такуму и Фуко дружно кивнули.

— И именно поэтому я не верю в то, что шансов на очищение тебя от Брони уже нет. Харуюки... дай мне... дай нам шанс попробовать сделать это.

«Очищение».

Скорее всего, под этим словом они понимали особую способность Пылающей Жрицы Ардор Мейден, Синомии Утай, с помощью которой она попытается испепелить Броню Бедствия вместе со «зверем».

Никаких сомнений в силе её Инкарнации у Харуюки уже не осталось, ведь он видел, как она похоронила охранявшего дворец Имперского Замка рыцаря в огромном озере лавы. Вполне возможно, она сможет очистить Броню Бедствия своим огнём даже после того, как та полностью сольётся с Сильвер Кроу. В конце концов, они именно для того потратили столько усилий и спасли Ардор Мейден от Судзаку, чтобы попытаться провести это очищение.

Но Харуюки уже не был уверен, что это единственное правильное решение.

Он всё ещё не мог вспомнить всех подробностей, но знал, что давным-давно, на заре Ускоренного Мира, случилось чудовищно трагичное событие, в котором были замешаны та самая шафрановая девушка, похожий на Харуюки металлический аватар и чёрный пластинчатый аватар, представившийся Блэк Вайсом, вице-президентом Общества Исследования Ускорения. В результате этого события металлический аватар впал в такое

глубокое отчаяние, что соединил воедино Артефакт «THE DESTINY» и клинок «STAR CASTER», создав этим самым Броню Бедствия, «THE DISASTER».

«Зверь» был своего рода разумом Брони, и он всегда болезненно реагировал на любые воспоминания о том событии. Однажды ему даже удалось вызвать этим Оверфлоу в реальном мире, переполнив Харуюки негативными эмоциями. Это доказывало, что именно то событие является корнем всех тех бедствий, которые впоследствии обрушивались на Ускоренный Мир. Харуюки не знал, действительно ли он мог уничтожить Броню и зверя, не узнав... не вспомнив того, что именно тогда произошло.

Конечно, попытка вспомнить неизвестное ему прошлое, попытка проникнуть глубоко в воспоминания Брони встретит с её стороны отпор настолько ожесточённый, что все прошлые вмешательства покажутся мелочью. Броня перейдёт от «слияния» к «овладеванию»... другими словами, Харуюки как человек может полностью исчезнуть. Возможно, все эти сомнения уже сами по себе являются доказательством того, что Броня начала влиять на его разум...

Харуюки продолжал сидеть с опущенной головой и прикусив губу. На его правую руку мягко легла протянувшаяся маленькая левая ручка. Вместе с этим в чате полились розовые буквы, набираемые правой рукой:

«UI> Арита-сан. Настоящая сила очищения, которой я владею, не имеет ничего общего с той разрушительной Инкарнацией четвёртого квадранта, что ты видел в Замке.»

— Э?.. То есть... — спросил он её вслух.

Синомия Утай мягко улыбнулась и ответила:

«UI> Этот процесс не включает в себя ни единой атаки. Он не уничтожает ни дуэльного аватара, ни Усиливающее Снаряжение, ни Энеми... ничего. Мой огонь уничтожает, так сказать, «узы». Он выборочно уничтожает всё, что связывает паразита с тем, на ком он живёт. Он лишь отделяет паразитирующий объект.

— Отделяет... не уничтожая, — повторил попугаем Харуюки, но затем тут же покачал головой. — Но... если так, то даже в случае успеха Броня Бедствия лишь запечатается в карте... ведь так? Кому бы мы ни вручили карту... в какой магазин бы ни продали, даже если бы мы решили утопить её в океане... уверен, она вновь найдёт себе очередного хозяина. Черноснежка... карты ведь...

С этими словами он посмотрел на Черноснежку, и та кивнула в ответ на незаданный вопрос.

— Да... все без исключения карты неуязвимы. Самый

надёжный способ уничтожить карту, который мне известен — скормить её какому-нибудь Легендарному Энеми... и даже этот способ нельзя назвать таким уж надёжным...

В комнате, освещаемой тусклым оранжевым светом, повисла тяжёлая тишина.

Через какое-то время её нарушил тихий звук — сработало установленное точно на восемь часов напоминание.

До возвращения матери Харуюки ещё оставалось время, но остальным членам Легиона, особенно Утай, уже пора было собираться домой. Пусть даже на их Легион обрушились тяжелейшие вопросы, это не отменяло того факта, что в реальности все они были лишь школьниками, связанными по рукам и ногам всяческими ограничениями.

Конечно, они могли прямо сейчас погрузиться на неограниченное нейтральное поле и продолжить разговор там, и даже воспользоваться этим случаем, чтобы попробовать «очищение» Ардор Мейден. Но и здесь всё было не так просто. В прошлый раз Харуюки покинул поле аварийным способом — из его шеи выдернули кабель — и поэтому следующее погружение отправило бы его не к дому, а на крышу далёкой башни Роппонги Хилз. Конечно, он оказался бы совсем рядом с порталом, через который мог бы вернуться обратно, но кто знает, что могло случиться, если бы Броня начала воздействовать на него сразу после погружения...

Главный офицер их Легиона, Фуко, судя по всему, решила так же, и потому тихо сказала:

— Пожалуй... продолжим завтра. Нам ещё нужно безопасно сбросить местоположение Ворон-сана...

Незадолго до того, как попытался сбежать, Харуюки уже успел рассказать им, что на момент отключения находился на вершине Роппонги Хиллз. На самом деле он опустил множество важных подробностей, но его голова сейчас была слишком перегружена, чтобы он мог спокойно вспомнить случившееся. На вершине башни ему повстречались двое — Зелёный Король Грин Гранде и третий офицер Зелёного Легиона (третий из «Шести Бастионов») Айрон Паунд. Харуюки понимал, что ему нужно тщательно прокрутить в голове их разговор и освежить память, что потребовало бы немало времени.

Черноснежка услышала слова Фуко, обвела собравшихся взглядом, а затем достойным командира легиона голосом произнесла:

— Сегодняшний день ознаменовался важным шагом для нас, для Нега Небьюласа. Сегодня нам удалось спасти одного из бывших Элементов, Ардор Мейден, из заточения на алтаре

Четырёх Богов, что считалось невозможным. Вслед за этим возникли непредвиденные обстоятельства... — с этими словами она вновь окинула взглядом цеплявшуюся за футболку Харуюки Кусакабе Рин, после чего прокашлялась и продолжила, — Все мы прекрасно понимаем, что усилия Сильвер Кроу внесли значительный вклад в успех сегодняшней операции. Поэтому, Харуюки, теперь наш черёд постараться ради тебя. Мы понимаем твои сомнения и твой страх... но, прошу тебя, дай нам хоть один шанс.

Черноснежка повторила произнесённые ей недавно слова с совершенной искренностью в своём взгляде. Вслед за ней сдвинулась маленькая фигура в белом платье справа от Харуюки. Синомия Утай кивнула головой, качнув при этом хвостиком на голове, а затем уверенно взмахнула в воздухе пальцами.

«UI> Арита-сан. Ты нужен нам. То, что я смогла вернуться в Нега Небьюлас после двух с половиной лет, проведённых в бесконечном истреблении — целиком и полностью твоя заслуга. И я сейчас сижу здесь именно потому, что хочу разрубить те узы, что связывают тебя с Бедствием. Прошу тебя, дай мне шанс исполнить то, что я должна.»

Закончив печатать, она крепко прижала свои маленькие ручки к груди. Фуко, Тиюри и Такуму одновременно кивнули. Кусакабе Рин слегка дёрнула Харуюки за футболку.

На мгновение Харуюки вздрогнул от бушевавшего внутри него конфликта.

Попытка «очищения» означала, что ему придётся вновь погрузится на неограниченное нейтральное поле вместе со своими друзьями. В худшем случае, это могло привести к тому, что Броня внезапно захватит его разум, и он без лишних слов нападёт на них. Конечно, даже будучи Хром Дизастером, он не сможет одолеть Чёрную Королеву Блэк Лотос вместе с её Нега Небьюласом, но в таком случае Черноснежке придётся обезвредить Харуюки... и возможно, что и изгнать его из этого мира Ударом Возмездия.

«Что угодно, только не это», — мысленно прошептал он.

Но когда он поднял голову, он посмотрел сначала на Утай, затем на Черноснежку, и кратко кивнул.

— Я... понимаю. Прошу вас, Синомия, семпай... и все остальные. Закончите цикл Бедствия, который не смог остановить я...

«Хару, ты точно нормально переночуешь в одиночестве? Может, лучше останешься у меня или Таку?» — за то время, пока Харуюки провожал Тиюри до выхода из квартиры, она успела

задать этот вопрос, по меньшей мере, раз пять. Естественно, Харуюки каждый раз уверял её, что будет в порядке.

Кусакабе Рин так крепко держалась за футболку Харуюки, что Фуко пришлось оттаскивать её за шиворот. Вновь надев свои туфли, она обернулась и сказала:

— А-а... суши были очень вкус-ные.

— А, ну... за это можешь благодарить Тию... то есть Курасиму Тиюри, вон она стоит. Эти роллы приготовила её мама, — ответил Харуюки.

Рин вновь повернулась, в этот раз к уже вышедшей в коридор Тиюри, и поклонилась.

— Большое спа-сибо.

— Пожалуйста... хотя это, конечно, не я должна говорить... — немного неловко ответила ей Тиюри.

Такуму рядом с ней выглядел чуть более задумчивым, чем обычно. Конечно, когда они притащили Рин в квартиру с подземной парковки, та представилась, но после этого почти не разговаривала, и Харуюки понимал, что им всё ещё тяжело было поверить в то, что она — Аш Роллер.

Но, в то же время, то, как Фуко таскала её за шиворот кардигана, однозначно выдавало, что она её «учитель». Завтра, в семь часов вечера, планировался очередной сбор в квартире Харуюки — стартовала «операция по очищению от Брони Бедствия». По плану к ним должна прийти и Рин, и уж завтра её, быть может, удалось бы разговорить. Но... всё это лишь при условии, что операция пройдёт успешно.

Фуко и Рин вышли в коридор, за ними проследовала Утай, а затем и Черноснежка надела уличную обувь.

Она сделала шаг, а затем развернулась и обменялась с Харуюки взглядами. Её губы отчётливо дрогнули, затем слегка приоткрылись, после чего вновь закрылись.

После краткой паузы его любимая Королева слегка улыбнулась.

— Прости, что мы постоянно используем твой дом как базу нашего Легиона. Надеюсь, ты не против того, что мы воспользуемся твоей гостеприимностью и завтра.

— Конечно, никаких проблем. Но разве тебе и учителю не сложно возвращаться отсюда домой?..

— Ха-ха, сегодня нас снова развозит Фуко, так что всё в порядке. Хорошо иметь взрослого друга.

Стоявшая позади неё Фуко приняла странный вид, а остальные члены Легиона кратко усмехнулись. Черноснежка отступила на два шага назад, выйдя в коридор.

— Ну что, до завтра, Харуюки.

— Ага, до завтра.

Закрылась дверь, скрыв от него лица друзей. Послышался звук запирающегося замка, отделившего дом от внешнего пространства.

Харуюки постоял на месте, пока звуки шагов не стихли, а затем поплёлся обратно в зал.

Тарелку из-под суши Тиюри забрала с собой, так что ему оставалось вымыть лишь кружки и чашки, затем убрать их в оборудованный функцией просушки шкаф, протереть столы и включить робот-пылесос.

Вернувшись в свою комнату, он открыл учебное приложение и сфокусировался на домашней работе по математике и английскому. Закончив, он посмотрел на часы. Начинался десятый час.

Мать до сих пор не вернулась. По опыту Харуюки, если в такой час она ещё не была дома, то объявится уже ближе к полуночи. Открыв окно домашнего сервера, Харуюки зашёл на доску объявлений и, немного подумав, написал краткое сообщение:

«Нам задали групповой проект, буду ночевать дома у Такуму. Вернусь завтра утром.»

Естественно, это была ложь. Причём наврал он как своей матери, так и своему другу. Хотя... пожалуй, этой ложью он предал вообще всех членов своего Легиона. Он вписал имя Такуму просто потому, что если его мать захочет убедиться в правдивости сообщения, то он из солидарности подтвердит написанное.

Харуюки подтвердил создание объявления непослушным пальцем, затем закрыл окна виртуального интерфейса и поднялся. Переодевшись в просторные камуфляжные штаны, футболку и кепку, он прошёл ко входной двери, надел кроссовки и вышел за порог.

В коридоре между квартирами за час успело заметно потемнеть. Казалось, он стал ещё тише, чем раньше.

Естественно, в этом освещаемом светодиодными трубками пространстве уже не осталось никаких следов его друзей, отправившихся по домам этой же дорогой. Но Харуюки всё равно глубоко вдохнул, словно пытаясь ощутить вкус того же воздуха, что вдыхали они, а затем шагнул наружу. Позади него захлопнулась дверь, послышался щелчок замка и раздался негромкий электронный звук — поскольку квартира опустела, сервер автоматически повысил уровень безопасности.

Харуюки вновь собирался выйти из дома, но теперь он собирался сделать это немного по другой причине. В прошлый

раз он выбежал, потому что собирался залезть на неограниченное нейтральное поле, забраться в его дальний уголок и лишить себя очков в битвах против Энеми.

Но когда он добрался до первого этажа, дорогу ему перегородила своим телом «ребёнок» Фуко, Кусакабе Рин. После этой встречи он вступил в дуэль с Аш Роллером, назвавшим себя её братом, и разговор с ним заставил Харуюки передумать. Смерть в одиночестве не была окончательным решением. И Харуюки не мог пойти по этому пути, хотя бы ради Такуму, которого Харуюки прошлой ночью вытащил из такого же состояния своими словами.

«Пожалуй, я, как и Такуму... доверюсь своим друзьям», — твёрдо решил для себя Харуюки. Именно поэтому он выходил из дома в столь поздний час уже не для того, чтобы умереть в одиночестве на неограниченном поле. Более того, если бы он собирался это сделать, ему даже не нужно было бы выходить из дома — квартира его сейчас безлюдна, и он мог бы просто произнести «анлимитед бёрст», лёжа на кровати.

Харуюки собирался выдвинуться на запад от Сугинами... нет, на запад от мегаполисной части Токио, в прилегающий Мусасино. Естественно, это место тоже было полностью оборудовано социальными камерами и являлось полноправной частью Ускоренного Мира, но поскольку бёрст линкеры в большинстве своём жили именно в мегаполисе Токио, эта зона была безлюдна.

Харуюки шёл туда, чтобы погрузиться на неограниченное поле и убедиться, что он всё ещё может управлять собой.

Худший из всех возможных исходов завтрашней «миссии», который он мог себе представить, состоял в том, что он немедленно сойдёт с ума после погружения и нападёт на своих друзей. Конечно, Черноснежка была готова даже к этому... и, возможно, она считала, что сможет обуздать Хром Дизастера, но Харуюки не разделял её оптимизма. Шестой Хром Дизастер родился с возможностью использовать способности предыдущих Хром Дизастеров, и Харуюки понимал, что видел лишь малую часть того, на что способен в этом режиме. Особенно страшной была способность «Мгновенный Скачок», доставшаяся от самого первого воплощения Брони. Она была крайне опасной, позволяя ему с лёгкостью вырваться из любых тисков, превратившись в частицы света. Что-либо противопоставить такому умению могли лишь непрямые атаки жёлтых аватаров, которых в Нега Небьюласе не было. Поэтому он боялся, что Легион не выстоит против него...

Пока Харуюки раздумывал об этом, лифт довёз его до первого этажа.

Он вышел из плавно остановившейся кабины и продолжил размышлять.

Он знал, что не должен допустить того, чтобы завтрашняя миссия началась с озверения и нападения на его друзей. Возможной трагедии можно избежать лишь одним методом — отправиться на неограниченное поле, вызвать «зверя» и, уговорами либо силой, заставить его гарантировать права Харуюки на его аватар.

И именно поэтому Харуюки не мог погрузиться из Сугинами. Если его затея провалится, и зверь полностью овладеет его сознанием, то вернувшийся в реальный мир Харуюки тут же попытается напасть на бёрст линкеров родного Сугинами. По этой же причине он не мог пойти в прилегающие районы Нерима, Накано, Синдзюку и Сибуя. Но если он будет в Мусасино, то даже после потери контроля ему не на кого будет напасть. Чтобы вызвать кого-то на дуэль после возвращения в реальный мир, ему придётся прокатиться на поезде. Харуюки рассчитывал, что времени поездки хватит для того, чтобы остыть.

А ещё именно поэтому Харуюки решил, что должен сделать это в одиночку.

В десятом часу какие-либо признаки жизни в жилом комплексе подавал лишь супермаркет. Харуюки быстро миновал его и прошёл по красной кирпичной дороге во двор. Тут повсюду были расставлены клумбы и скамейки, которые по вечерам оккупировали парочки. В десять часов закрывался главный вход в жилой комплекс, и после этого через него могли проходить лишь его жители. Но молодёжь засиживалась до последнего момента, прижимаясь друг к другу на лавочках.

У Харуюки это зрелище не вызвало ровным счётом никаких чувств. Вечером он обычно пользовался северным выходом из жилого комплекса, открывавшимся лишь жильцам, но поскольку в этот раз ему нужна станция Коэндзи, ближе было идти на юг, к главному входу. Поэтому он опустил козырёк кепки пониже, вжал плечи и быстрым шагом начал пересекать двор...

Как вдруг.

— Может, присядешь? — послышался вдруг голос со скамейки неподалёку.

Харуюки рефлекторно вздрогнул и замер на месте. Он застыл так резко, что не мог даже перевести взгляд.

Тон был по-мужски грубоватым, но голос однозначно принадлежал девушке. Он был мягким, шелковистым и чистым, словно талая вода, но в то же время звучал пронзительно, словно остро заточенный клинок. Этот голос Харуюки не спутал бы ни с чем.

Медленно, словно сломанная марионетка, Харуюки начал поворачивать голову вправо.

На деревянной скамейке сидела его Королева, с которой они расстались час назад, и с мягкой улыбкой смотрела на Харуюки. В её глазах, напоминавших ночное небо, отчётливо читалось: «Я знала, что ты так поступишь».

Глава 7

«Я и подумать не мог, что настанет тот день, когда и я усядусь на эту скамейку вместе с девушкой. Да ещё и в десятом часу. Конечно, на влюблённых мы с ней со стороны никак не тянем… скорее, на брата и сестру. Хотя прохожим может показаться, что эта девушка просто кому-то проспорила…»

Пока Харуюки раздумывал, к его покоящейся на колене левой руке протянулись изящные пальцы и крепко сжали её. Послышался голос:

— Не думаю, что мы похожи на брата с сестрой. Может, раз уж на то пошло, ещё и кабелем соединимся?

Её фраза отгадала мысли Харуюки процентов на восемьдесят, заставив его промямлить «н-н-н-нет, м-м-м-мне и так хорошо». Добавлять, что от этого вариант с «проспорившей девушкой» станет ещё более явным, он благоразумно не стал.

Харуюки немного боялся того, что в этот самый момент Тиюри, вооружённая прибором ночного видения, сканирует взглядом двор из окна на двадцать первом этаже, из которого фигура Харуюки была видна прекрасно. Впрочем, это, пожалуй, перебор. Хотя, с другой стороны, с её интуицией шутки плохи… кто знает, может, ей срочно захочется выйти во двор и прогуляться до кофейного автомата?..

— Что плохого в том, если мы вдруг наткнёмся на Тиюри или Такуму? Или им можно в любой день переночевать у тебя, а мне нельзя даже посидеть рядом с тобой?

— Н-н-н-нет, я в-в-в-вовсе так не считаю.

Решив, что если она так и продолжит читать его мысли, то скоро всё станет ещё хуже, Харуюки резко переключил свои размышления, а затем, наконец, повернулся к сидящей возле него Черноснежке, командиру Легиона «Нега Небьюлас», Чёрной Королеве Блэк Лотос и его «родителю», и начал с самого важного вопроса:

— Э-э… семпай, ты ведь сказала, что Рейкер отвезёт тебя на машине, разве нет?.. Тогда почему ты здесь?..

— М-м… ну, тут всё просто. Ребёнок Фуко, как там её… Кусакабе, живёт в Эготе, Накано, это в противоположную от моего дома сторону. Уиуи живёт рядом с Фуко, и ей все равно, но если везти домой ещё и меня, получится крайне неэффективно. Я сказала, что вызову такси, и отказалась ехать с ними. Кстати, когда именно вызову, я не сказала, так что технически я им даже не соврала.

— Я-ясно… хотя, погоди, где ты, получаешься, живёшь?..

Вопрос Харуюки заставил Черноснежку на мгновение нахмуриться, а затем расплыться в игривой улыбке.

— Кажется… ты уже однажды смотрел в мой школьный блокнот, разве нет?

На мгновение Харуюки не понял, о чём она говорила, а затем резко замахал головой.

— Н-н-не смотрел я внутрь! Да и вообще это было очень давно!

— Хе-хе-хе… да, это было восемь месяцев назад… — с ностальгией в голосе произнесла Черноснежка, а затем усмехнулась.

После этого она, словно что-то вспомнив, вновь сжала левую руку Харуюки и тихо произнесла:

— Кстати, Харуюки. Я правильно понимаю, что ты вышел из дома в такой час, чтобы покинуть центральную часть Токио и погрузиться на неограниченное нейтральное поле из безлюдного места?..

Черноснежка угодила прямо в точку, и Харуюки оставалось лишь кивнуть.

— А, н-но я вовсе не пытался лишить себя очков… — моментально добавил Харуюки.

Черноснежка кивнула, словно давая ему понять, что предвидела и это, после чего задала следующий вопрос:

— Это значит, что своей матери ты оставил какое-то сообщение о том, что куда-то уходишь?

— Д-да… я написал, что нам задали групповое задание, и я буду ночевать у Таку…

Харуюки показалось, что его вывели на чистую воду и теперь сдадут с потрохами, но Черноснежка в очередной раз кивнула.

— Отлично. Тогда пойдём.

Сказав это, она тут же поднялась, продолжая держать Харуюки за руку. Когда он опомнился, она уже начала вести его за собой. Но не ко входу в дом… а на юг, к выходу из комплекса.

— Э? А-а, куда мы… — заплетаясь, начал Харуюки.

Конечно, они шли именно в ту сторону, куда он с самого начала и собирался, но он не понимал, что задумала Черноснежка. Ведущая его за собой девушка в чёрном не ответила, продолжая уверенно идти сквозь двор, заполненный молодыми парочками. Не останавливаясь ни на секунду, она прошла сквозь ворота комплекса и вышла на тротуар Седьмой Кольцевой.

Похоже, что она в какой-то момент успела оставить вызов, поскольку у входа как раз моргал фарами белый электромобиль с тянущейся через корпус синей полосой. Это было такси, с

древних времён сохранившее фонарик на крыше. Тут же открылась задняя дверь, и Черноснежка без лишних слов затолкала в неё Харуюки, а затем залезла и сама. Она перекинулась парой слов с пожилым водителем, и автомобиль мягко тронулся.

Но она не сказала ему, куда они едут — в эпоху нейролинкеров такая информация передавалась таксисту вместе с запросом. Поэтому Харуюки не знал, куда их повезут. Ошарашенный и начавший нервничать, Харуюки смотрел через лобовое стекло, как таксист сначала направился по Седьмой Кольцевой на север, затем свернул налево на улицу Васеда, и поехал по ней строго на запад.

«Хорошо, выходит, она собирается поехать в Мусасино вместе со мной? Это плохо…» — успел подумать Харуюки, но автомобиль не проехал и километра перед тем, как вновь свернуть налево. Они заехали прямо в жилой квартал и проехали под мостом через Центральную Линию, после чего поехали дальше на юг. Через несколько минут они добрались до перекрёстка с Оумэ, свернули направо, а затем, почти сразу же — снова налево.

Грубо говоря, сначала они ехали почти что в сторону школы Умесато, но затем вновь начали отдаляться от неё. Но Харуюки всё ещё не имел никакого понятия о том, куда они едут. За окном вновь показались жилые дома и растительность… а меньше чем через минуту машина начала тормозить.

Расплатилась Черноснежка, опять же, через нейролинкер, и Харуюки ничего не увидел. Водитель попрощался с ними и открыл дверь. Поблагодарив его, Черноснежка вышла из машины. Харуюки проследовал за ней.

Электромобиль тихо уехал вдаль, оставив их наедине с пейзажем, который казался совершенно невозможным в Токио. Тем более, в самом центре Сугинами.

Посреди лужаек и деревьев стояли друг рядом с другом, но на уважительном расстоянии, аккуратные белые коттеджи. Казалось, будто они оказались в каком-то американском пригороде, вот только дома все выглядели практически одинаково и были далеко не такими большими.

— А, э-э… где… мы?..

— М-м, ну да, ты ведь совсем недавно перешёл в восьмой класс. Вам расскажут об этом районе на обществознании в следующем триместре. Это «ГЖК Асагая», городской жилой комплекс, построенный в стиле того, что находилось здесь примерно сто лет назад. Его начали реконструировать в начале века, но конкретно эта часть сохранилась в практически

первозданном виде.

— А, ага…

Теперь Харуюки заметил, как грамотно подсвечивали территорию оранжевые фонари — над обликом этого района явно поработал архитектор, стараясь показать его во всей красе.

— Короче говоря… это своего рода исторический район… так?.. — задал он не слишком внятный вопрос.

В ответ Черноснежка сказала: «Ну, можно и так сказать», и вновь повела Харуюки за собой по извилистой улочке.

«Черноснежка не просто так решила показать мне этот район. Она что-то пытается мне сказать. Что-то очень важное… и я должен понять это сам. Ну же, думай!..» — рассуждал он, шагая рядом с ней.

Обычно влажный июньский воздух в сочетании с городскими пейзажами навевал тоску, но здесь в нём ощущалось дыхание растущих повсюду деревьев, и он казался необыкновенно свежим. Они шли вдоль узкой двухрядной дороги, чёрной от недавнего дождя. Пройдя по ней лишь двадцать метров, Черноснежка свернула направо в переулок.

Переулок был вымощен дорогим камнем и оказался таким узким, что вдвоём они как раз занимали всю его ширину. Харуюки начало казаться, что эта дорожка — частная собственность, но Черноснежка шагала по ней уверенно. Но если это действительно частная собственность, то бдительные жильцы могут и полицию позвать. Если Черноснежка так сильно рисковала, то она действительно пыталась сказать Харуюки нечто важное. Но что?..

Харуюки думал так усердно, что из его ушей едва не повалил пар, но тут Черноснежка остановилась перед одним из коттеджей. Затем она тут же вскинула руку и отворила чёрные чугунные ворота.

— …А? Э?

«Нет, забираться в чужие дома это перебор», — Харуюки не успел подумать даже этого, как изумился ещё сильнее. Черноснежка совершенно спокойно прошла сквозь открытые врата и уже начала протягивать руку к ручке двери.

— А, а-а, погоди, — воскликнул Харуюки, всё ещё стоя перед воротами. — Ч-что ты делаешь, семпай?! Т-ты на неприятности нарываешься!

— М? С чего это? Я кому-то мешаю?

— Ты хочешь сказать, что не мешаешь жителям этого дома?..

В ответ Черноснежка пожала плечами и сказала:

— Об этом не беспокойся. Это ведь мой дом.

— …Что?

У Харуюки отвисла челюсть, и тот едва не повалился на спину. Вновь послышался голос:

— Как зайдёшь — закрой за собой ворота. Замок защёлкнется автоматически.

— …Хорошо, — только и смог, что ответить Харуюки. Ни на что большее он был уже не способен.

Одноэтажный дом с чердаком на две комнаты, одна из которых служила залом и кухней. Снаружи располагался небольшой дворик.

Это был дом таинственной красавицы в чёрном.

Харуюки на автопилоте снял обувь и прошёл в дом, оказавшись в зале. Размером зал был чуть больше двадцати квадратных метров.

— Я пойду переоденусь, посиди пока тут, — сказала Черноснежка и исчезла за западной дверью.

Харуюки на ватных ногах и с парализованным сознанием прошёл в центр зала и начал осматриваться.

Поскольку это отдельный дом, то он весьма компактен, но от деревянного пола и большого окна на южную сторону он казался гораздо просторнее. Но, что самое странное, изнутри дом не выкрашен в чёрный. Стены и потолок были светло-серыми, а ковёр и занавески — в коричневую полоску. Сам зал обставлен скромно, в нём, можно сказать, располагались лишь небольшой столик, большая подушка для сидения около него, да несколько полок у западной стены. За стойкой кухни можно увидеть небольшой холодильник, неплохую плиту с множеством дополнительных функций и более чем скромный шкаф для посуды. Откровенно говоря, вряд ли на такой кухне можно много чего приготовить.

Поскольку интерьер дома был крайне сдержанным, больше всего в нём привлекал аквариум, приютившийся у южной стены. Харуюки заворожённо подошёл к этой освещаемой оранжевым светом светодиодов ёмкости.

Внутри плавали около двадцати маленьких тропических рыбок. Для метрового аквариума это казалось немного, и большую часть подводного мира оккупировали водоросли. Они покрывали плотным ковром его дно, и с него то и дело тянулись вверх овальные листики. Чем-то эта картина напоминала бамбуковую рощу, но интереснее всего были длинные стебли, тянущиеся из самой середины песчаного дна.

Сверху аквариум закрывала крышка с датчиками чистоты и температуры, поэтому Харуюки оставалось лишь нагнуться и посмотреть на аквариум точно так же, как рыбы, жившие в нём,

смотрели на внешний мир. Круглые листья, растущие на стебельках, качнулись, словно пытаясь вытянуться ещё выше, ещё ближе к воздуху.

Эти тёмно-зелёные листья показались Харуюки знакомыми. Это было странно, ведь Харуюки никогда не интересовался водорослями. Как следует задумавшись, он неожиданно вспомнил.

Всего один раз за свою жизнь Харуюки потратил несколько дней на сбор информации и ещё час в магазине, чтобы потратить все свои карманные деньги на водное растение. Именно тогда он и купил тропические лотосы с точно такими же листьями, попросил, чтобы из них сделали букет, а затем Харуюки пошёл с ними в больницу.

— …Как я выяснила, те лотосы, что ты мне подарил, называются «лотосами Линдсей Вудс», — вдруг послышался шёпот прямо у его уха, и Харуюки моментально развернулся на девяносто градусов.

Возле него уже стояла Черноснежка, переодевшаяся из школьной формы в домашнее платье без рукавов, и тоже глядела в аквариум. Хотя платье и было домашним, оно тоже оказалось чёрным, и оттого походило на вечернее. Эта картина заставила буксовавшие мысли Харуюки вновь заработать на 80% и подвела его к осознанию реальности происходящего.

«Я в одиннадцатом часу впервые зашёл в гости к Черноснежке, мы у неё дома одни, домой я сегодня не возвращаюсь. Как так получилось?! Что это значит?!» — вспыхнули в его голове мысли, но Харуюки понял, что дальше над этим вопросом раздумывать опасно, и вновь переключился на обработку поступающей информации.

— Я… ясно. Е-если честно я выбрал их просто за цвет… — ответил он на её слова, вновь повернувшись к аквариуму.

Разместившаяся справа от него Черноснежка усмехнулась.

— Я в то время тоже не знала о декоративных лотосах ровным счётом ничего. Заинтересовалась я уже после того, как ты мне их подарил.

Когда прошлой осенью тяжело раненую Черноснежку, наконец, перевели из реанимации в обычную палату, Харуюки навестил её и подарил ей букет тропических лотосов. Конечно же, Харуюки выбрал «чёрные лотосы» в честь дуэльного аватара Черноснежки, но девушка, собиравшая букет, приложила к цветам и несколько листьев. Именно поэтому Харуюки и смог узнать растение, хотя сейчас и не видел его цветов.

— Так значит, выходит… ты купила себе такие же лотосы, что и тогда?.. — спросил Харуюки.

В ответ Черноснежка улыбнулась игривой и горделивой улыбкой, полной невинностью хвастающегося ребёнка.

— Это не просто «такие же» лотосы. В этом аквариуме растут те самые цветы, что ты подарил мне восемь месяцев назад… вернее, их «дети».

— Э?!.. — изумлённо воскликнул Харуюки, вновь переведя взгляд на освещённый аквариумной лампой профиль Черноснежки. — Н-но ведь я принёс тебе срезанные цветы… они не должны были пустить корни…

— М, тут ты прав. Но когда я читала про «лотосы Линдсей Вудс», я выяснила, что эти лотосы луковичные, другими словами, новые растения можно вырастить из луковиц листьев.

— Э-э… из листьев?

— Именно. Я тщательно осмотрела тот букет и нашла на одном из листочков луковицу. Я дала ему пустить корни в вазе, а затем забрала её домой, когда меня выписали. Хочу заметить, что выращивать его эти восемь месяцев было очень непросто. Увы, но зацветёт он только через месяц.

— …

Харуюки не отрывая глаз смотрел на качающийся в воде стебелёк, изумлённый живучестью растения и глубоко поражённый тем, сколько усилий Черноснежка приложила, чтобы подаренный ей букет выжил. На несколько секунд повисла удивительно мягкая тишина… а может, и на несколько минут. Наконец, Черноснежка подалась чуть вперёд и положила руку на спину Харуюки.

— Обязательно заходи, когда он зацветёт. А пока давай присядем.

Черноснежка разместилась на уголке большой подушки возле окна, а затем притянула к себе застывшего на месте Харуюки и заставила его усесться рядом.

Горошины, наполнявшие подушку, быстро приняли удобную для Харуюки форму. Конечно, при этом его тело слегка сместилось ближе к центру, и вместе с ним немного соскользнула и Черноснежка. Их руки соприкоснулись, и сознание Харуюки едва вновь не улетело в стратосферу, но Черноснежка лишь хладнокровно взмахнула рукой и коснулась виртуального интерфейса.

Она понизила яркость освещения до минимального уровня. Вслед за этим сами собой раздвинулись занавески на окнах, а стёкла автоматически перешли в прозрачный режим. Снаружи показались деревья и лужайки, освещённые тусклым уличным светом. А вдали на фоне ночного неба стали чётко видны высокие новостройки.

Этот вид на Токио 2047 года словно пришёл к ним из далёкого прошлого, ещё из прошлого века. Харуюки вновь осознал, что Черноснежка, скорее всего… нет, однозначно жила в этом маленьком коттедже в Асагае одна, и, сам того не осознавая, прошептал:

— Семпай… и с каких пор ты…

Ответ на его вопрос он услышал через пять секунд.

— Я покинула свой старый дом и начала жить здесь незадолго до того, как поступила в Умесато. Если точнее… это произошло через полгода после того, как я отрубила голову Первого Красного Короля Рэд Райдера.

— …

Харуюки сглотнул и обдумал услышанное. Вернее, обдумывать тут было совершенно нечего. Черноснежка практически прямым текстом объявила, что переехала сюда из родного дома не потому, что готовилась к поступлению в Умесато, а из-за убийства Красного Короля, события, случившегося в Ускоренном Мире.

Но как это возможно? Насколько Харуюки знал, Черноснежка использовала правило внезапной смерти, действующее в дуэлях бёрст линкеров девятого уровня, и лишила очков Рэд Райдера потому, что была против предложенного Монохромными Королями пакта о взаимном ненападении. Другими словами, случившееся целиком и полностью произошло в Ускоренном Мире. Как это связано с тем, что ей пришлось покинуть родной дом?

— Я ещё никогда не признавалась в этом никому… даже Фуко и Утай… — вдруг прошептала Черноснежка, положив голову на правое плечо Харуюки. — Но Рэд Райдер был не единственным Королём, на которого я нападала. Я попыталась своими силами убить ещё одного. Но уже не через обычную дуэль. На этого Короля я напала в реальном мире, угрожая физической расправой… грубо говоря, я прибегла к насилию в реальности.

— Э… — у Харуюки вновь спёрло дыхание.

Больше всего его удивило не то, что Черноснежка, запрещавшая использовать ускорение даже во время контрольных, нарушила табу и напала на кого-то в реальности, а сам факт того, что у неё была такая возможность. Ведь это означало, что…

— Ч-Черноснежка, выходит, ты знаешь личность… одного из Королей?..

Ответ пришёл далеко не сразу.

После длительной тишины раздался краткий шёпот:

— …Прости.

Затем она повернулась и прильнула к правому боку Харуюки не только головой, но и всем телом. Ощущения теплоты и мягкости едва не вышибли из Харуюки дух, но он всё же смог удержать его в теле. Помогло ему то, что Черноснежка своими движениями была похожа скорее на маленького ребёнка, цеплявшегося за другого человека в поисках защиты.

— Однажды… я смогу рассказать тебе всё. И обязательно расскажу, — произнесла она так тихо, что Харуюки уже не был уверен, действительно ли она сказала эти слова.

— …Хорошо, — смог произнести он лишь это слово, кивая.

Черноснежка в ответ крепко сжала ткань его футболки и прошептала: «Спасибо».

Затем они замолчали, и потекли безмолвные, но полные мягкости минуты. На стенах комнаты не висели часы, и время можно было отслеживать лишь по визуальному индикатору в нижнем правом углу. Проблема заключалась в том, что с точки зрения Харуюки индикатор находился в том же месте, где находилась и грудь Черноснежки. По ощущениям Харуюки, одной из особенностей организма девушек было чутье, которое подсказывало им, когда мужчины бросают в их стороны непристойные взгляды. Эта теория подтверждалась неоднократными случаями хлёстких выпадов со стороны Тиюри в стиле: «Куда это ты пялишься, извращенец?!». Конечно, какая-то часть мозга Харуюки всё же подсказывала ему, что он всё равно не сдержится и отдаст глазам роковой приказ, но, по крайней мере, он хотел убедиться, что Черноснежка не поймёт этот жест превратно, иначе, как ему казалось, по его вине пойдут прахом все её усилия. Поэтому Харуюки начал осторожно подворачивать голову, смещая индикатор левее…

— Кстати… ты ведь так и не рассказал мне, чем именно ты занимался, — услышал он вдруг её голос и замер на месте.

— Н-ничего такого. Я просто пытался посмотреть на часы.

— …Можешь смотреть, сколько хочешь. Я не про это… — Черноснежка подняла голову, немного надула губы и продолжила, — Чем вы занимались с Кусакабе в машине Фуко?

Атаки такой силы и под таким углом Харуюки не ожидал, и потому вновь окаменел. И да, Черноснежка своими глазами видела, как Кусакабе Рин жалась к нему на заднем сидении электромобиля.

— Э-э, ну, короче, мы с Рин… с Кусакабе вступили в дуэль и поговорили. И всё, больше не произошло совершенно ничего.

— Хм-м. Выходит, буря эмоций на её лице мне просто привиделась? Между вами действительно больше ничего не

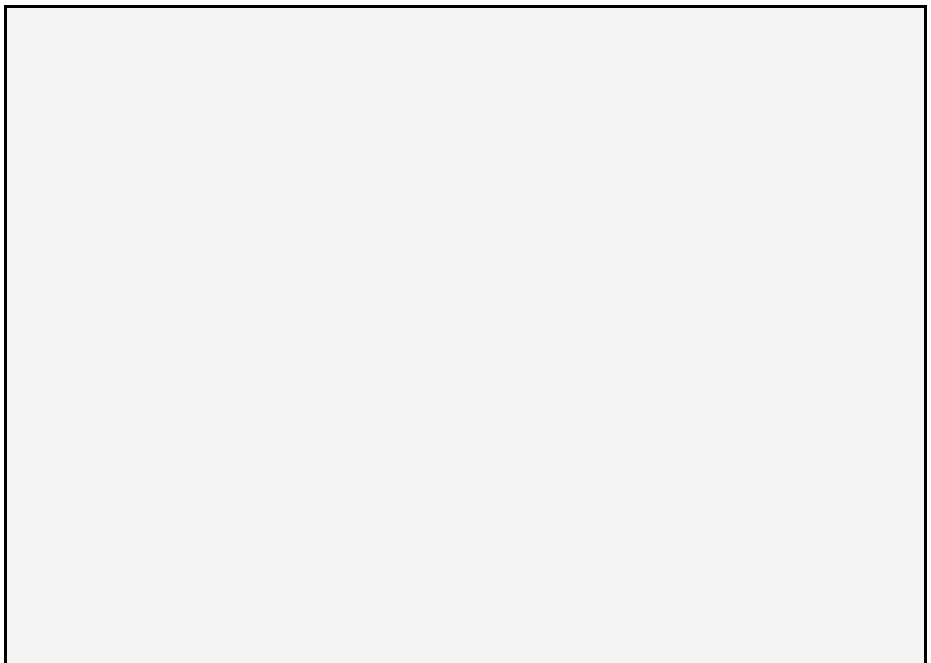
было?

Пронзительный взгляд Черноснежки заставил Харуюки вспомнить случившееся. Действительно, после такого сказать, что «больше ничего», было крайне трудно… ведь Рин совершенно искренне и совершенно прямо призналась ему в любви. Она сказала: «Я люблю тебя», просто и уверенно, и эти слова никак невозможно было интерпретировать по-другому.

— Э, э-э… с Ашем у нас больше ничего не произошло! Он просто сказал мне, что если я собираюсь отправиться на край неограниченного поля, то он отвезёт меня на своём мотоцикле. И больше ничего, да.

И вот здесь он не соврал. Между Харуюки и бёрст линкером по имени Аш Роллер действительно не было ничего, кроме дружбы, родившейся от их вечного соперничества, ведь этим постапокалиптическим гонщиком из Ускоренного Мира управляла не Кусакабе Рин, а её брат Кусакабе Ринта (либо настоящий, либо воображённый Рин).

Слова отчаянно старающегося удержаться от прямой лжи Харуюки вызвали очередной недоверчивый взгляд Черноснежки и ещё сильнее надутые губы. Ни она, ни Тиюри, ни Такуму, ни Синомия не знали о Кусакабе Рин правды. Все они думали, что эта робкая девочка просто отыгрывала в Ускоренном Мире громогласного байкера. Но сам Харуюки не мог ничего ей объяснить. Эту историю могла поведать ей либо сама Рин, либо её «родитель» Курасаки Фуко, и никто другой.



К счастью, через несколько секунд выражение лица Черноснежки смягчилось, она ухватила Харуюки за щёку и сказала:

— Ну… нельзя сказать, что ещё одна сторона на поле боя сильно изменит ситуацию.

— Э… ты о чём?

— Ты действительно хочешь, чтобы я сказала это? —

произнесла она, начиная тянуть его за щеку, и Харуюки поспешил замотать головой.

— Н-ничего, вопросов нет.

— …Эх, ты, — Черноснежка загадочно улыбнулась, а затем отпустила Харуюки. Перекатившись на подушке, она уставилась в потолок и продолжила, — И всё-таки… ну, дела. Подумать только, что за тем байкером, с которым ты сразился в своей первой битве, будет девочка, да ещё и моложе меня… я до сегодняшнего дня ни секунды не сомневалась в том, что он и в реальности парень.

— Я тоже…

— Ну, в какой-то степени это объясняет связь с Фуко. Пока мы шли с ней до парковки, я успела перекинуться с ней парой слов и узнать, что они познакомились в больнице. И в тот самый момент, когда она впервые увидела её, у неё в голове загорелась лампочка. Примерно, как у меня, когда я встретила тебя.

— О, как… интересно, что это за лампочка такая…

— М-м… давай я процитирую тебе слова Фуко. «У меня есть бессознательная шкала желания кого-либо тренировать. Если мы решим, что Ворон-сан по ней получает сто очков, то Утай получает двести, но Рин получила тысячу. Как только я увидела её, я сразу поняла — я хочу её учить».

— …Ясно, — немного боязливо ответил Харуюки.

Если «сто очков» оказалось достаточно для того, чтобы его скинули с вершины Старой Токийской Башни, то страшно было даже подумать, что за тренировки пришлось пережить Рин, набравшей тысячу очков.

Но тут Черноснежка улыбнулась и неожиданно добавила:

— Кстати говоря, по её же словам, когда она впервые увидела меня, я набрала по этой шкале сто тысяч. Хорошо, что я её друг, а не «ребёнок».

— С… серьёзно?

Черноснежка и Фуко знали друг друга уже очень много времени, и во время их первой встречи они наверняка были лишь в третьем-четвёртом классах начальной школы. Каким же ребёнком была Черноснежка, что вызывала такую реакцию?

— Эх… как бы я хотел повстречать тебя пораньше… и вместе с тобой быть бёрст линкером Старого Нега Небьюласа… — на автомате прошептал Харуюки.

Черноснежка тут же пригнулась и внимательно посмотрела в глаза Харуюки.

— О чём ты? В те времена ты бы ни за что не смог встретиться со мной в реальности. Какие там «родитель и ребёнок», скорее всего, ты даже не вступил бы в мой Легион, и мы

познакомились бы как враги.

— А… н-ну да, это тоже верно… — Харуюки уже было попытался сокрушённо свесить голову, как тонкий палец остановил его подбородок.

— Но даже если бы это случилось, я сделала бы всё, что в моих силах, чтобы переманить тебя к нам. Вот скажи, если бы это действительно произошло, и я предложила тебе перевестись в мой Легион из другого, что бы ты сделал?

Возможно, она шутила, но в её глазах читалось то, что отчасти этот вопрос она задавала всерьёз. Харуюки на мгновение замялся, но тут же посмотрел в её глаза и ответил:

— Я бы перевёлся в Чёрный Легион, чего бы мне это ни стоило. Я… не пытаюсь перевести тему, но когда Таку… Циан Пайл прошлой осенью переводился из Леонидов в Нега Небьюлас, ему было очень тяжело. Я много раз расспрашивал его, но он так ничего мне не ответил… и я поступил бы так же, как он. Пусть ты не была бы ни моим «родителем», ни командиром Легиона, я всё равно пошёл бы. Ведь ты… ведь Чёрная Королева Блэк Лотос — моя…

Харуюки очень старался, но словарный запас все же подошёл к концу. Если бы он работал в текстовом редакторе, то тот бы сейчас уже вовсю предлагал всевозможные варианты, но Харуюки знал, что в этот раз может рассчитывать лишь на себя. Он несколько раз открывал и закрывал рот, а затем, наконец, нашёл нужное слово:

— …Моя надежда.

Харуюки сказал чистую правду, но глаза Черноснежки в ответ стали задумчивыми. Затем она улыбнулась, но помимо радости к этой улыбке примешались и более сложные чувства.

— Надежда… я благодарна тебе за эти слова, но это я должна была сказать их тебе. И я уверена, что уже не раз говорила их. Харуюки, ты — самый быстрый бёрст линкер Ускоренного Мира, однажды ты превзойдёшь всех Королей, и именно ты сможешь добраться до истоков этого мира. Да… я сказала тебе эти слова. А ещё я сказала…

Одетая в чёрное красавица чуть порозовела, затем несколько раз нерешительно дёрнулась… и, наконец, обвила руками шею Харуюки и крепко прижалась к нему.

Чувства Харуюки моментально оказались перегружены теплотой, свежим сладким запахом и упругостью её изящного тела. Но окончательно его добили её слова:

— Харуюки… я люблю тебя.

Его сознание поразило так сильно, что Харуюки показалось, что в его голове начали выгорать нейроны. Он почти упал в обморок. С большим трудом ему удалось избежать полного отключения, но шёпот Черноснежки, смешанный с её дыханием, продолжал изливаться в его правое ухо:

— Я поровну люблю и Сильвер Кроу из Ускоренного Мира, и Ариту Харуюки из реального. Именно эти чувства заставили меня вновь стать бёрст линкером, и именно благодаря им я достигла всего этого. Это — настоящее чудо, далеко выходящее даже за рамки Системы Инкарнации. Я уверена, что способна ради тебя на всё… и верю, что если возьму тебя за руку, то смогу дойти куда угодно.

— Сем… пай… — даже этот шёпот дался Харуюки с огромным трудом.

В последнее время он начал постепенно справляться со своей негативной самооценкой и избавляться от мнения, что он не достоин того, чтобы его любили, но, в какой-то степени именно поэтому он не мог спокойно выслушивать такие слова, особенно когда их ему говорили прямо в лицо.

Кроме того, сегодня же, два часа назад, другая девушка (Харуюки понимал, что мысли о других девушках в такой ситуации были совершенно непростительным грехом, но ничего не мог с собой поделать), «реальное» воплощение Аш Роллера, Кусакабе Рин, уже признавалась ему в любви совершенно прямым текстом, крепко прижимаясь к нему. Мысли о том, что за день ему в любви признались две девушки, совершенно не укладывались в сознании Харуюки.

Если в этом мире действовал закон причинно-следственной связи, то чем были вызваны эти события? Харуюки задумался так крепко, что едва не поджёг своё сознание… и вдруг осознал.

Все это случилось потому, что он попытался исчезнуть.

Он хотел исчезнуть с глаз своих друзей. С глаз своих вечных соперников. С глаз всего Ускоренного Мира. Ради того, чтобы остановить его, чтобы помочь ему, его самый старый соперник, Кусакабе Рин, и его Королева Черноснежка, вместе с которой он провёл больше всего времени, превратили свои самые сокровенные чувства в слова и дали ему услышать их…

«Какой же я счастливый человек. Разве есть бёрст линкер, разве есть школьник счастливее меня?» — мысленно прошептал Харуюки. И эта мысль была для него настолько непривычна, словно он только что переродился.

Всю свою жизнь он ненавидел себя. Презирал себя. Его всегда радовали улыбки и чувства, которыми награждали его Черноснежка, друзья по Легиону, Нико, Пард и Аш Роллер, но он

всегда говорил себе, что не сможет ответить им взаимностью, пока не изменится сам.

Но теперь, в этот самый момент, Харуюки впервые подумал, что хочет быть самим собой. Конечно, ему всё ещё не хватало сил сказать это вслух, но однажды… однажды придёт день, когда он сможет принять себя такого, как он есть… и тогда…

— Семпай… я… тоже… — хрипло прошептал Харуюки и попытался положить левую руку на хрупкое правое плечо Черноснежки.

Но не смог. Слова тоже так и не смогли покинуть его рта.

Ведь этот день мог для него и не наступить. Если Броню Бедствия, слившуюся с Сильвер Кроу… нет, с самим Харуюки уже более чем наполовину, не очистить, то он перестанет быть бёрст линкером, и неважно, погибнет ли он сам в уголке неограниченного поля, или его уничтожат убийцы, подосланные Шестью Королями. И вместе с этим Харуюки, скорее всего, потеряет большую часть воспоминаний, связанных с Черноснежкой. Да, его грудь больше не наполнит этот сладостный зуд…

«Но даже если исчезнут воспоминания, останутся факты. То, что семпай призналась мне в любви. То, что я признал себя счастливым. И даже если всё будет кончено, эти факты продолжат подбадривать меня, вести меня вперёд. Они станут драгоценными камнями в моей руке. Я просто забуду то, откуда они взялись у меня.»

И в тот миг, когда он подумал об этом, в его глазах появились две капли, которые он так старательно пытался все это время сдержать. Вскоре они скатились и упали на щеку Черноснежки, прильнувшей головой к его груди.

И в следующее мгновение обвивавшая шею Харуюки рука прижала его к ней ещё сильнее. Послышался до невозможного тихий голос:

— Харуюки, ты — мой. И я никогда не сдамся. Я никогда не смирюсь с тем, что могу потерять тебя. Клянусь.

Она произносила эти слова медленно, словно выжигая их как в своём сердце, так и в груди Харуюки. Закончив, она медленно подняла голову.

На её щеках всё ещё текли слезы Харуюки, но не только они — там были и две серебристые дорожки, которые оставили её собственные слёзы. Из её губ, почти касавшихся лица Харуюки, вновь скатились слова:

— Даже Утай, сильнейший экзорцист Ускоренного Мира, вряд ли сможет сходу отделить слившуюся с тобой Броню. Однажды я скрестила с этим берсерком клинки, но не смогла

увидеть дна той тьмы, что живёт в нём… — она продолжала смотреть в глаза затаившего дыхания Харуюки, а к её голосу постепенно возвращалась былая уверенность. — Но есть один способ, который может увеличить шансы успешного очищения. Все прошлые Дизастеры при определённых условиях резко теряли значительную часть своих негативных Инкарнаций. Это происходило… сразу после яростной битвы с сильным врагом. Но это должна быть не битва ненависти против ненависти, не «схватка ради взаимного уничтожения», а истинный «поединок», в котором должны схлестнуться друг с другом сильнейшие Инкарнации. Помнишь… когда я, ты и красная девочка вызвали на бой Пятого Дизастера, мы попали под выстрел главного калибра Рейн сразу после отчаянной схватки с ним? Сражавшемуся в полную силу Дизастеру потребовалось бы лишь включить свою ауру, чтобы полностью отразить этот выстрел…

И действительно… Пятый Дизастер, он же Черри Рук, схлестнулся с Чёрной Королевой Блэк Лотос в ближнем бою на мечах. И в ходе этой битвы что-то изменилось. Ведь в противном случае этот берсерк не попытался бы сбежать от Харуюки, едва достигшего четвёртого уровня и ещё даже не знавшего о существовании Инкарнации.

И… это касалось не только Пятого Дизастера. Сам Харуюки, Шестой Дизастер, тоже начал подозревать нечто подобное. Харуюки с шумом вдохнул, быстро закивал и сказал:

— Семпай… кажется, я всё ещё не попал под его власть именно по этой причине…

— О?..

— Когда мы были дома, я не вдавался в подробности… но помнишь, я говорил, что на вершине башни Роппонги Хилз на неограниченном поле я сразился с аватарами из другого Легиона? — Харуюки прервался, сглотнул, а затем сказал, — Моим первым противником стал офицер Грейт Волла… как он сказал, один из Шести Бастионов, бёрст линкер седьмого уровня Айрон Паунд, а ещё…

— Погоди… Паунд из Грево?! «Железный Кулак»?!

— А… т-ты его знаешь?.. — спросил Харуюки.

Ответ Черноснежки начался с того, что она убрала руку с его шеи и начала оттягивать ей его ухо.

— Ничего себе «знаешь»… это старый соперник «Железной Длани» Рейкер. Многие в Ускоренном Мире знают легенду о том, как он изучил дальнобойную технику, идущую вразрез с его принципами, только и исключительно для того, чтобы ему было чем сбивать Фуко.

— А-а… так вот для чего ему Реактивный Кулак…

«Теперь понятно», — пронеслось в голове Харуюки, а затем он задумался. Ему уже приходилось слышать, что главный офицер Проминенса, Блад Леопард, была вечным соперником Скай Рейкер. Но и ей дело не ограничивалось, её вечными противниками считались и главные офицеры Леонидов, Кобальт Блейд и Манган Блейд, которых она однажды подвесила на вершине столичной администрации. А если вспомнить то, каким тоном она разговаривала с главным офицером Овала Авроры, Астрой Вайн, то количество её «вечных соперников» начинало быстро выходить из-под контроля...

Харуюки вздрогнул и попытался отбросить отвлечённые мысли. Он встретился взглядом с Черноснежкой, и та сдержанно улыбнулась, прошептав:

— Это, конечно, встреча так встреча. Значит, ты сразился с Железным Кулаком...

— А, э-э... там был не только Паунд...

— Что, там были и другие Бастионы? Кто-то ещё выше него? Первый? Второй?

— Как сказать, пожалуй, и правда выше... — боязливо говорил Харуюки, которого продолжала тянуть за ухо Черноснежка. — Т-там был Зелёный Король... Грин Гранде... и так получилось, что...

— ...Ты шутишь? — напряжённо отозвалась Черноснежка, резко дёрнув его. — Т... ты сразился с ним? С щитовиком?

— Не скажу, что сразился... мы просто от души скрестили щит и меч...

— ...

Королева протяжно вздохнула и, наконец, отпустила ухо, которое звучно вернулось на место. Затем она вновь обвила рукой его шею и погладила Харуюки по затылку.

— Я каждый раз обещаю себе, что больше не буду изумляться ничему, что ты творишь, но... если ты говоришь, что попал по его щиту, значит, по тебе попал эффект Конфликта? Я удивлена, что ты ещё жив...

— Э-эффект? Что он делает?

— Если полностью заблокировать удар щитом, то можно нанести ответный удар двойной силы. Против этого щита есть лишь две тактики — нужно либо выбить его из рук сильнейшим ударом, либо нападать с такой частотой, которая позволила бы создать уязвимость и атаковать тело аватара. На моей памяти ещё не было случаев, чтобы хоть одна из этих тактик срабатывала.

— Ответный удар... кажется, он действительно был, — с точки зрения Харуюки, меч с щитом, Инкарнация с Инкарнацией схлестнулись в далёком прошлом, но эти воспоминания всё равно

заставили его вздрогнуть. — Но... большая часть этого удара рассеялась в воздухе... и именно благодаря этому разорвало половину башни Роппонги Хилз...

— Ага-а... так вот что это был за взрыв? Который мы видели от моста, ведущего в Замок?.. — спросила Черноснежка.

Харуюки на мгновение задумался, а затем покачал головой.

— Нет... скорее всего, это не он. После битвы с Паундом и Зелёным Королём случилось ещё кое-что... но об этом я расскажу как-нибудь в другой раз, а пока вернёмся к теме. Как ты только что сказала, Броня Бедствия временно теряет значительную часть своей силы после яростной битвы с сильным врагом. Мне кажется, что я сейчас нахожусь именно в этом состоянии. Живущий в броне зверь дремлет именно потому, что в ходе битвы против линкеров Грево я выжал из себя всю Инкарнацию до последней капли. Поэтому я смог поговорить с Р... с Аш Роллером, и поэтому могу без проблем говорить с тобой. Но... однажды он снова... нет, я уверен, что завтра он уже вновь пробудится. И вновь направит меня в бой. И я... если честно... не уверен, что смогу сопротивляться...

Такая длинная речь, да ещё и в объятиях его любимого человека, была для Харуюки значительным подвигом. Но ему удалось успешно закончить её, и внимательно слушавшая Черноснежка слегка улыбнулась.

— Хм... очень грамотный и логичный анализ. Я тоже считаю именно так. А значит... есть кое-что, что мы должны попытаться сделать именно сейчас, если хотим, чтобы твоё завтрашнее «очищение» прошло успешно.

— Э... к-к-к-к-кое-что?.. Ч-ч-ч-что именно? — вновь начал заикаться Харуюки, словно не было той длинной речи.

Черноснежка широко улыбнулась и провела рукой по виртуальному интерфейсу.

Вдруг рядом с ними из деревянного пола с отчётливым звуком что-то поднялось. Это был цилиндр примерно пятнадцатисантиметрового диаметра и полуметровой высоты — скорее всего, терминал её домашнего сервера. По задумке такие терминалы обеспечивали возможность управления домом даже в отсутствие нейролинкера, но Черноснежка, судя по всему, нашла ему другое применение. Она достала из нутра маленькой башенки свёрнутый XSB-кабель и быстро воткнула его в свой нейролинкер.

— Харуюки, я правильно понимаю, что на момент аварийного отключения ты стоял на крыше башни Роппонги Хилз? — задала она вдруг неожиданный вопрос, и Харуюки рефлекторно кивнул. — Ага. Значит, пять секунд... нет, три. Когда я ускорюсь, подожди

три секунды и выдерни кабель.

— Э... ч-что ты собралась делать?

— Потом объясню. Я рассчитываю на тебя. Анлимитед бёрст, — произнесла она совершенно обыденным тоном команду, и её тело моментально обмякло.

Харуюки уже не понимал, что происходит, и ему оставалось лишь следовать указаниям. Он подождал, пока на часах в нижнем правом углу пройдут три секунды, а затем резко выдернул кабель из её чёрного нейролинкера.

Черноснежка резко распахнула глаза и спокойно сказала:

— И снова здравствуй, Харуюки.

— А-а... семпай, я ничего не пони...

— Да что тут непонятного? Я зашла на неограниченное нейтральное поле и пробежала от Сугинами до Роппонги Хилз.

— Ч-что?!.. — Харуюки сорвался на фальцет.

Да, действительно, команда, которую он слышал, погрузила её на неограниченное поле... но даже под тысячекратным ускорением для неё должно было пройти лишь 50 минут. В Ускоренном Мире такси не существует, и добраться за такое время от Асагаи до Роппонги Хилз можно только очень напряжённым бегом...

...Нет. Нет, главный вопрос заключался не в этом. Почему Черноснежка сделала это?

Но ответ был слишком очевидным. Она собиралась встретиться с Харуюки в Ускоренном Мире.

— Н-не смей, семпай! Если я погружусь на неограниченное поле, зверь вполне может вновь пробудиться...

— Именно. Поэтому я и иду, — отрезала Черноснежка, доставая из терминала второй кабель.

Она начала подносить его к шее Харуюки, вновь приблизившись к нему. Харуюки ощутил на себе сладость её дыхания и услышал голос столь чистый, что его не смог бы передать даже кабель прямого соединения.

— Харуюки. Мы с тобой не только «родитель и ребёнок», но ещё и «учитель с учеником». И ты прекрасно знаешь, чем это должно кончиться. Это время пришло. Не бойся того, как это будет происходить, и чем закончится. Явись предо мной самим собой. Тем, кто ты есть сейчас.

— Семпай... — тихо произнёс Харуюки и отчаянно попытался замотать головой.

Он слишком ясно понимал, что говорила ему Черноснежка.

Они должны сразиться друг с другом. Чёрная Королева собиралась вызвать на бой живущего в Броне Бедствия зверя, чтобы вымотать его и заставить проспать завтрашнее очищение.

Но... но.

— Когда... я стал бёрст линкером, я твёрдо решил для себя. Что не буду сражаться с тобой, что бы ни случилось. Что если дойдёт до этого, я лучше удалю свой Брейн Бёрст, — сказал он, едва не срываясь на плач.

Но Черноснежка в ответ на его отчаянную фразу нежно улыбнулась и погладила Харуюки по голове, уговаривая его.

— Этот бой не будет похож на попытку решить конфликт взаимной ненавистью. Это будет «дуэль». Одна из тех битв, ради которых и существует Брейн Бёрст. Кроме того... — она слегка надула щёки. — Хочешь сказать, что Аш Роллер... Кусакабе Рин достойна сражаться с тобой в дуэли, а я нет?

— Н-нет, вовсе нет...

— Понимаешь, в Ускоренном Мире существуют вещи, которые можно донести друг до друга лишь кулаками, клинками и пулями. Да и кроме того... не ты ли вызвал меня на дуэль ночью накануне «вертикальной гонки по Гермесову Тросу»? В той битве ты многое рассказал мне, но не словами, а кулаками. А теперь настал мой черед, как твоего «родителя».

— Сем... пай... — протянул Харуюки.

Его грудь вновь переполнилась чувствами, и больше он уже ничего не мог сказать. Черноснежка нежно улыбнулась, кивнула и подключила второй кабель к нейролинкеру Харуюки.

— Давай, подключи меня, — сказала она ему, и Харуюки вдруг заметил, что всё ещё сжимает в руке конец первого кабеля.

Несмотря на хаос, царивший в его сердце, он отточенным до автоматизма движением пальцев поднёс штекер к нейролинкеру Черноснежки.

Она с закрытыми глазами дождалась подключения. Как только исчезло предупреждающее окно, она, продолжая улыбаться, прошептала.

— Погружаемся по моему отсчёту. Если вернёмся живыми...

Её губы продолжали двигаться, но Харуюки не услышал этих слов.

После краткой паузы она начала отсчитывать время, уже заметно громче.

— Итак, начинаю отсчёт. Пять, четыре, три, два, один.

Харуюки знал, что после того, как произнесёт эту команду, назад он может вернуться другим человеком. Поэтому в этой фразе слились и уверенность, и сомнения.

— Анлимитед бёрст.

Глава 8

Со дня открытия башни Роппонги Хилз прошло уже сорок пять лет, но она так и осталась самым высоким зданием Акасаки, сразу выделяющимся на фоне остальных. По площади её крыши (около шести тысяч квадратных метров) она превосходит все дворы Умесато вместе взятые. Конечно, из-за своей двухсот тридцатиметровой высоты она немного уступает Токио Мидтаун Тауэру на северо-востоке (пусть и на каких-то десять метров), но по площади крыши превосходит его аж в полтора раза.

Когда Харуюки открыл глаза, его взору предстал самый настоящий «небесный сад», от красоты которого он лишился дара речи.

Вокруг были стены и колонны, напоминающие греческие руины, сделанные из белого известняка, напоминающего скорее фарфор. По ним бежали трещины, а от некоторых и вовсе мало что осталось. Под ногами качались на ветру неизвестные цветы и трава. По небу неспешно плыли облака, окрашенные солнцем в бледно-коричневый цвет. Далеко на западе из-за горизонта выглядывал огромный солнечный диск.

Этот уровень, относившийся к естественному земляному типу, назывался «Закат»[17]. К его особенностям относилась хрупкость, большое количество горючих объектов (хотя на первый взгляд могло показаться, что он составлен целиком и полностью из камня) и на удивление кромешная тьма в затенённых участках. В целом, его нельзя назвать богатым на особенности.

Но для Харуюки этот уровень важен по другой причине.

Незабвенной осенью прошлого года в один прекрасный день перед ним опустилась фея в образе чёрного махаона и вручила ему ключ от другого мира. Когда они впервые вместе с ней отправились в этот мир, они оказались именно в этой стране вечно заходящего солнца. И именно здесь эта девушка протянула свою руку упрямо смотревшему в пол Харуюки со словами: «Тебе действительно кажется, что два метра виртуального пространства — это так далеко?»

Вчера, спустя восемь месяцев с того дня, Черноснежка вступила с ним в кабельную дуэль в медицинском кабинете школы Умесато и показала Харуюки небольшое, но самое настоящее чудо. Она использовала Систему Инкарнации, Оверрайд, чтобы переписать свойство своего дуэльного аватара и превратить клинок на правой руке в изящные пальцы. Да, эта «рука» прожила всего семнадцать секунд, после чего рассыпалась, но эта Инкарнация стала для Черноснежки важнейшим

заявлением. Она намеревалась сама сократить то двухметровое расстояние между ними.

А пока эти мысли неспешно прокручивались в его голове, Харуюки водил взглядом по сторонам в поисках фигуры Черноснежки.

Но тут он вспомнил нечто ещё более важное, нечто, что забыл проверить с самого начала. Он тут же вскинул свои руки и осмотрел пальцы. Вместо тонких пальцев Сильвер Кроу, казавшихся непригодными для ближнего боя, его ладони венчались острыми бронированными когтями... но эти когти выглядели практически так же, как во время кабельной дуэли с Кусакабе Рин.

Вслед за пальцами он окинул взглядом своё тело, но и оно не претерпело за последние три часа никаких изменений. Его аватар всё ещё представлял собой смесь, на 80% состоящую из Сильвер Кроу и на 20% из Дизастера. Напоследок Харуюки закрыл глаза и глубоко сконцентрировался на точке между своих лопаток. Но зверь, живший там, продолжал дремать. Не чувствовалось ни зудящей боли, ни глухого рычания.

— Пожалуйста, поспи ещё немного... — прошептал Харуюки, затем поднял голову и ещё раз осмотрелся.

Крыша башни была широкой, но где конкретно она кончается, Харуюки не видел — архитектура «Заката» состояла из бесчисленных стен и колонн, из-за которых поверхность крыши превратилась в подобие лабиринта. Харуюки попытался вслушаться, но не уловил ничего, кроме одиноких звуков ветра...

— Семпай?.. — произнёс он чуть громче, пытаясь позвать её.

Но рядом с ним не оказалось не только её обсидианового аватара — не происходило вообще ничего. Хотя, если подумать, Черноснежка после прошлого погружения лишь переместилась из Сугинами на вершину башни — она не знала, где именно на башне находится Харуюки. А значит, она, как и он, бродит по лабиринту и пытается найти его.

Осознав это, Харуюки начал идти по проходу, окружённому меловыми стенами. Хоть сама башня крепка, её украшения — стены и столбы — разрушались очень легко, и Харуюки, в теории, мог просто разломать всё вокруг себя, но ему не хотелось этого делать. Уровень «Закат» попадался очень редко, и Харуюки с ним связывали такие воспоминания, что его можно назвать священным для него.

Проход вскоре упёрся в стену, дороги от которой вели налево и направо. Интуиция подсказала Харуюки повернуть направо. Он продолжал идти вперёд, стараясь не наступать на цветущие по сторонам дороги цветы. Как ему казалось, он шёл к центру

башни. Вскоре ему встретился ещё один поворот направо, затем налево, а потом он добрался до полуразрушенной арки, за которой находилась чуть-чуть утопленная в землю площадка диаметром около двадцати метров.

В реальности в центре Роппонги Хилз тоже было небольшое углубление — именно там находилась вертолётная площадка. Выходит, это и есть центр башни. Конечно же, здесь это уже не вертолётная площадка, и на земле метки «Н» тоже нет. Вместо неё располагалось кольцо из где-то дюжины колонн. В самом же центре находилась ещё одна колонна, выше и толще остальных. С её вершины стекала вода, попадающая в неглубокий пруд возле основания.

Харуюки опустился на площадку и приблизился к центральной колонне. Он уже потянулся рукой к вымоченной поверхности и собирался притронуться к ней, как вдруг...

— Кроу... — раздался тихий, мягкий голос с другой стороны колонны.

— А... с-семпай!

Харуюки уже собрался перейти на другую сторону колонны, а с языка уже готовились сорваться слова «так вот где ты была», как голос вдруг остановил его:

— Стой. Не двигайся. Послушай меня.

— Э-э... х-хорошо...

Стоявший в самом центре площадки столб хоть и был толще прочих, но в диаметре имел лишь около восьмидесяти сантиметров. Блэк Лотос трудно назвать таким уж маленьким аватаром, особенно с учётом того, как много острых поверхностей имелось в её фигуре. Спрятаться в тени колонны ей было непросто... да и зачем? Харуюки замер, невольно представив себе прячущуюся от него Черноснежку.

— Сильвер Кроу. Я всё это время думала о том, как спасти тебя от паразитирующей Брони Бедствия, — вновь послышался её голос с другой стороны колонны, и он казался нарочито спокойным. Затаив дыхание, Харуюки ждал продолжения. — Я обдумывала множество идей, но, в конце концов, лучше будет именно так. Кроу... увы, но ты стал слишком опасен для Легиона, для Ускоренного Мира и для меня.

— Се... семпай?..

Он ощущал странное сомнение. Да, она говорила правду... но её тон был слишком деловым... слишком холодным...

— И вот, что я решила. Прошу... исчезни из этого мира, — поразил слух Харуюки совершенно равнодушный голос, донёсшийся с другой стороны колонны.

Одновременно с ним толстый известняк пробило нечто,

вытянувшееся по прямой линии. Острый чёрный клинок... меч. Рука Чёрной Королевы Блэк Лотос.

Харуюки ошарашенно смотрел на свою грудь, на остриё чёрного клинка, целящегося точно в самую критическую точку на теле дуэльного аватара. Его мысли остановились, конечности перестали слушаться, и лишь тело на автомате попыталось сдвинуться, но смогло лишь наклониться на пять сантиметров влево.

Раздался практически неслышный звук удара, и чёрное лезвие прошло сквозь правую сторону груди Харуюки, выйдя через спину.

На мгновение Харуюки ощутил ледяной холод. А затем — обжигающую боль.

— У... а-а!.. — хрипло воскликнул он и, вложив всю свою силу в ноги, резко отпрыгнул назад.

Когда клинок покинул его грудь, он вновь ощутил всплеск боли, и из раны тут же выплеснулись красные спецэффекты, похожие на свежую кровь. Продолжая истекать спецэффектами, Харуюки пошатнулся и упал на левое колено.

Ему удалось избежать удара в сердце, но сквозная атака в туловище моментально отняла у него больше 20% здоровья. Конечно, вместе с этим значительно заполнилась шкала энергии, но самый важный эффект от этого удара случился внутри Харуюки.

«Гр-р...» — послышался глухой рык.

Вместе с ним Харуюки ощутил внутри себя первую каплю ярости, горячую, словно расплавленную сталь. Зверь начал пробуждаться. Харуюки уклонился от смертельного удара не по случайности, не рефлексами. Аватара передвинул зверь.

— Сем...пай, почему... — с трудом проговорил Харуюки, прижимая правой рукой рану в груди, словно пытаясь одновременно с этим сдержать ярость зверя. — Почему... почему ты делаешь это?!..

Да, Черноснежка вызвала Харуюки на неограниченное поле, чтобы сразиться с ним. Но почему она скрывалась от него, нападала исподтишка, пыталась взбесить зверя и приблизить его полное пробуждение?

Хотя... может, Черноснежка с самого начала не собиралась вызывать его на дуэль? Может, она хотела выманить его в Ускоренный Мир, чтобы пригвоздить к земле, а затем решить этот вопрос раз и навсегда с помощью Удара Возмездия?..

«Гр-р... это враг... и мы разгромим любых врагов... кем бы они ни были...

Даже если это... наш собственный «родитель»...»

В самой глубине сознания послышался скрипучий, зловещий голос. Пробуждение зверя уже не остановить.

Но Харуюки, стоя на одном колене, сжимаясь в комочек, изо всех сил пытался остановить живущее внутри него псевдосознание:

«Остановись, зверь! Здесь... что-то не так!»

Не так.

Что-то не сходилось. Чёрная Королева Блэк Лотос не стала бы разговаривать с ним с другой стороны колонны, не стала бы наносить исподтишка удары клинком... что-то определённо не так. Она не стала бы произносить такие слова. Не стала бы совершать такие действия. А значит, кто-то пытался выдать себя за Чёрную Королеву. Это единственный вывод, к которому пришёл Харуюки. Он считал его фактом.

Медленно поднявшись на ноги, Харуюки осмотрел своё тело, резко помрачневшее после пробуждения зверя, и уверенно крикнул:

— Пожалуйста, выйди из-за... тьфу. А ну, выходи! Кем бы ты ни был!

Ветер, словно испугавшись того, что сейчас случится, замер. Цветы на земле склонили головы.

И вновь послышался мягкий голос.

— ...Я разочарована, Кроу. Я не думала, что ты будешь так говорить со мной после того, как услышишь мои слова... как ощутишь своим телом мой удар.

Правую сторону меловой колонны, стоявшей в самой середине башни Роппонги Хилз, солнце «Заката» окрашивало в золотистый цвет, но левую покрывала чёрная тень.

И в отбрасываемую колонной тень беззвучно шагнула фигура.

Вытянутая буквой V маска. Тончайшая талия и обрамлявшая её бронированная юбка, напоминавшая лепестки лотоса. Руки и ноги в виде длинных клинков. И.. глубокий чёрный цвет брони.

— Не... может...

Харуюки ощущал, как отчаяние чёрными каплями наполняет его сердце. Словно чернилами оно окрашивало его душу в чёрный цвет.

Зверь в ответ зарычал ещё громче. Когти на руках и ногах со скрипом начали увеличиваться. Выступы возле лба тоже начали расти, начиная превращаться в визор, напоминающий звериную пасть.

Но Харуюки не замечал своей собственной метаморфозы, продолжая смотреть на чёрного дуэльного аватара в тени колонны.

Эта форма. Этот цвет. Этот аватар мог быть только Чёрной

Королевой. Неужели произнесённые Блэк Лотос... произнесённые Черноснежкой слова — правда? Неужели она действительно хладнокровно и жестоко объявила, что Сильвер Кроу, что Арита Харуюки стал слишком опасен, и поэтому она изгонит его из Ускоренного Мира?..

Послышался металлический звон, и конечности Харуюки резко изменились. Они моментально покрылись зазубренной мутно-серебряной бронёй. Визор вокруг его шлема уже полностью сформировался, и ему оставалось лишь окончательно сомкнуть свои «челюсти».

«Это враг. Наш враг. Призови меч. Испепели её!»

Зверь начал отдавать Харуюки совершенно чёткие приказы.

Но... даже после этого Харуюки лишь стиснул зубы ещё сильнее и покачал головой.

— Нет... я отказываюсь верить. Это не семпай, — сказал он скорее самому себе.

Пусть этот аватар походил на Чёрную Королеву и голосом, и фигурой, и цветом, но это не могла быть Блэк Лотос... Харуюки ощущал это всей своей душой.

Круглая колонна отбрасывала на землю плотную тень, характерную для Заката. Она прятала детали аватара, словно скрывая его от зрения... и других органов чувств Харуюки. Этот похожий на Чёрную Королеву аватар словно избегал света и не пытался выйти из тьмы. И Харуюки ощущал, что именно в этом и состоял обман.

Ему нужно каким-то образом отогнать эту тень, хотя бы на мгновение. Разрушить колонну?.. Нет. Если он попытается атаковать физической атакой, Дизастер воспользуется моментом и окончательно поглотит его. Нельзя разрушать... нужно светить. Он должен создать новый, сильный свет.

«Зверюга. Прошу, дай мне хотя бы один шанс узнать, кто стоит перед нами. Дай мне воспользоваться моей собственной Инкарнацией», — мысленно шепнул он, и в ответ послышался недовольный рык другого сознания:

«Гр-р... если ты делаешь это для того, чтобы получше рассмотреть врага, то мне всё равно.»

«Да... именно это я и сделаю. Я выясню, что это», — прошептал Харуюки и направил превратившиеся в когти пальцы правой руки в сторону укрытой тьмой «Чёрной Королевы». Он двигал рукой как можно медленнее, словно изо всех сил сопротивляясь разрушительным позывам. Но, как ни странно, в его сердце царил абсолютный штиль. Он понимал, что у него есть лишь один короткий шанс. Он должен успеть создать образ, запустить Инкарнацию и выпустить её как можно быстрее.

Свет. Образ скорости света. Этот источник силы знакомой до боли Инкарнационной техники «Лазерный Меч» наполнил его тело и начал фокусироваться в глубине правой руки. Возник свет такой плотности и концентрации, что не давал даже Оверрея. А затем Харуюки моментально выпустил отточенный до невозможности образ.

— Свет! — на автомате воскликнул он.

И одновременно с этим из руки более чем наполовину превратившегося в Дизастера Сильвер Кроу вырвался луч чистого белого света, осветив собой весь мир.

И Харуюки увидел.

Форма этого аватара действительно в точности соответствовала фигуре Чёрной Королевы. Но это была лишь картинка, которую можно принять за неё, если смотреть точно спереди. Другими словами… она двумерная. И её клинки, и юбка из бронированных лепестков состояли из тонких, словно бумага, плит, похожих на тени… и на мгновение, словно во вспышке стробоскопа, аватар, казавшийся во тьме похожим на Блэк Лотос, показал, что эта форма — лишь фальшивка.

— Ты… кто ты?! — воскликнул Харуюки, продолжая держать правую руку перед собой.

Теневой аватар вновь погрузился во тьму, всё ещё отказываясь двигаться. Харуюки ещё раз осознал, насколько хорошо этот аватар имитировал стоящую во тьме Блэк Лотос, но теперь он осознал, что даже сейчас одна маленькая деталь в нём не соответствовала настоящему облику Чёрной Королевы. Она всегда перемещалась, паря над землёй, и клинки её ног никогда не приближались к земле ближе, чем на один-два сантиметра. Но ноги теневого аватара, наоборот, слегка погрузились в землю. Эта маленькая деталь и стала окончательным доказательством.

Даже после того, как свет Харуюки осветил его, выдававший себя за Королеву аватар продолжил хранить молчание в течение ещё нескольких секунд, но затем, поняв, что его обман раскрылся, развёл в стороны клинки рук… вернее, тончайшие плиты, имитировавшие их. Одновременно с этим он сказал:

— Вот этого я не ожидал. Ты гораздо сильнее, чем я думал, если всё ещё можешь использовать Инкарнацию первого квадранта под столь сильным влиянием Брони.

Этот голос всё ещё до боли напоминал голос Черноснежки, но интонация и манера речи пробудили в сознании Харуюки неприятные воспоминания. Он знал, что уже встречался с аватаром, который разговаривал похожим образом. Это было… на неограниченном нейтральном поле… и когда это случилось, на нём тоже был активен уровень с отчётливыми тенями…

— Кто… ты… — глухо прорычал Харуюки.

И одновременно с этим в голове раздался пронзительный голос зверя:

«Это он. Это он… тогда…»

Хотя на него и смотрели два сознания, теневой аватар продолжал совершенно спокойно держаться на одном месте. Он начал механическим жестом опускать раскинутые в стороны клинки и продолжил:

— Я не ожидал, что встречусь здесь с господами из Чёрного легиона, но такую возможность упускать нельзя. На самом деле я просто решил посидеть тут после того, как Метатрон на Мидтаун Тауэре спустя три дня вдруг взбесился, но такой встречи я точно не ожидал.

Этот спокойный голос, напоминавший профессора, ведущего лекцию, вновь нашёл отклик в памяти Харуюки. Но ещё более сильным оказалось родившееся в нём беспокойство, заставившее его переспросить:

— Посидеть?..

«Метатроном» он, судя по всему, называл Энеми Легендарного класса, «Архангела Метатрона», охранявшего Мидтаун Тауэр в половине километра к северо-востоку отсюда. Действительно, на глазах Харуюки Айрон Паунд выпустил в его сторону Реактивный Кулак, заставив того в ответ испустить лазер такой устрашающей силы, что он оставил после себя огромный кратер на месте Роппонги. Судя по всему, теневой аватар после этого случая решил разобраться, чем было вызвано такое поведение, и занял позицию на Роппонги Хилз, откуда прекрасно просматривались окрестности.

Но… в то же время, это было невозможно.

Харуюки увидел атаку Метатрона три часа реального времени назад. Другими словами, на неограниченном нейтральном поле за это время успело пройти три тысячи часов… сто двадцать пять дней. Никто не мог караулить столько времени без сна, ожидая неизвестно чего…

И в этот самый момент его осенило.

Он вспомнил, что он уже испытывал такое же потрясение.

Это действительно случилось на неограниченном поле, во время решающей схватки с мародёром Даск Тейкером, похитившим крылья Сильвер Кроу. Харуюки и Такуму приложили все усилия, чтобы обезопасить себя от его уловок, но к началу битвы на дворе Умесато их уже ждала засада.

И тогда Даск Тейкер рассказал своим ошарашенным противникам, что один-единственный житель Ускоренного Мира обладал способностью ждать в течение невероятно долгого

времени. Чип Мозговой Импалантации в его голове мог приостанавливать эффект ускорения сознания Брейн Бёрста, наделяя его уникальной способностью «замедляться»...

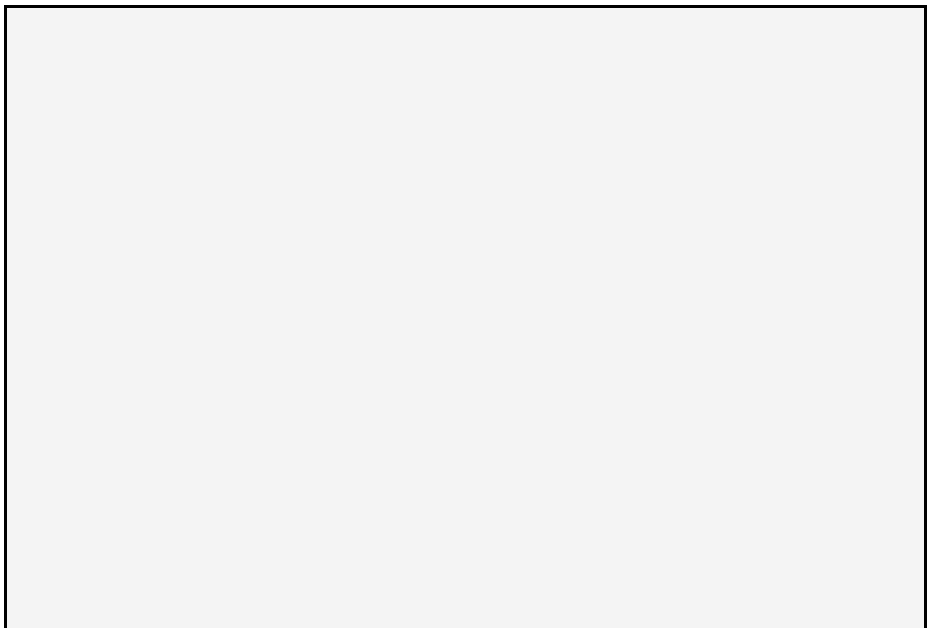
— Так... ты... — начал восклицать Харуюки, обращаясь к двумерному аватару, составленному из чёрных теней. — Вице-президент Общества Исследования Ускорения... Блэк Вайс!

Как только теневой аватар услышал это имя, он поднёс правую руку к груди и вежливо поклонился.

Тут же его тело начало поворачиваться на девяносто градусов по своей оси. Поскольку оно состояло из тончайших плит, с точки зрения Харуюки аватар перед его глазами превратился в тончайшую нить. Но не успел он даже напрячь взгляд, как эти плиты начали дробиться, утолщаться и выстраиваться в аккуратный ряд на небольшом расстоянии друг от друга, образовывая похожую на радиатор куклу «пластинчатого аватара». Это и была истинная форма Блэк Вайса, так сильно досаждавшего Харуюки и его друзьям своей силой.

Вайс всё ещё стоял, уважительно кланяясь, но Харуюки увидел, что хотя он больше не пытался выдавать себя за Блэк Лотос, у его аватара не было левой руки. Но он понимал, что эту руку ему не отрубили. У этого удивительного аватара имелась способность делить себя на части и использовать их для проведения атак на расстоянии. Скорее всего, в эту самую секунду он применял эту способность, чтобы...

— Ты... что ты сделал с Чёрной Королевой?..



Он понял, что до сих пор не встретился с погрузившейся одновременно с ним на вершину башни Черноснежкой именно из-за Блэк Вайса. Осознав это, Харуюки уже сделал шаг вперёд, чтобы продолжить свой разговор с Вайсом, как вдруг...

Его позвоночник пронзила раскалённая докрасна боль.

— Гра-а-а-а-а! — послышался полный ярости вопль, и Харуюки не знал, звучит ли он в его сознании, или вопит он сам.

В след за этим в голове послышался рёв обезумевшего зверя:

«Это он... убей его! Убей! Убей, убей, убей!»

Взрыв негативных эмоций оказался таким сильным, что поразил Харуюки не слабее физической атаки.

Перед глазами одна за другой пронеслись несколько сцен.

Похожий на ступку кратер в земле. Аватар женского пола, распятый на чёрном кресте, установленном на его дне.

Из глубокой дыры возле креста выполз гигантский червь. Он заглотил девушку пастью, полной бесчисленных зубов и с громким звуком разгрыз её броню.

У обрыва стояли десять бёрст линкеров, молча наблюдая за чудовищной сценой. В небольшом отдалении от них стояла группа из трёх силуэтов. Один из аватаров был довольно миниатюрным и носил очки, которыми зловеще сверкал. Второго покрывал свет такой яркий, что его фигуру было не разглядеть. А третий... состоял из тонких плит матово-чёрного цвета...

И когда образ из обрывков воспоминаний идеально наложился на фигуру стоящего перед ним Блэк Вайса...

Харуюки ощутил, как его сознание, словно потоки расплавленного железа, начинает заполнять информация. Но это знания, которые Харуюки никогда не принадлежали. Тот самый «сон», который он видел два дня назад, во время передышки, которую они с Синомией Утай взяли после того, как проникли внутрь Имперского Замка. Этот длинный, трагичный сон, остатки воспоминаний Первого Хром Дизастера, Хром Фалькона, целиком ожил в памяти Харуюки.

«Это был он», — пронеслось в голове Харуюки. — «Это он поймал в ловушку Шафран Блоссом, девушку в жёлтой броне, мечтавшую о том, чтобы в этом мире больше никто никогда не умирал, и дал гигантскому червю Ёрмунганду раз за разом убивать её. Тот самый человек, из-за которого Шестой Артефакт «Судьба» и могучий клинок «Звездомёт» исказились и создали Броню Бедствия, стоит сейчас перед моими глазами. И имя ему — Блэк Вайс.»

— Ты... ты... — ярость зверя уже стала яростью Харуюки.

Повинуясь кровожадности и жажде разрушений, лёгкая броня Сильвер Кроу тут же начала толстеть и мутнеть. Из спины протянулся длинный хвост.

— Это ты... убил Фран!! — крикнул он.

Раздался металлический лязг, с которым визор опустился на его лицо. Мир окрасился в серые цвета, и лишь фигура противника стала ещё более отчётливой.

Хотя Сильвер Кроу уверенно приближался к окончательному превращению в Хром Дизастера, пластинчатый аватар продолжал

стоять с совершенно спокойным видом. Он слегка наклонил составленную из пластин голову и тихо проговорил:

— Хм, весьма интересно... кажется, он знает, кто я, вернее, помнит нашу прошлую встречу.

Его голос больше нельзя было спутать с тоном Черноснежки, это был тихий, спокойный, мужской голос. Хотя он и говорил тихо, Броня улучшала слух Харуюки до такой степени, что он уловил всё до последнего слова.

— Я никогда... не забуду этого... я продолжаю жить в этом мире, чтобы убить тебя... — прерывистым голосом проговорил Харуюки слова, которые словно превращались в воздухе в пламя.

В конечном счёте, смысл жизни Брони Бедствия, Хром Дизастера, состоял в том, чтобы уничтожить всех бёрст линкеров. В истоке этой разрушительной жажды лежала именно смерть Шафран Блоссом, которая мечтала организовать общество взаимопомощи, которое помогало бы нуждающимся бёрст поинтами, и сделать так, чтобы никто в Ускоренном Мире больше не боялся полной потери очков. Но три бёрст линкера предали её и поймали в западню. И поэтому он хотел уничтожить их, лишив их всех очков, как они того и желали. Эта воля Первого Хром Дизастера запечаталась внутри Брони и вела в бой всех, кто надевал её впоследствии.

Но в ядре этой раздувшейся до невообразимых размеров злости лежала ненависть к тем троим, что разыграли трагедию с участием Блоссом. И вот, спустя семь с лишним лет реального времени, один из тех, кто присутствовал там, «Сковыватель» Блэк Вайс, вновь встретился лицом к лицу с полностью пробудившимся Хром Дизастером.

Чистейшая сконцентрированная жажда мести вспыхнула огнём, а кровожадность взорвалась с такой силой, что попытки Харуюки урезонить зверя логикой просто смело. Из тёмно-серебряной брони начали подниматься клубы плотной темной ауры, и Харуюки, вернее, Шестой Хром Дизастер, сделал ещё один шаг вперёд.

— Я буду рубить тебя... пока твоё тело не превратится в груду осколков... — прошептал он, продолжая извергать жаркий воздух из своей пасти, а затем высоко занёс правую руку.

Прекрасное багряное небо Заката тут же заволокли тучи. Завихрились неизвестно откуда взявшиеся тяжёлые чёрные облака, освещая всё вокруг голубыми вспышками. Но за мгновение до того, как из их центра ударила бы сильнейшая молния, и меч, когда-то известный как Звездомёт, оказался бы в протянутой руке Харуюки...

Блэк Вайс, всё это время стоявший молча, начал двигаться.

Его правая рука, плита за плитой, начала скользить вниз и растворяться в земле. Почти одновременно с этим из собственной тени Харуюки выплыли две тонкие плиты и окружили его с двух сторон, пытаясь зажать аватара в тиски. С этой сковывающей техникой Вайса, «Статическим Давлением», Харуюки знаком не понаслышке.

Прервав вызов меча, Харуюки кратко крикнул:

— Флэш Блинк!

Два месяца назад Харуюки пришлось буквально выползать из этих плит, лишившись брони на руках. Но сейчас он мог увернуться, не получив ни единого повреждения, ведь у него была способность, оставленная в Броне Первым Дизастером Хром Фальконом. Когда-то, давным-давно, он и сам смог сбежать от этих плит с помощью этой техники.

Тело Харуюки распалось на частицы света и попыталось броситься вперёд на огромной скорости, но…

Блэк Вайс, словно ожидая этой реакции, тихо произнёс: «Гексаэдрал Компрешн»[18].

Поле зрения Харуюки заволокло тьмой. Но он не ослеп. Перед ним вдруг появилась новая плита, закрыв собой проход.

Частицы, на которые распался аватар, ударились о стену и вновь превратились в аватара, который от силы столкновения отскочил назад. Но и спина его тут же ударилась о возникшую за ней плиту. Какой бы полезностью ни отличался Мгновенный Скачок, он всё же не был истинной телепортацией. Частицы не могли проходить сквозь твёрдые тела.

— Гр!.. — в гневе бросил Харуюки.

Плиты окружали его со всех сторон, и выхода не было. Оставалось идти лишь наверх… но стоило Харуюки подумать об этом и подпрыгнуть, как две плиты, словно ожидая этого момента, звучно появились точно над и под ним, полностью закрыв его.

Мир погрузился во тьму, и Харуюки понял, что оказался в замкнутом пространстве. Но оно не оказалось неподвижным. Все плиты медленно, но уверенно надвигались на него. Его голова, плечи, грудь, спина и ноги ощущали чудовищное давление, искрили и скрипели.

— Гр… р-р-ро-о-о!!! — взревел Харуюки и изо всех сил попытался отдавить плиты обратно.

В отличие от Сильвер Кроу, жертвовавшего всем ради скорости, Хром Дизастер — аватар универсальный, обладающий как скоростью, так и силой. Сравнивать его по силе с Сильвер Кроу было попросту глупо. Но… плиты, словно неразрушимые стены, даже не прогибались.

И тут вновь послышался голос, напоминавший звучанием молодого учителя:

— Кроу... нет, Дизастер. Как и ты знал о моей технике, так и я вижу твою уже не в первый раз. Тогда я полностью упустил тебя. В этот раз я поступил хитрее.

Казалось, будто этот голос доносился одновременно от всех шести плит. Возможно, так оно и есть. С Харуюки разговаривали плиты.

— Р-р... гхо-о!.. — взревел Харуюки, а может, слившийся с ним зверь, в ответ на эту хладнокровную фразу.

Он приставил свои когти к чёрным плитам и попытался растерзать их. Но когти, способные разорвать броню любого аватара, лишь бессильно высекали из них искры. Возможно, он смог бы пробить их мечом, но замкнутое пространство мешало призвать Усиливающее Снаряжение. Как бы Харуюки ни пытался, меч не отзывался.

Он продолжал реветь, словно дикий зверь, пытаясь атаковать стены то руками, то ногами. Голос, словно жалеющий обезумевшего разрушителя, послышался снова:

— Хотя ещё рановато, но я заберу твою Броню для анализа. К сожалению, Кроу, для этого ты должен будешь покинуть Ускоренный Мир. Впрочем, я сомневаюсь, что ты жаждешь вечно скитаться по неограниченному полю в твоём нынешнем состоянии. Хотя, поживём — увидим. Возможно, у президента будут на тебя другие планы...

И тут куб, окружавший Харуюки, начал звучно опускаться вниз. Его ноги вдруг стала окутывать тёплая, вязкая, мерзкая жидкость. Это была «тень». Блэк Вайс пытался погрузить Харуюки вместе с окружавшим его кубом в тень, чтобы куда-то переместить. Погруженные в тень ноги сковал ледяной холод, расплывавшийся по телу и лишавший сил. Слившийся в единое целое со зверем Харуюки пытался сражаться, но его тело постепенно слабело. Уровень тени становился всё выше. Вскоре он поглотил ноги целиком, затем живот и продолжил подниматься выше...

Как вдруг.

Харуюки увидел, как перед ним вспыхнула горизонтальная алая линия.

Яркая линия продолжила бежать вправо, завернула на боковую грань, пробежала по ней, затем по задней грани, левой, и вскоре соединилась со своим началом. Харуюки увидел, как сквозь эту тончайшую линию начинает показываться пейзаж окружающего его мира...

И вдруг чёрный куб, сковывающий Харуюки, с громким

звуком разбился, словно толстое стекло.

Подобравшаяся к груди тень немедленно вытолкнула Харуюки, и тот с тяжёлым звуком повалился на каменистый пол Заката.

Первое, что увидели его распахнутые глаза — Блэк Вайса, «Сковывателя», всё ещё стоявшего как без левой руки, так и без правой.

А метрах в десяти от него у западного входа на площадь стоял ещё один чёрный аватар.

Четыре изысканных, гладких клинка. Бронированные пластины в виде лепестков лотоса, спускающиеся с талии. Маска, напоминающая готовую к взлёту хищную птицу.

Этот силуэт едва отличим от того, что создал Блэк Вайс. Но эта фигура, освещаемая закатным солнцем, имела несколько важных отличий от той подделки.

Во-первых, текстура её полупрозрачной чёрной брони блестела в оранжевых лучах заката. Во-вторых, под визором находилась пара глаз, полных решительного фиолетового свечения...

«Бунтарь» Ускоренного Мира, командир Легиона Нега Небьюлас, истинная Чёрная Королева Блэк Лотос, наконец, появилась на поле боя спустя десять минут после их погружения. Приглядевшись, можно заметить, как на её правом клинке догорали остатки красной ауры. Похоже, что она разрубила удерживающее Харуюки «Шестигранное Сжатие» дальнобойной атакой, выпущенной из этой руки. Она начала плавно двигаться вперёд, и вскоре проплыла над землёй три метра.

Но она даже не посмотрела на упавшего на землю Харуюки, продолжая испепелять взглядом чёрного пластинчатого аватара. Будь на его месте какой-нибудь новичок, он немедленно попал бы в Зануление, но Блэк Вайс хладнокровно выдержал его и умудрился пожать плечами даже без рук.

— Вы не перестаёте меня удивлять, Чёрная Королева, — его голос звучал ровно и без намёка на напряжённость. — Поскольку в прошлый раз вы с лёгкостью пробились наружу, теперь я постарался как следует обездвижить и руки, и ноги... как у вас получилось выбраться? Впрочем, как я погляжу, так просто вы не отделались.

В подтверждение его слов, левому клинку Блэк Лотос недоставало двадцати сантиметров от своего конца. Но с учётом того, что остальная часть клинка цела, можно предположить, что Вайс обездвижил её клинки, а затем Черноснежка каким-то образом переломила часть своего клинка и освободила остальные

конечности обрубком.

По сравнению с вопросом Вайса, ответ Чёрной Королевы не отличался дружелюбием.

— Я не обязана тебе что-либо рассказывать. Ты ведь сам во время нашей прошлой встречи придерживался мнения, что излишняя болтливость не приводит ни к чему хорошему, не так ли?

Её колкий укор вызвал у пластинчатого аватара краткую усмешку:

— Ха-ха, тут вы меня подловили. Пожалуй, я сегодня действительно чересчур разговорчив. Но я надеюсь, вы поймёте моё возбуждение, ведь я уже больше двух часов потратил с полной убеждённостью в том, что попусту трачу своё время, но тут ко мне залетел неожиданный подарок.

— Хм-м? Может, и так, но подарок тебе достался явно заминированный. Как я вижу, ты ранен гораздо сильнее меня, и хоть ты и попытался использовать свои приёмы против моего партнёра, он всё ещё здесь, а ты вынужден сражаться против нас в одиночку.

Именно.

Пока Черноснежка разговаривала с Блэк Вайсом, оккупировавший сознание Харуюки зверь хладнокровно рассчитывал то, как расправится со столь ненавистным ему пластинчатым аватаром.

Блэк Вайс обладал устрашающей силы сдерживающими техниками, которые могли обездвижить как Блэк Лотос, так и Хром Дизастера, но им, в конце концов, удалось вырваться из их плена, вместе с этим лишив Вайса обеих рук. Другими словами, он уже не мог использовать свои основные техники, и Шестигранное Сжатие в том числе.

Кроме того, он уже говорил о том, что его главная сила — в умении быстро сбегать.

И это действительно так — тело Вайса могло схлопнуться в одну плиту, которая могла укрыться в любой тени и незаметно в ней передвигаться. Эта способность позволяла ему с лёгкостью избегать битв. А с учётом того, как много на вершине Роппонги Хилз теней, отбрасываемых стенами и колоннами «Заката», добраться до края башни не составило бы для него никакого труда. А уж если он доберётся до тени самой башни, то за ним и вовсе будет не угнаться. Освещаемая лучами заката двухсот тридцатиметровая башня отбрасывала километровую тень на весь Роппонги.

А значит, чтобы расправиться с ненавистным врагом, нельзя просто бездумно наброситься на него и начать отрывать от него

плиты одну за другой. Сначала нужно лишить его возможности сбежать.

— Гр-р… — глухо прорычал Харуюки и приподнялся, всё ещё стоя на четвереньках.

Он бросил взгляд на свою шкалу здоровья. Начальная атака в грудь и сдавливание кубом отняли у него больше 30%. Увы, но использование Мгновенного Скачка потратило практически всю энергию, и использовать полёт или другие способности он всё ещё не мог. Значит, первой его целью должен стать не Вайс, а колонна в центре площади. Её уничтожение лишило бы противника важной тени, от которой он не отступал ни на шаг…

Сам Харуюки и не подозревал об этом, но ни один из предыдущих Хром Дизастеров не был способен на подобные расчёты после слияния со зверем. Все они после облачения в Броню Бедствия подчинялись лишь инстинкту битвы. В результате их сознание со временем истиралось, и их загоняли в ловушку словно диких зверей.

Но Харуюки, Шестого Дизастера, хоть и переполняла ненависть к Вайсу, вызванная смертью Шафран Блоссом, но он всё ещё сохранил, пожалуй, важнейшую способность Сильвер Кроу — способность к анализу и принятию решений. Это означало, что он либо всё ещё не до конца стал Дизастером… либо что он, наоборот, синхронизировался с Бронёй глубже, чем кто-либо до него.

Какой из этих ответов верен, он узнал очень скоро, меньше чем через минуту.

Первым, как ни странно, начал двигаться Блэк Вайс. Он неожиданно отошёл от тени столба в центре площади, рядом с которой стоял всё это время, и солнце полностью осветило его аватар.

Хотя его имя тоже начиналось со слова «Блэк», его цвет заметно отличался от цвета Чёрной Королевы. Её броня блестела на солнце, словно чёрный кристалл, но плиты Вайса были матовыми и совсем не отражали света.

Вайс направил свою правую ногу в сторону прижавшегося к земле Харуюки и хладнокровно произнёс:

— Значит, двое против одного. Ясно, вижу, вы действительно глубоко доверяете этому мальчику… даже после того, как он стал Дизастером. Так вот что значит «узы родителя и ребёнка»… как я вам завидую. У меня ведь никаких уз не было никогда.

Вдруг внешняя плита, составляющая правую ногу Вайса, неспешно отделилась. Она превратилась в воздухе в квадрат и начала быстро вращаться. Вскоре она начала казаться серым полупрозрачным диском.

— И именно потому, что мне завидно… я, пожалуй, разрушу ваши узы.

Как только он прошептал это, диск вспыхнул кроваво-красным светом. Оверрей. Надвигалась дальнобойная Инкарнационная Атака. Харуюки приготовился и окинул взглядом появившуюся на сером экране информацию, но вдруг начал сомневаться. Дело в том, что она гласила:

«Анализ Атаки: Инкарнационная Техника

Тип: Увеличение Радиуса Атаки

Атрибут: Рубящий

Уровень Угрозы: 5»

Помимо этого лаконичного текста имелась и красная нить предполагаемой траектории, но она вычерчивала в пространстве обыкновенную прямую. Если верить анализу Брони, эта техника столь простая, что от неё можно увернуться простым шагом в сторону, не говоря уже о том, чтобы отбить взмахом руки.

Но в действии эту технику Харуюки так и не увидел.

— Не смей! — воскликнула Чёрная Королева и резко бросилась к Блэк Вайсу.

Клинок на правой руке загорелся ярким синим Оверреем. Послышался уверенный голос, объявляющий название усиленной Инкарнацией техники:

— Дес бай Пирсинг!

Эта атака таила в себе такую силу, что от неё, казалось, содрогалась вся башня Роппонги Хилз, но чёрный пластинчатый аватар не попытался ни уклониться от неё, ни заблокировать.

Но за мгновение до того, как она попала по нему, он вновь изменил свой облик.

Все его тело моментально схлопнулось в одну плиту, включая ту, что вращалась недалеко от него. Превратившееся в тонкую нить тело начало вращаться, вновь принимая человеческие очертания.

Перед глазами Харуюки вновь появилась плоская теневая фигура. Но теперь уже не поддельная Блэк Лотос.

Короткие волосы, слегка завивавшиеся наружу у кончиков. Дополнительная броня на плечах и поясе, напоминающая цветы. Тонкие конечности, миловидный жезл в левой руке…

Хотя фигура и была полностью чёрной, в лучах вечно заходящего солнца Заката она показалось ослепительно жёлтой. И в этот самый миг с губ Харуюки само по себе скатилось слово:

— Фран…

И этот дрожащий шёпот тут же заглушил твёрдый лязг.

Пронзающая техника Чёрной Королевы глубоко впилась в грудь шафранового аватара.

Девушка выгнула тело от боли и протянула свою правую руку к Харуюки. В глубине сознания словно послышался тихий, подобный дуновению ветра, голос:

«Фаль…»

Сильнейшая вспышка словно разорвалась в сознании Харуюки. Мир перед глазами вспыхнул красным, и из него тут же исчезли и небо, и земля, и все остальное. На кровавом фоне виднелись лишь два силуэта.

Пронзённая в грудь острым клинком девушка упала на колени, затем рухнула на правый бок и исчезла в земле. Оставшаяся в одиночестве фигура какое-то время продолжала стоять на месте в той же стойке, в которой она завершала атаку, но затем резко повернула своё лицо к Харуюки. Но тот уже не мог разобрать, кто смотрит на него.

Очередная вспышка, ещё сильнее предыдущей, словно выжгла всё его сознание, оставив после себя белую пустоту.

И в этот самый миг остатки сознания Харуюки, отвечавшие за логику и анализ Хром Дизастера, окончательно исчезли. Остался лишь зверь, жаждущий мести и бойни.

— Гр… р-р-р-ра-а-а-а-а!!!

Оглушительный рёв сотряс небо и землю, и над головой вновь стали сгущаться тучи. В протянутую к небесам руку ударила чёрная молния. В следующий миг она начала менять форму, превращаясь в зловещий меч.

— Р-ра-а-а!!! — вновь взревел зверь и резко оттолкнулся от земли.

Он устремился к стоящему в нескольких метрах от него застывшему на месте чёрному аватару — «убийце» той девушки, которую он любил больше всего на свете. Он нёсся к «врагу».

Одновременно с рывком он высоко занёс меч, который сжимал в правой руке. Рубящий удар нёс такую силу, что меч оставил после себя след из черных искр, но сама по себе атака была настолько очевидной, что натренированный боец смог бы без особого труда увернуться от него.

Но «враг» не увернулся. Вместо этого она скрестила два клинка на своих руках (конец левого был отчего-то сломан), и клинки эти вспыхнули ярким зелёным светом.

Превратившийся в чёрную молнию меч коснулся зелёного креста. На мгновение вся их энергия сосредоточилась в одной точке, вспыхнувшей, словно зарождающаяся звезда.

А в следующее мгновение послышался оглушительный резонирующий звук, и освободившаяся энергия начала кольцом расходиться вокруг них. Как только бесчисленные объекты на крыше Роппонги Хилз касались этого кольца, они немедленно

рушились и исчезали. В отличие от того раза, когда меч скрестился с щитом Зелёного Короля, сама башня выстояла, но мощности этого удара хватило, чтобы вмиг очистить вершину от всех объектов.

Оба аватара впитывали энергию удара и продолжали скрещивать клинки. От точки пересечения то и дело доносились скрипящие звуки и ослепительные искры, освещавшие их лица.

В сузившихся глазах «врага» в глубине визора виднелась боль, и она отчаянно пыталась что-то прокричать скрестившему с ним клинки зверю. Но тот уже превратился в комок инстинктов, неспособный мыслить, и эти слова до него не доносились.

— Гра-а! — кратко взревел он и попытался ударить «врага» крепко сжатым левым кулаком.

Противник отреагировал моментально, попытавшись уклониться вправо, но тут зверь резко взмахнул левым крылом на спине, мгновенно изменив траекторию удара. Зверь использовал технику «Аэрокомбо», доставшуюся ему в наследство от того бёрст линкера, тело которого он захватил, но внутри него уже не осталось даже воспоминаний о тех тренировках, которых ему стоило освоение этой техники.

Окутанный тёмной аурой кулак попал в правый бок «врага», безжалостно раздробив её броню.

Атака, сравнимая с ударом огромного молота, отбросила «врага» на десять с лишним метров в сторону. Ударившись о землю, она подскочила в воздух и следом упала на спину. Не давая врагу подняться, зверь вновь взмахнул крыльями, чтобы скакнуть вперёд.

— Гр… о-а-а-а-а! — вновь заревел он, оседлав лежащего на спине врага.

Он вонзил свой меч рядом с правым клинком «врага», обездвижив её оружие, отпустил рукоять, занёс освободившуюся руку… и изо всех сил ударил «врага» по лицу.

От удара по маске из тёмного стекла тут же побежала паутина трещин. Зверь сжал левый кулак и ударил им в грудь «врага». В небо поднялись мелкие осколки, мелькнув красными искрами в лучах заката.

Правой, левой, правой. Зверь продолжал реветь и отчаянно избивать своего «врага».

Это была уже не дуэль и даже не битва. Это был омерзительный взрыв накопившейся годами ненависти и злобы.

В голове безжалостно избивающего своего врага зверя послышался чей-то голос, слабый… и в то же время нежный.

«Всё хорошо… я не боюсь.

Я готова принять на себя всё, что тебя мучает.

Ведь я твой «родитель», твой «учитель»…

И тот человек, который любит тебя больше всего на свете.»

Прекрасная броня из чёрного кристалла рассеивалась в воздухе, рассыпаясь на бесчисленные осколки.

Среди них виднелось несколько серебристых огоньков, ниспадающих на землю.

Этот свет стекал со зловещего визора зверя. Он походил на хищные челюсти, и из пространства между ними беззвучно падали на тело истерзанного чёрного аватара серебристые капли. Они падали, словно дождь.

Они падали, словно слёзы.

Глава 9

Харуюки сидел на дне ямы посреди тьмы, обхватив руками колени.

Откуда-то сверху, с невообразимой высоты, до него периодически доносились глухие звуки ударов. Он не знал, что это за звуки. Но Харуюки чувствовал.

Там, за пределами этой темницы, происходило нечто, чего не должно происходить.

И когда эти звуки прекратятся, сделанного будет уже не вернуть.

Он несколько раз пытался выкарабкаться из этой ямы. Но на чёрных отвесных стенах не за что было зацепиться. Эти стены были твёрдыми, словно сталь, и он не мог даже оцарапать их. А о полёте не могло быть и речи.

Дело в том, что Харуюки находился в этой яме не в образе своего дуэльного аватара Сильвер Кроу, а в своём настоящем теле. В карманах его одежды не было никаких инструментов, а у тела, неспособного подтянуться больше двух раз, не было ни единого шанса подняться по отвесной стене.

Именно поэтому Харуюки сидел, бессильно обхватив колени, и слушал доносившиеся до него звуки, подобные часам, отсчитывающим время до конца. Он смотрел в пол, и из его закрытых глаз одна за другой падали на пол слёзы.

«Я всегда был таким…

Когда в третьем классе они впервые спрятали мою обувь. Когда в пятом классе заставили меня изображать свинью. Когда начали отбирать мои деньги в средней школе и избивали меня без каких-либо причин. И каждый раз я убегал, держался за колени и плакал.

И когда всё это кончится, я снова вернусь в те времена. Этот чудесный сон закончится, и я вернусь в суровую реальность.»

Мысленно прошептав всё это, Харуюки решил оградить себя от доносившихся сверху звуков.

Но когда он уже поднял руки, чтобы закрыть ими уши, он вдруг замер, приподнял лицо, приоткрыл глаза и посмотрел на выставленные перед собой ладони.

Короткие толстые пальцы. Бледные ладони, которые он постоянно прятал в карманах. Он никогда не протягивал эти руки кому-либо, никогда не сжимал их, собираясь сражаться. Он лишь ограждался ими от остальных…

…«Тебе действительно кажется, что два метра виртуального пространства — это так далеко?»

Словно услышал он вдруг чей-то далёкий голос. А затем он услышал свой собственный ответ:

«…Далеко».

— …Но, — произнёс сжавшийся на земле Харуюки, продолжая донёсшийся из глубин воспоминаний разговор. — Если я протяну вперёд руку, это расстояние станет чуть меньше. Если шагну вперёд, оно станет ещё меньше. Однажды меня научил этому… очень дорогой мне человек.

Уперевшись руками в колени, он неуверенно поднялся. Он попытался посмотреть вверх, но выхода не увидел. Отвесная стена казалась бесконечно высокой.

Харуюки вытер слёзы и обернулся, встав напротив чёрной стены. Это была та самая скала, которую он столько раз безуспешно пытался штурмовать и, в конце концов, сдался.

Вдруг в голове всплыли смутные воспоминания. Однажды он уже упал до основания отвесной стены, но смог взобраться по ней и открыл свой новый путь.

Харуюки на автомате крепко сжал правую руку, затем по очереди осмотрел сверкавшую холодным блеском чёрную стену и свою мягкую бледную руку, а затем решился и размахнулся.

Удар был неуклюжим и медленным, но как только его кулак коснулся стены, обжигающая боль пронзила его тело от руки до головы, и Харуюки завопил:

— У-а-а!..

С трудом удержавшись, чтобы вновь не упасть на землю, он отвёл зудящую руку к груди. Кожа около кости облезла и покрылась кровью. Но на стене не осталось ни трещины, ни ямки.

Освежив увядшую было уверенность, Харуюки сжал левый кулак.

— …У-у! — жалобно воскликнул он, нанося удар.

Вновь послышался глухой удар, и вновь он ощутил страшную боль. Из глаз снова хлынули слёзы. Харуюки приставил окровавленный кулак ко рту, не давая себе зареветь.

Он хотел сесть на землю. Он хотел опереться на стену спиной, обхватить колени, закрыть глаза, зажать уши и ждать конца.

Но в то же время Харуюки понимал, что если сделает так, то не только станет тем, кем был раньше. Он опечалит этим всех друзей, которых нашёл в новом мире, всех своих старых друзей… и ранит этим самого дорогого ему человека, навечно закрыв для себя дорогу вперёд.

— У… а-а-а! — крикнул он и вновь ударил стену правым кулаком.

От удара брызнула кровь, а в глазах помутнело от боли, пронзившей его голову.

— А-а… а-а-а-а…

Затем удар левым кулаком. Его плоть рвалась, кости скрипели. Слёзы и сопли стекали по лицу, каплями падая на грудь.

Стена из неизвестного твёрдого материала, казалось, способна сопротивляться ударам Харуюки вечно. Но Харуюки, крича, вопя и шмыгая носом, продолжал бить её кулаками. Сверху всё также доносились глухие звуки, похожие на роковой колокол. Харуюки наносил удары в ритм с этими звуками.

Руки его постепенно покрылись кровью и распухли. Боль стала уже не просто болью, ему казалось, словно его нервы выжигало пламенем. Ему казалось, что прервись он хоть на мгновение, как упадёт на землю и уже не сможет продолжить. Поэтому Харуюки с силой стиснул зубы и, продолжая вопить, всё бил и бил по стене.

Ещё и ещё. Правой, левой, правой, левой, правой…

— Это бесполезно.

Вдруг раздался из-за спины тихий голос.

Опустив разодранные кулаки, Харуюки обернулся через плечо.

В яме вместе с ним стоял мальчик гораздо младше него. Лицо было незнакомым. Он был одет в футболку и джинсовые шорты. Волосы его были довольно длинными и скрывали лоб. Он был гораздо ниже Харуюки, и на вид ему можно было дать от силы восемь или девять лет.

Мальчик смотрел на Харуюки отрешённым взглядом, в котором немного проглядывала жалость. Затем он повторил:

— Это бесполезно. Эту стену не уничтожить.

Харуюки, продолжая тяжело дышать, ответил:

— Но ведь… мы не узнаем этого, пока не попробуем.

Да, его руки изодраны, но он всё ещё может сжимать кулаки и всё ещё может размахивать ими. И даже без них у него всё ещё есть и ноги, и плечи, и голова. Он не собирался останавливаться, пока его тело не будет истерзано до такой степени, что он уже не сможет стоять.

Он посмотрел на мальчика взглядом, выражавшим все эти чувства, и уже собирался вновь отвернуться к стене, как мальчик покачал головой и прошептал:

— Это невозможно. Это «отчаяние»… не твоё, а моё. Мы внутри пропасти в моём сердце.

— Э?..

— Ты первый, кто достиг этой глубины. Но и те, кто оказывались на гораздо меньшей глубине, не могли выбраться из этой ямы. Так было с каждым, кто был здесь до тебя… эта пропасть исчезнет только тогда, когда исчезнет Ускоренный Мир. Моё отчаяние кончится лишь тогда, когда не останется ни одного из тех, кто предал Фран, кто заставил её страдать…

И когда Харуюки услышал эти слова, он понял.

Стоявший перед ним мальчик — «Первый». Это именно тот бёрст линкер, который на заре Ускоренного Мира с помощью чудовищной ярости и отчаяния, превратившихся в Инкарнацию, исказил облик Артефакта «Судьбы» и меча «Звездомёта», объединив их в Броню Бедствия.

Это Хром Фалькон.

— Так ты… всё это время был здесь? — прошептал Харуюки.

Но ответ был очевиден. Это он породил «зверя», сознание, живущее внутри Брони. И неудивительно, что в самой глубине звериного разума всё ещё жило сознание Фалькона.

И в этом состояла жестокая ирония. Где-то среди данных Брони Бедствия скрывалось и сознание Шафран Блоссом, девушки, любившей Фалькона. Но когда Броня просыпалась и становилась Бедствием, этот шафрановый аватар не мог появиться. И в то же время Фалькон не мог проявить себя, пока Бедствие дремало. Двое возлюбленных были так близко друг от друга, и в то же время они не могли встретиться никогда…

Но…

Нет, это невозможно. Вне зависимости от своего состояния, Бедствие и Судьба были одним и тем же объектом. Харуюки видел это своими глазами, когда попал на центральный сервер Брейн Бёрста. Если внутри шестой звезды Большого Ковша, находящейся в центре мерцающей галактики, действительно жили два сознания, то они уже давно обязаны были встретиться.

Харуюки ненадолго забыл о боли и крепко задумался.

Чем Броня Бедствия, «THE DISASTER», фундаментально отличалась от одного из Семи Артефактов, «THE DESTINY»?

Тем, что Бедствие содержит в себе клинок Звездомёт. Когда эта броня была Судьбой, этот меч был отдельной экипировкой. Шафран Блоссом появлялась только тогда, когда меч отделялся от Брони, когда он становился самостоятельным.

И это значило, что всё это время Блоссом жила не в Броне.

Она жила в мече. В маленькой, едва заметной звезде, мерцавшей рядом с Мицаром. Возможно, она сама не замечала этого, но её сознание всё это время обитало именно в ней.

Харуюки вновь вспомнил длинный, печальный сон, который ожил в его памяти после слияния со зверем. В конце этого сна Шафран Блоссом много раз погибла от зубов гигантского червя Ёрмунгара, а когда погиб Ёрмунгар, он оставил после себя Звездомёт. Казалось, будто именно этот клинок стал наследием Блоссом.

— Так вот… что случилось, — еле слышно прошептал Харуюки.

Если его догадка верна, то существовал способ развеять проклятие Бедствия и разрубить порочный круг, отравляющий Ускоренный Мир. Но даже чтобы попытаться сделать это, ему нужно каким-то образом выбраться из этой темной дыры. И сделать это вовремя.

Харуюки внимательно вгляделся в поникшего, неподвижно стоящего мальчика по имени Хром Фалькон и сказал:

— Я… не сдамся. Потому что я всё ещё жив.

Он обернулся и вскинул изодранную правую руку. Его пальцы уже с трудом слушались его, но он, превозмогая боль, сложил кулак.

— У… а-а-а… — обронил он, изо всех сил замахиваясь… — а-а-а-а-а! — воскликнул он, нанося прямой удар по стене. Послышался глухой удар, и алая вспышка боли разорвалась в его голове.

— Уо-о… а-а-а-а!

Затем удар левой рукой. Он вкладывал в каждый удар всю свою силу, каждый раз разбрызгивая повсюду кровь.

— Это бесполезно… — послышался из-за спины приглушённый голос. — Никто не может выбраться из этого отчаяния. Никто не может остановить цикл Бедствия. Он закончится лишь тогда, когда я останусь в этом мире один.

— Ты… действительно… мечтаешь об этом? — спросил его Харуюки, размахиваясь правым кулаком. — Ты действительно хочешь остаться один… и взвалить на себя всю печаль этого мира? Это значит, что воспоминания обо всех бёрст линкерах останутся лишь у тебя. Ты действительно… мечтаешь об этом одиночестве?!

Ещё один удар изо всех сил. Харуюки отвёл назад истекающий кровью кулак.

— Моя? Нет, это не моя мечта, — тихо раздался холодный, печальный голос. — Это они мечтали о том, чтобы сгинуть в

битвах. Поэтому они предали Фран и убили её. Я просто исполняю их желание.

— Тогда… тогда скажи мне вот что! — воскликнул Харуюки, ударяя по стене левой рукой и разбрызгивая повсюду кровь. — Что насчёт мечты Шафран Блоссом?! Что ты сделал с мечтой человека, мечтавшего о том, чтобы никому не приходилось исчезать из Ускоренного Мира?! Ты не думал, что предаёшь идеалы Блоссом?!

Ответ пришёл не сразу. Наконец, во тьме раздался ещё более тихий голос:

— Фран больше нет…

Короткая пауза.

— Фран покинула этот мир. И мир, в котором её нет, не заслужил надежды. Те люди, что убили Фран, не имеют права на надежду.

— Нет… нет! Нет! — кричал Харуюки, продолжая бить стену окровавленными кулаками. — Пусть Блоссом уже нет, её надежда всё ещё жива! Она всегда находилась рядом с тобой!

— …Ложь.

— Я не вру! Тебе нужно только протянуть руку… выйти из этой стены и протянуть руку, чтобы найти…

— Ложь! — остатки сознания мальчика по имени Хром Фалькон, наконец, перешли на крик. — В этом мире есть лишь отчаяние! И никто не может сбежать от него! Ни ты… ни я!

— Ты думаешь… ты один… знаешь об отчаянии?! — ревел Харуюки, продолжая заливать всё вокруг себя кровью. — Если эта стена — твоё отчаяние… то я уничтожу её за тебя! Это сделаю я, Арита Харуюки, «свинтус», «пицца-юки»…

Почувствовав, что следующий удар станет для его кулака последним, Харуюки изо всех сил отвёл назад правую руку и, вместе с ударом, в который вложил всю свою силу, он прокричал:

— Я уничтожу её!

Громкий звук удара, похожий на тот, который издаёт броня Сильвер Кроу при столкновении, наполнил тьму.

На мгновение повисла тишина…

А затем послышался тихий, но отчётливый звук.

И Харуюки увидел рядом со своим правым кулаком тонкую белую линию. Трещины постепенно начали расходиться.

Мир содрогнулся. Трещин становилось всё больше, и они появлялись всё быстрее. Вскоре они покрыли все стены и пол.

— Ты… — услышал он шёпот позади себя.

Харуюки медленно обернулся и посмотрел на неподвижно стоящего мальчика. Затем он, неожиданно даже для себя, проговорил окровавленными от постоянных прикусываний

губами:

— Мы с тобой ничем не отличаемся друг от друга. Наверное, у всех нас одинаковые корни. У всех, кто живёт в этом мире…

И когда Хром Фалькон, всё это время стоявший с опущенной головой, услышал эти слова, он слегка поднял взгляд. Харуюки не увидел выражения его лица, но когда он увидел смотревшие на него ясным взором глаза…

Тёмный мир разбился на бесчисленные осколки.

— Гр… р-р-у-у-о-а-а!!

Ревущий аватар тёмно-металлического цвета как раз собирался нанести очередной удар правым кулаком.

Харуюки рефлекторно одёрнул кулак, направив его правее. От удара каменный пол «Заката» пошёл трещинами, и башня Роппонги Хилз слегка вздрогнула.

А точно слева от ударившей землю руки…

Была маска Чёрной Королевы Блэк Лотос, разбитая настолько основательно, что казалось, с ней уже невозможно было сделать что-то ещё.

Обе стороны V-образного визора были сломаны, а по закрывавшему глаза стеклу шли бесчисленные трещины. Обезображено и туловище аватара, с него была содрана большая часть брони.

И до такого состояния этого аватара довёл своими руками превратившийся в Дизастера Сильвер Кроу — то есть, сам Харуюки. Пока Харуюки ошарашенно смотрел на эту картину, его левая рука вздрогнула и попыталась сама по себе нанести следующий удар.

Продолжая сидеть на поваленной на землю Чёрной Королеве, Харуюки собрал волю в кулак и остановил свою руку. Тут же в глубине сознания послышался полный ярости рёв «зверя»:

«Почему ты мешаешь мне?!

Это «враг»! Враг, которого мы должны уничтожить!»

Его тело вновь дрогнуло, но продолжения не последовало. Харуюки удалось, по крайней мере, пока, перехватить управление дуэльным аватаром.

Всё ещё держа над собой левый кулак, Харуюки мысленно прокричал:

«Нет!

Это не враг! Это… мой самый любимый…»

Но он сам оборвал свои мысли. Он понимал, что сам не знает того, как долго сможет удерживать контроль. Он должен успеть сделать кое-что до того, как вновь станет берсерком.

Рядом с полуживой Черноснежкой из земли торчал зловещий

меч, не давая ей пошевелить правой рукой. Но этот меч выглядел так не всегда. В далёком прошлом девушка по имени Шафран Блоссом была повержена адским червём Ёрмунгандом. Её посмертная воля воплотилась в серебряном клинке под названием Звездомёт, оставшимся после смерти Энеми, но ярость и печаль Хром Фалькона исказили его вид и сделали его частью Бедствия.

Харуюки считал, что внутри этого меча всё ещё живёт душа Блоссом, и что именно расставание Блоссом и Фалькона породило Бедствие. Они должны встретиться вновь, и есть лишь один способ это сделать.

Но на пути всё ещё оставалось огромное препятствие.

Он прекрасно понимал, почему зверь так взбесился и напал на Блэк Лотос. За мгновение до того, как его атаковала Чёрная Королева, Блэк Вайс принял форму Шафран Блоссом, вновь разворотив самую болезненную рану зверя.

За мгновение до того, как провалиться в тёмную пропасть, Харуюки успел увидеть, как пронзённая в грудь клинком Чёрной Королевы фальшивая Блоссом под видом падения на землю растворилась в их тени.

Сразу после этого клинки Блэк Лотос и Хром Дизастера столкнулись с такой силой, что немедленно уничтожили все способные давать тень объекты на вершине башни Роппонги Хилз. А значит, их противник уже не мог использовать свою способность перемещения по теням.

Другими словами — Блэк Вайс всё ещё скрывается в той самой тени, что окружает их.

Скорее всего, он ещё не заметил, что Харуюки смог прервать своё безумие. Но он наверняка пустит в дело очередной грязный трюк, едва заметив что-либо необычное в поведении Харуюки. Поэтому, если тот не хочет упустить свой шанс на контратаку, ему нельзя допускать ни единой ошибки.

Именно Блэк Вайс и Общество Исследования Ускорения подстроили ту подлую западню, в которую угодили Шафран Блоссом и Хром Фалькон, и именно они обеспечили условия, приведшие к рождению Брони Бедствия. С тех пор прошло больше семи лет, и именно теперь этот трагичный цикл мог либо оборваться… либо Харуюки мог попасть в плен Общества и стать очередной картой в их руках.

Они стояли именно на этой развилке.

Это был тот самый решающий момент.

— Гра-а-а-а! — испустил Харуюки полный ярости вопль, протянул занесённую левую руку к мечу из почерневшего серебра и вытащил его из земли.

Затем он тут же крепко ухватился правой рукой за шею поваленной на землю Блэк Лотос.

«Прости меня, семпай! Обещаю, я обязательно извинюсь перед тобой, когда всё закончится!..»

Сжимая меч в левой руке и Чёрную Королеву в правой, Харуюки выгнулся и проревел:

— Р-р… о-о-а-а-а-а!!

Взвился хвост, широко расправились крылья. Он яростно оттолкнулся от каменного пола и взлетел. Он начал описывать спираль, двигаясь на запад, в сторону солнца. Важны были и угол, и расстояние. Краем глаза он следил за крышей Роппонги Хилз, и в итоге остановился в воздухе в тридцати метрах от неё.

Резкие изменения гравитации, судя по всему, пробудили Блэк Лотос, и её фиолетовые глаза за разбитым стеклом маски моргнули.

Харуюки посмотрел на неё сквозь звериный визор, стараясь вложить в этот взгляд все свои эмоции. До его слуха донёсся шёпот такой слабый, что он был готов в любой момент умолкнуть:

«Хару… юки?..»

«Семпай! Черноснежка-семпай!» — как можно отчётливее ответил Харуюки мысленным голосом, изо всех сил сражаясь со зверем за контроль над аватаром. — «Я понимаю, что после того, как я до такой степени изранил тебя, мои слова уже ничего не изменят… но прошу, доверься мне! Хотя бы на одно мгновение!»

И тут Харуюки показалось, что Черноснежка, словно услышав эти слова, едва заметно улыбнулась.

«О чём… ты?..

Я всегда доверяла тебе. Всегда доверяла… и всегда буду доверять… всегда…»

Эти слова рассыпались в его сознании, словно драгоценные камни, и в следующее мгновение Харуюки ощутил в своей груди невыносимо жаркие чувства.

Он хотел отбросить меч в сторону и изо всех сил обнять Черноснежку. Но он знал, что сможет сделать это, лишь когда со всем будет покончено. А пока ему всё ещё нужно исполнить свой долг. Он должен дать им вновь увидеться друг с другом, чтобы развеять проклятие Брони и положить конец веренице трагедий.

— Гр-ро-о-о… а-а-а-а!!!

Небо «Заката» содрогнулось от неистового рёва Дизастера, и вместе с ним Харуюки перехватил меч обратным хватом и высоко занёс его.

Если бы кто-то увидел эту сцену сверху или снизу, им было бы совершенно очевидно, что Харуюки вовсе не собирался

пронзать этим клинком аватара, которого он держал правой рукой. Но башня Роппонги Хилз была за его спиной, и огромный аватар с раскинутыми в стороны крыльями должен полностью скрывать происходящее.

Харуюки затаил дыхание, собрал в кулак волю, желания и молитвы, соединил их в положительную Инкарнацию, сфокусировал их на руке и начал опускать клинок.

Остриё прошло мимо Чёрной Королевы, лишь слегка задев её тело, и направилось точно к центру Брони Бедствия, точно к сердцу Харуюки. И как только оно слегка погрузилось в грудь…

«Ты решил предать меня?! Теперь и ты захотел предать и уничтожить меня?!»

В сознании раздался полный неистовой ярости голос «зверя». Но в этом рёве слышался и отзвук печали.

«Нет! Я не пытаюсь уничтожить тебя! Этот клинок тебе не навредит!»

Как можно убедительнее ответил Харуюки зверю мысленным голосом. Но в следующее мгновение его едва не захлестнула волна невероятной ненависти.

«Ты врёшь! Все люди — лжецы, обманщики и предатели! Я не верю никому!»

Этот голос звучал почти как плач, и вместе с ним из открывающейся в груди раны хлынула чёрная аура. Она попыталась окутать собой меч и вымыть его из груди. Харуюки отчаянно сопротивлялся давлению и кричал:

«Я не прошу тебя верить мне! Но… в этом мире есть один человек, который любит тебя, который думает о тебе! Доверься… ей!»

Из левой руки Харуюки, сжимающей клинок, вырвался чистый белый свет.

Чистое сияние начало окутывать зловещий меч от рукояти и до острия. И касания света начали изменять его форму. Когда свет исчез, клинок казался прозрачным, и в нём сверкали несколько звёзд. Это был гладкий меч серебряного цвета, Усиливающее Снаряжение под названием «Звездомёт».

— Уо-о… а-а-а-а!! — закричал Харуюки уже своим собственным голосом и глубоко пронзил свою грудь вернувшимся к своему изначальному облику клинком.

Числового урона не последовало. Не было ни боли, ни ощущения удара. Но чувства Харуюки отрезало от мира, и перед

ним появилось видение.

Бесконечная тьма, в которой виднелась непробиваемая скорлупа.

И по этой скорлупе, накрывавшей собой весь мир, пробежала маленькая трещина. Сквозь неё пробился чистый свет, похожий на луч весеннего солнца. Трещина постепенно росла, свет становился сильнее, и оттуда, из мира ослепительного света, в мир тьмы летел некто с протянутыми руками.

Её тело покрывала шафрановая броня в цветочном стиле. Под короткими волосами сверкали глаза небесно-голубого цвета, с которых скатывались прозрачные капли. Это та самая девушка, Шафран Блоссом, все эти годы жившая внутри Звездомёта и истово молившаяся.

Блоссом мягко опустилась на землю и повернулась точно к центру мира тьмы.

И там, в центре, было нечто огромное и клыкастое. Оно пылало чёрным пламенем, а его глаза были наполнены кровью. «Зверь».

Шафрановая девушка бесстрашно пошла вперёд и протянула зверю руку.

— Прости, что ты столько времени был одинок. Я знаю, ты скучал… я знаю, ты страдал.

Зверь издал глухой рык. Он покачал головой, словно не веря в то, кто находится перед его глазами, и попытался отступить назад.

Но Блоссом продолжила уверенно идти вперёд. Вскоре она нагнала зверя и без колебаний обняла его шею обеими руками. Она нежно погладила его по пылающей шкуре и прошептала:

— Теперь мы всегда будем вместе. Всегда… вместе…

А в следующее мгновение…

Покрывавшая зверя чёрная аура с громким звуком лопнула. Волна энергии наполнила всю «скорлупу», а затем собралась обратно...

Вместо дуэльного аватара там стояла маленькая живая девочка.

Волосы её были по-мальчишески коротки. Она была одета в свитер, который ей немного великоват, и брючную юбку. В руках она держала чёрную кошку.

Девочка нежно улыбнулась, обняла котёнка и сделала несколько шагов вперёд. Перед ней, совсем недалеко, стоял мальчик, Хром Фалькон.

Губы мальчика дрогнули, и он неуверенно поднял руку.

Девочка же в ответ начала бежать. Расстояние между ними сокращалось, а затем коснулись протянутые друг другу пальцы,

переплелись и крепко сжали друг друга…

«Фаль!»

«Фран!»

И когда они позвали друг друга по именам, по металлической скорлупе нежно пошла волна.

А в следующее мгновение толстая скорлупа, закрывавшая собой мир, разбилась на мириады цветочных лепестков.

Они растворялись на свету, и вместе с ними испарялись страдания, ненависть и печаль, наполнявшие Броню. Они уплывали, утекали в бесконечную даль с тихим звуком дрожащих на ветру колокольчиков…

За мгновение до того, как он вернулся из видения в реальный мир, Харуюки услышал голос:

«Прощай, мой последний напарник.

Ты… силён. Сильнее меня. Сильнее всех, кого я побеждал. Сильнее всех, кто побеждал меня. Сильнее всех и каждого.

Надеюсь… твой свет уничтожит все до единого корни зла, оставшиеся в этом мире…»

И когда стих этот голос, Харуюки вновь оказался в Ускоренном Мире, на уровне «Закат».

Его правая рука держала израненное тело Блэк Лотос. В левой не было ничего.

Его броня сияла в лучах закатного солнца чистым зеркально-серебристым светом.

Глава 10

— Семпай… — сказал Харуюки, пытаясь вложить все свои чувства в одно-единственное слово.

Его едва не разрывали на части муки совести — ведь несмотря на то, что он поклялся защищать свою Королеву любой ценой, он впал в столь глубокое безумие и так сильно ранил Блэк Лотос.

Но Черноснежка принимала на себя удары потерявшего над собой контроль Харуюки совершенно сознательно. Хоть она и была Королевой, способной одним ударом нанести огромный урон даже Судзаку, Энеми Ультра класса, и могла, как минимум, использовать свою силу для того, чтобы уничтожить Хром Дизастера ценой собственной жизни, она этого не сделала. Она вытерпела эти безжалостные побои, все до единого. Она верила, что, в конце концов, Харуюки сможет вернуть свой рассудок…

Услышав дрожащий голос, звавший её по имени, Черноснежка ещё раз неуверенно моргнула глазами, сокрытыми за разбитым стеклом. Её ответ прозвучал одновременно с дуновением ветерка и не уступал ему ни в нежности, ни в мягкости.

— С возвращением, Сильвер Кроу… ты молодец… — сказала она и погладила его по гладкому шлему сломанным клинком левой руки.

— Сем…пай… — ещё раз прерывающимся голосом произнёс Харуюки, стараясь не зарыдать.

Он хотел уткнуться в её грудь лицом и заплакать, словно младенец. Но пока он не мог этого сделать. Ему нужно сделать ещё кое-что, ещё одну вещь. Он должен исполнить обещание, данное зверю, своему временному, хоть и бестелесному, партнёру. Чтобы «уничтожить все корни зла», уйдёт немало времени… но первый удар он мог нанести уже сейчас. Ради Чёрного Легиона и ради всех бёрст линкеров.

И мысли Харуюки словно передавались сквозь броню аватара Черноснежке. Она еле заметно кивнула и прошептала:

— У нас будет только один шанс, только одно мгновение. Мы с тобой — аватары ближнего боя, и поэтому вынуждены будем использовать дальнобойную Инкарнацию. Но у нас нет времени заряжать и фокусировать воображение… поэтому с тебя точность, а с меня сила.

Хотя Черноснежка и была изранена так, что, казалось, уже не может сражаться, слова её были полны боевого духа. Харуюки кивнул в ответ и очистил своё сознание.

— Начинаю отсчёт… два, один, ноль!

А затем они развернулись так синхронно, словно общались телепатически.

Перед глазами, чуть ниже их высоты, появилась огромная белая башня Роппонги Хилз. Её крыша была совершенно плоской — схватка Блэк Лотос и Хром Дизастера смела с неё все объекты.

В самом центре этой крыши оставалась одинокая чёрная точка. Эту тень отбрасывали на башню парящие в воздухе Черноснежка и Харуюки. Но эта тень не просто виртуальный световой эффект. В ней скрывается столь ненавистный им противник.

Да, внутри этой маленькой тени прячется чёрный пластинчатый аватар, представившийся вице-президентом Общества Исследования Ускорения, Блэк Вайс. Один из тех «корней зла», которых упоминал зверь перед тем, как исчезнуть.

— Кроу, руку! — послышался резкий возглас, и Черноснежка вытянула вверх всё ещё целую правую руку.

Остриё клинка загорелось мягким золотистым Оверреем, а затем распалось, превратившись в изящные пальцы. Харуюки рефлекторно вытянул левую руку и крепко обвил пальцы Черноснежки своими.

Сцепившиеся руки испустили две ослепительные ауры — серебряную и алую.

В этот самый момент их противник, наконец, почуял, что что-то пошло не так, и из середины тени, находившейся в тридцати метрах от них, выплыла плита. Это и был Блэк Вайс. Плита тут же принялась скользить по полу, не отрываясь от него. Она стремилась к противоположной стороне крыши — точнее, к огромной тени, которую сама башня отбрасывала на восток.

Если бы на вершине башни ещё остались все те колонны и стены, что были на ней с самого начала, то этот пластинчатый аватар смог бы легко сбежать с поля боя, даже не покидая теней, благодаря своей невероятной способности.

Но на крыше уже не осталось ничего, что могло бы давать тени. А вокруг Роппонги Хилз не было ещё более высоких строений. Единственной тенью в округе была та, что давали висевшие в небе Черноснежка и Харуюки. Но и эта тень была там не случайно. Харуюки поднимался на эту точку специально, чтобы тень появилась именно там, где надо.

И именно благодаря всем этим причинам, в этот раз Блэк Вайс не мог воспользоваться той самой «способностью к побегу», которой он так гордился.

И поэтому у них был шанс.

Харуюки как можно быстрее фокусировал образ света на

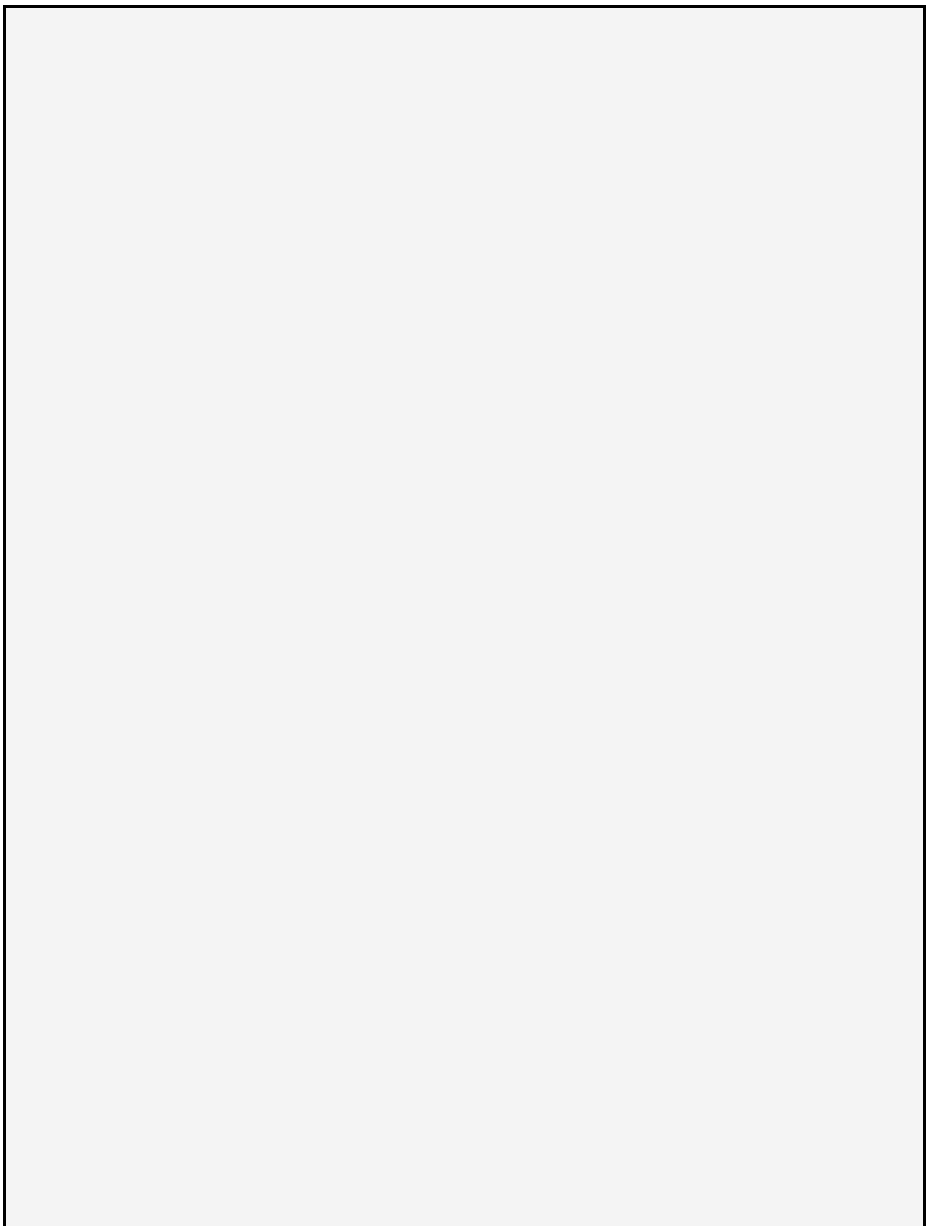
своей руке. Появившийся Оверрей серебристого цвета начал спирально переплетаться с алым Оверреем Черноснежки.

— Лазер Ланс!

— Ворпал Страйк!!

Одновременно раздались названия техник, накладываясь друг на друга.

Две ауры, окутывавшие сцепившиеся руки, вытянулись, образовав похожую на ДНК спираль, которая затем превратилась в гигантское копьё.



А затем они синхронным движением метнули копье точно в башню. Серебряно-алое копьё улетело вперёд, оставляя за собой расходящиеся в воздухе волны, с лёгкостью нагнало пытающуюся сбежать плиту, и двойное остриё попало точно в его середину…

И Харуюки увидел, как тонкая плита распалась на бесчисленные осколки, разлетевшиеся во все стороны.

Но копьё не остановилось на этом и вошло в белую крышу с

такой лёгкостью, словно она состояла из воды.

Копьё целиком исчезло внутри башни с резонирующим звуком.

Через несколько секунд башня ощутимо завибрировала, начиная с основания. Её стены, украшенные в стиле древнегреческих храмов, вздрогнули, и с них начали осыпаться объекты. Но этим всё не закончилось, по стене одна за другой побежали крупные трещины, из которых начали вырываться похожие на пламя импульсы энергии…

А в следующий миг башня Роппонги Хилз, одно из самых огромных сооружений Ускоренного Мира, превратилась в груду обломков и рухнула на землю.

Несмотря на масштаб случившегося, Харуюки не ощутил от разрушения башни ничего, кроме того, что его шкала энергии моментально заполнилась до предела. Гораздо больше эмоций у него вызвало появившееся слева сообщение о том, что он получил бёрст поинты. Это значило, что их составная Инкарнационная Атака опустила здоровье Блэк Вайса до нуля… а значит, он погиб.

Естественно, для большинства бёрст линкеров собственная смерть в Ускоренном Мире была ежедневным событием. Оно всего лишь отбирало у бёрст линкера немного очков, и он мог продолжить сражаться, либо начав следующую дуэль, либо возродившись через час на неограниченном нейтральном поле. Но у этого правила было и исключение.

— Семпай! — воскликнул Харуюки, поворачиваясь к Черноснежке и всё ещё держа её за руку. — Он был…?!

Хотя он и не договорил вопрос, Чёрная Королева кратко качнула головой.

— Увы. Судя по тому, сколько мы получили очков, он восьмого уровня…

— Ясно… — со вздохом пробормотал Харуюки.

Если бы «Сковыватель» Блэк Вайс, как и Черноснежка, имел девятый уровень, то в этот момент сработало бы правило внезапной смерти, действующей на дуэли аватаров девятого уровня. Он моментально лишился бы всех очков и покинул Ускоренный Мир. Вайс, судя по всему, был одним из старейших ветеранов Ускоренного Мира, и у него хватало и знаний, и опыта, и времени, чтобы достичь девятого уровня. Но, вопреки ожиданиям Харуюки, их противник решил не идти дальше восьмого.

А это значит, что после смерти от Инкарнационного копья пластинчатый аватар превратился в маленький маркер смерти и возродится через час. Если его удастся поймать после воскрешения и вновь убить, то однажды им, быть может, и

удалось бы окончательно лишить его очков, но…

— В такой груде обломков мы его маркер вряд ли отыщем… — сказала Черноснежка, и Харуюки окинул взглядом останки того, что когда-то было башней Роппонги Хилз.

Пирамида обломков состояла из десятков или даже сотен тысяч объектов, и перебирать их всех в поисках маркера смерти было действительно нереально.

— Да и теней на земле очень много. Кажется, в следующий раз он сбежит крайне быстро.

— Ага, согласна. Но… всё-таки нам удалось один раз победить этого типа, который так хвастался своим умением сбегать. Думаю, в серьёзности наших намерений мы его убедили, — ответила Черноснежка и медленно отпустила руку Харуюки.

Её тонкие пальцы с тихим звуком рассыпались.

— А!.. — вскрикнул Харуюки, но Чёрная Королева лишь нежно улыбнулась и сказала:

— Чуть больше двух минут. Однозначный рекорд.

— Семпай…

Харуюки вновь протянул правую руку и положил её на сломанный чёрный клинок.

Он столько всего хотел ей сказать, но чувства вновь встали комом в его груди, не давая произнести ни слова.

Нельзя даже сказать, что всё позади. Пусть проклятие, создавшее Броню Бедствия, больше не действовало, этот артефакт с точки зрения системы всё ещё существует и всё ещё принадлежит Сильвер Кроу. Его нужно «очистить» и вновь превратить в вещь, отделив Броню от тела аватара, и лишь тогда эту миссию можно будет считать завершённой. А что до ISS комплектов, то эта крупномасштабная операция Общества Исследования Ускорения всё ещё шла в полную силу, не сбавляя обороты.

Харуюки вновь сдержал возникшее желание изо всех сил обнять искалеченное тело Черноснежки, которую он держал левой рукой. Вместо этого он медленно развернулся на северо-восток.

Перед глазами появилось сооружение ещё более внушительное, чем башня Роппонги Хилз — Токио Мидтаун Тауэр.

— Семпай, ты видишь прозрачного Энеми, скрывающегося на вершине Мидтаун Тауэра?

— …Да, — прошептала она через несколько секунд.

На первый взгляд, рядом с освещаемой вечерним солнцем вершиной башни ничего не происходило. Но приглядевшись, можно было заметить, как солнечный свет преломлялся, словно

на ней сидело нечто огромное.

— Айрон Паунд из Грево сказал мне, что это Энеми Легендарного класса, Архангел Метатрон. Кто-то приручил его и перетащил сюда из подземелья.

— Метатрон?.. Из Собора? Получается… что к этой башне нельзя даже приблизиться, пока на поле не установится редчайший уровень «Ад»?..

— Да, именно так. Когда во время прошлого погружения вы увидели на юге огромный взрыв, это была невероятной мощности лазерная атака Метатрона в ответ на Реактивный Кулак Паунда.

— Понятно… да, масштаб действительно сходится. Выходит, что именно в Мидтаун Тауэре…

Харуюки тут же подхватил шёпот Черноснежки:

— Да. Именно там находится тело ISS комплекта… другими словами, это штаб Общества Исследования Ускорения.

— …

Черноснежка напряжённо вглядывалась в стоящую вдали огромную башню и молчала. Через несколько секунд она чуть расслабилась и прошептала:

— Как же мне хочется прямо сейчас разрубить его на части… но Фуко и остальные разозлятся, если мы начнём без них. Так что атакой на крепость насладимся как-нибудь в другой раз.

Хотя её голос и звучал крайне недовольно, Харуюки невольно улыбнулся. Черноснежка, почувствовав это, улыбнулась сама и произнесла уже другим тоном:

— Ну что, пора потихоньку возвращаться. Ближайший портал…

— А… ч-чёрт. Он был внутри Роппонги Хилз… его, наверное, смело вместе со зданием, — обеспокоенно сказал Харуюки, но Черноснежка в ответ засмеялась.

— Ха-ха-ха, не переживай. Порталы невозможно уничтожить никакими атаками. Их координаты строго зафиксированы, он всё ещё должен быть на своём месте…

Харуюки рассеянно заводил взглядом, и вскоре действительно нашёл синий овал, висящий в воздухе немного ниже крыши. Эта похожая на водную гладь плоскость была односторонней дверью в реальный мир.

Харуюки подхватил израненное тело Черноснежки обеими руками, расправил блестящие крылья и начал плавно опускаться. Портал казался всё больше, и вскоре его пульсирующий свет начал отражаться с поверхности их аватаров.

Перед тем как влететь в портал, Харуюки ещё раз развернулся и окинул взглядом вечно закатный пейзаж Заката. Вдали, за Роппонги, Сирокане и Синагавой в бесконечную даль

уходила освещаемая оранжевым светом Токийская Бухта. Этот вид почему-то показался Харуюки настолько знакомым и родным, что к глазам едва не подступили слёзы.

Как только они покинули неограниченное нейтральное поле, пройдя через голубое кольцо портала…

Что-то мягкое и упругое прижалось к лицу Харуюки, полностью закрыв ему обзор. Он не сразу вспомнил, откуда погружался, и в панике задёргал руками.

Ему показалось, что руки его гладят нечто шелковистое (хотя Харуюки никогда в жизни не держал в руках натурального шелка). Он вспомнил, что испытывал очень похожее ощущение совсем недавно… да, это было после того, как он потерял сознание во время баскетбольного матча, очнулся в школьном медкабинете, там на его кровать неожиданно смело забралась Черноснежка, чтобы соединиться с ним кабелем, и он ощутил на себе её длинные волосы… хотя, погоди-ка…

— Ты действительно потрудился на славу, Харуюки, — вдруг услышал он шёпот у своего левого уха.

И в этот момент Харуюки вспомнил, где он был:

В зале симпатичного коттеджа, расположенного в уголке «ГЖК Асагая» на юге Сугинами. На большой подушке возле окна, служившей ему диваном. А его голову крепко прижимала к себе хозяйка этого дома, его «родитель», командир Легиона «Нега Небьюлас», зампредседателя школьного совета средней школы Умесато, Чёрная Королева Блэк Лотос… Черноснежка.

«Я впервые оказался в гостях у неё дома… мы соединились напрямую, сидя на этой огромной подушке, произнесли «анлимитед бёрст» и погрузились на неограниченное поле… а там…»

Прокрутив в голове события до этого момента, Харуюки резко вздрогнул. Мысленный голос сам по себе превратился в настоящий:

— Я… т-так сильно… ранил тебя… семпай…

— Хватит! — резкий голос вдруг прервал его исповедь.

Черноснежка резко отпустила его голову, заглянула ему в глаза и гораздо более мягким тоном сказала:

— Тебе не за что передо мной извиняться. Ты великолепно сражался и сделал то, что должно быть сделано. Это всё. Если собираешься кого-то винить, вини меня за то, что я забыла предусмотреть возможность засады…

— Т… ты что, это я… должен был быть предусмотрительнее. Ведь я ещё до погружения знал, что мы окажемся совсем рядом с их штабом, но…

— Даже если бы ты проявил максимальную осторожность, я сомневаюсь, что мы смогли бы избежать засады, подстроенной этим чёртовым фанерным аватаром. И поэтому… нам, скорее, стоит радоваться тому, как хорошо мы сражались. Ведь, в конце концов… ты остался таким же, каким был до погружения, и можешь говорить со мной…

Шёлковый голос Черноснежки нежно ласкал слух измученного Харуюки. Он позволил ей погладить себя по голове, отчего едва не забыл обо всём на свете. Но тут он вспомнил ещё кое-что и спросил:

— А… кстати, ты ведь… что-то сказала перед тем, как мы погрузились?

— М-м, да?

— Э-э… «если вернёмся живыми»... то что-то там…

Он посмотрел на Черноснежку рассеянным взглядом.

И её бледное лицо вдруг заметно порозовело. Она дрогнула так, что едва не подпрыгнула на месте, и движение это оказалось таким резким, что она потеряла равновесие.

Тут же протянутые руки Харуюки не смогли исправить положение, и Черноснежка звучно осела на пол. Через пару секунд она подняла лицо, делая вид, что ничего не случилось, прокашлялась и сказала:

— Кхм… м-может, что-то такое я и говорила. Э-э, я хотела сказать, что если мы вернёмся живыми, то отпразднуем это превосходной едой, которую я приготовлю сама.

Говорила она явно неловко и бегала глазами, но сознание Харуюки уловило лишь одно слово: «еда». Этим вечером он ел лишь суши и роллы, но и теми пришлось делиться с пятью остальными легионерами (и с Кусакабе Рин). Конечно, он не занимался физической работой, но психически был перегружен всеми случившимся событий. За эти три с небольшим часа случилось следующее:

Сегодня, 20 июня 2047 года в 7 часов вечера они погрузились в дворец Имперского Замка вместе с Синомией Утай (Ардор Мейден). Там они встретились с таинственным аватаром-самураем по имени Трилид Тетраоксид, смогли с его помощью убить одного из патрулирующих Замок Энеми и сбежать.

Сразу после этого на них напал Энеми Ультра класса Судзаку, охраняющий мост, ведущий к южным вратам Замка. Черноснежка и Фуко выступили приманками, дав Харуюки спасти Мейден, а затем он пришёл к ним на помощь и с помощью Инкарнационной техники «Скорость Света» покинул пределы

атмосферы. Судзаку, лишившийся своего огненного щита, был побеждён сильнейшей Инкарнационной техникой Черноснежки, «Стремительным Звездопадом».

На этом «операция по спасению Ардор Мейден» окончательно завершилась, и они могли покинуть нейтральное поле, но Харуюки вместо этого отправился на поиски Аш Роллера, не пришедшего на встречу.

Затем он обнаружил в Сибуе, на улице Мейдзи, шестерых владельцев ISS комплектов, избивающих Аш Роллера. Он потерял рассудок и призвал дремавшую Броню Бедствия. Став Шестым Хром Дизастером, он с лёгкостью расправился с владельцами комплектов и ушёл с поля боя.

После этого он встретился с Зелёным Королём Грин Гранде и охранявшим его Айрон Паундом на крыше Роппонги Хилз. В ходе тяжёлой битвы ему удалось победить Паунда и один раз попытаться ударить Зелёного Короля. Вскоре после этого его аварийно отключили от сети.

В 7 часов 20 минут Харуюки попытался сбежать из дома, заперев остальной Легион в своей квартире. Но в торговом центре на первом этаже дома его поймала «ребёнок» Фуко, Кусакабе Рин, она же Аш Роллер. Они отправились на подземную парковку, где поговорили, а затем вступили в кабельную дуэль.

В 7 часов 40 минут Фуко, Тиюри и Черноснежка отыскали его. Взяв с Харуюки обещание больше не убегать, в 8 часов Легион разошёлся по домам. После этого Харуюки какое-то время делал домашнюю работу.

В 9 часов он оставил матери сообщение о том, что сегодня не будет ночевать дома, и вновь попытался выйти наружу. Но у входа его перехватила Черноснежка, усадила в такси и привезла в южную Асагаю, к себе домой. После длительного разговора они вновь погрузились на неограниченное нейтральное поле.

В 10 часов 15 минут они вступили в битву с вице-президентом Общества Исследования Ускорения Блэк Вайсом на вершине башни Роппонги Хилз. Благодаря уловкам Вайса Харуюки впал в совершенно неуправляемое безумие и обнаружил в глубине контура воображения Первого Хром Дизастера Хром Фалькона. Там он разгадал секрет Брони Бедствия, состоящей из

двух артефактов, и смог развеять её проклятие…

Вес этих событий в мысленных расчётах Харуюки лишил его как минимум двух с половиной тысяч килокалорий, и мысли о еде, приготовленной Черноснежкой, казались слишком привлекательными, чтобы от них отмахнуться.

Харуюки и сам встал с подушки и направился вслед за Черноснежкой на кухню.

С учётом того, что этот дом явно задумывался как жильё на одного человека, кухонный уголок был весьма просторным, но, как и дома у Харуюки, блеск раковины и плиты указывали на то, что кухней почти не пользовались. Более того, никаких кастрюль и сковородок Харуюки тоже не заметил, но решил, что умение убрать утварь так, что её не заметно — признак искусной хозяйки. Затем он обратился к направившейся к холодильнику Черноснежке:

— А, э-э, тебе помочь? Я готовить, конечно, не умею… но картошку почистить могу…

— О, это уже неплохо. В следующий раз научишь. У меня почему-то вместе с очистками теряется большая часть картошки.

— К-конечно, в любое время… э?

Харуюки моргнул — эта фраза явно не соответствовала образу «превосходного» повара. А в следующий момент Черноснежка открыла вместительный холодильник, и Харуюки увидел, что он был полон не овощей, мяса, рыбы и фруктов… а сложенных друг на друга белых коробок.

— Харуюки, тебе какая кухня больше нравится? Есть японская, западная, китайская, итальянская, испанская, немецкая и французская, — спросила она его с совершенно серьёзным видом, и Харуюки задумался.

Что-то в этом перечне показалось ему странным.

— А, э-э… а чем «западная» отличается от испанской, итальянской и так далее?

— Что тут непонятного, западная она и есть западная. Можно сказать, это и есть традиционная японская еда. Я лично люблю рагу из говядины и макароны в соусе.

— Я-ясно… х-хорошо, пусть будет «западная», рагу из говядины…

— Отлично. Тогда себе я сделаю макароны в соусе.

Черноснежка вытащила из середины башни две коробки, запихнула их в микроволновку рядом с собой и нажала на кнопку.

— Через пять минут будет готово. Можешь идти за стол.

«Это и есть еда, которую ты готовишь сама?» — задумался

Харуюки, но решил, что, по крайней мере, кнопку включения на микроволновке действительно нажала она. Убедив себя, что этого достаточно, он поспешил обратно в зал.

Вскоре горячее рагу перебралось из упаковки на керамическую тарелку. Никакие сомнения в том, кто именно его сделал, не могли отменить того факта, что оно было очень вкусным. По сравнению с остальными видами замороженных полуфабрикатов (в которых Харуюки прекрасно разбирался), оно обладало гораздо более насыщенным вкусом и не скупилось ни на количество, ни на разнообразие овощей. Судя по тому, насколько просто выглядела коробка, в которой оно хранилось, скорее всего, эту еду делали в каком-нибудь неплохом ресторане. К рагу прилагался и салат, полностью решавший возможные вопросы о питательности блюда, но Харуюки, с аппетитом уплетавший еду, всё никак не мог отделаться от мысли, что этот ужин отличался от обычного поедания разогретой пиццы чем-то ещё. А именно…

— Давай меняться, Харуюки. Открывай рот, — вдруг послышался голос, а перед лицом появилась вилка.

Харуюки рефлекторно открыл рот и получил обильно сдобренные соусом макароны, не утратившие характерной текстуры даже после заморозки. Черноснежка с улыбкой смотрела на то, как он пережёвывал их, а затем опустила взгляд на его тарелку.

— Так, а взамен мне, пожалуйста, вон тут большую морковку…

— А, сейчас…

— Точнее, вон тот кусок говядины.

— А, сейчас… э, не-не-не, ты что! Я его с-с-с-специально берег…

— Сам виноват, что не узнал, что я попрошу взамен. Давай.

С этими словами она закрыла глаза и открыла рот, и Харуюки ничего не осталось, кроме как принести ей в жертву лакомый кусок мяса. Он выловил его ложкой и, сражаясь с собственными чувствами, переложил в рот Черноснежке. Та тут же принялась безжалостно пережёвывать мясо, а затем, всё ещё не открывая глаз, блаженно улыбнулась.

— Всё-таки любая еда кажется вкуснее, когда ешь её с кем-то.

Эти слова точно выразили ту самую мысль, что всё это время вертелась в голове Харуюки.

Какой бы вкусной ни была еда, Харуюки понимал, что Черноснежка каждый вечер ужинала одна. А ужинать в одиночестве тоскливо. Каким бы вкусным и питательным ни был ужин, он не был способен разогнать эту тоску. И Харуюки хорошо

знал это чувство.

— Слушай, семпай… — забыв о потерянной говядине, Харуюки попытался выразить переполнявшие его чувства словами.

— М? Мясо уже не верну. Слишком поздно.

— Д-да я не про мясо… это самое…

Он крепко сжал в руке ложку, словно ища у неё защиты, а затем посмотрел точно в чёрные глаза Черноснежки, сидевшей меньше чем в метре от него, и, собравшись с силами, сказал:

— Э-э, прямо сейчас у нас, пожалуй, не выйдет… но может, однажды, мы сможем… ужинать вместе каждый день?..

Это было не так уж невозможно. Даже с учётом того, что ключевой фразой здесь было «каждый день», они могли иногда заходить после школы к Харуюки, иногда сидеть в комнате школьного совета после уроков… в общем, Харуюки хотел сделать всё возможное, чтобы Черноснежке приходилось как можно реже ужинать одной.

И именно это он пытался выразить своими словами.

Но вот реакцию Черноснежки он не ожидал. Вначале она уронила вилку, которую держала в правой руке, точно в макароны. Она попыталась поднять её, но коснулась пальцем горячего соуса, вскрикнула, попыталась дотянуться до стакана с холодной водой и опрокинула ещё и его.

К счастью, воды в нем почти не было. Харуюки быстро поставил его обратно, а затем ошарашенно посмотрел вперёд.

Черноснежка сидела, прижав руки к груди и не двигаясь. Лицо её было уже скорее красным, но выражения Харуюки не видел. И вряд ли все это вызвано лишь удивлением…

Через несколько секунд она смогла выдохнуть и ответить:

— Опять?.. Ты опять это сделал?

— Э? Что значит, опять?.. Мы уже обсуждали с тобой ужины?

— Нет… тема, может, и новая… но ты уже во второй раз чуть не перегрузил мою сосудистую систему.

После этой непонятной фразы она протяжно вздохнула. Затем она посмотрела прямо в глаза всё ещё ошарашенного Харуюки и нежно улыбнулась ему. Эта улыбка показалась Харуюки смутно знакомой.

— Хорошо… я готова обещать тебе столько раз, сколько нужно.

Встав, она обошла стол по кругу и протянула Харуюки руку с оттянутым мизинцем.

— Что же, давай поклянёмся друг другу.

Харуюки неуверенно протянул руку и зацепился за её мизинец своим. Черноснежка начала медленно качать их руки,

улыбаясь и приговаривая:

— Обещаю. Когда-нибудь мы с тобой будем ужинать вместе каждый день.

Глава 11

21 июня, пятница. 7 часов вечера.

Дома у Харуюки, как и вчера, собрался весь Нега Небьюлас. К сожалению или к счастью, Кусакабе Рин, Аш Роллер, сегодня не пришла. Ей влетело от отца за то, что она пришла домой после восьми вечера, и поэтому он строго приказал ей сегодня вернуться домой вовремя.

— А я-то думала, почему такой колоритный персонаж почти не участвует в ночных дуэлях... — протянула Тиюри, раскрывая для себя ещё одну тайну.

«Родитель» Рин, Фуко, усмехнулась.

— В том, что касается вождения, она не то что скутером, даже велосипедом управляет с трудом. Конечно, в Ускоренном Мире мало Идеалов, но они всё же есть, а вот Рин, пожалуй, уникальный случай Антиидеала.

— А-ха-ха, это точно! Хотя, Хару тоже весьма близок к уровню Антиидеала.

Неожиданно оказавшийся под ударом Харуюки выронил лапшу.

Естественно, перед ними в очередной раз была еда, приготовленная мамой Тиюри, причём сегодня она сделала своё фирменное блюдо. При этом еда была крайне простой: для парней она приготовила просто варёную лапшу, а девушкам — суп с лапшой и специями. Но хотя на приготовление мама Тиюри потратила каких-то двадцать минут, жарким летом смешанная со льдом лапша казалась невероятно вкусной. Особенно когда рядом ей же наслаждались твои друзья.

Харуюки вновь потянулся палочками к огромной тарелке, вылавливая новую порцию и сдабривая её имбирём, и одновременно с этим пытаясь отразить нападение:

— У-у меня с Сильвер Кроу много общего. Например... мы оба уязвимы, постоянно требуем дозаправки и боимся статического электричества...

«UI> Это ведь всё недостатки», — кратко вмешалась Утай, не забыв, однако, об этикете и аккуратно сложив перед этим палочки. Фраза вызвала дружный смех.

Через пятнадцать минут с едой и приборкой было покончено, и они перебрались на диваны. На лицах появилась напряжённость.

Расположившись на «командирском» месте, Черноснежка обвела всех взглядом и спокойным тоном произнесла:

— Как мы уже успели объяснить, Харуюки вчера вечером, не

без труда, но удалось лишить Броню Бедствия её источника энергии — её негативной Инкарнации. Поэтому Броня на данный момент лишилась своей воли и превратилась в обычное Усиливающее Снаряжение. Но...

Черноснежка бросила быстрый взгляд на Харуюки, и тот кивнул в ответ.

Сегодня во время обеденного перерыва Харуюки пришлось писать рассказ, описывающий события, случившиеся вчера после того, как Легион разошёлся по домам. Естественно, ему пришлось опустить всё, что касалось посещения дома Черноснежки.

— Но при этом, с точки зрения системы, Броня всё ещё паразитирует на теле Харуюки. Без «очищения» Утай упрямые Короли не признают уничтожение Брони состоявшимся. Утай?

Она вновь перевела взгляд, и самый молодой участник Легиона уверенно набрала на клавиатуре:

«UI> Я полностью готова. Именно ради этого я сюда и пришла... но поскольку я пытаюсь отделить вещь уровня Артефакта, очищение займёт немало времени. Как минимум— час.»

— Хорошо. Это значит, что все, кроме Харуюки и Утай, должны будут охранять их от атак Энеми и, если понадобится, гуляющих по полю низкоуровневых бёрст линкеров. Конечно же, мы выберем место подальше от маршрутов больших Энеми, но, как вам всем известно, они чуют Инкарнацию...

Когда Черноснежка затихла, Такуму приятно улыбнулся и сказал:

— И даже если это случится, мы заработаем на них столько очков, что возместим стоимость погружения на неограниченное поле, командир.

— Хе-хе, именно. Если всё будет совсем плохо, мы можем оттащить Энеми в Синдзюку — пусть с ним развлекаются охотничьи отряды Леонидов, — с улыбкой произнесла жутковатую фразу Скай Рейкер.

На этой весёлой ноте совещание и закончилось. Как и вчера, в целях безопасности они подключились к глобальной сети через сервер квартиры Харуюки.

Это уже четвёртый раз за неделю, когда Харуюки погружался на неограниченное нейтральное поле, но впервые за всю неделю он произносил команду «анлимитед бёрст» без страха и сомнения, ощущая лишь тепло и уверенность в своих друзьях.

Будучи «Пылающей Жрицей» Ардор Мейден и «Элементом» Первого Нега Небьюласа, Синомия Утай обладала силой, могущество которой Харуюки видел уже не раз. Она всухую одолела Олив Граба и его ISS комплект, выжгла Буш Утана вместе

со всем дуэльным полем, а затем буквально расплавила в магме огромного рыцаря, охранявшего дворец Имперского Замка. Харуюки уже не сомневался в том, что её пламя — одно из сильнейших в Ускоренном Мире.

Но истинная сущность её силы заключалась не в «разрушении», и именно в этом и предстояло убедиться Харуюки.

В качестве площадки для очищения был выбран Коэндзи — территория того самого храма, в честь которого и назван район, в котором жил Харуюки. Конечно, Коэндзи — это буддийский храм, а поскольку Ардор Мейден являлась воплощением синтоистской жрицы, уместнее было бы проводить очищение в синтоистской часовне, но, во-первых, Утай не слишком возражала против храма, а во-вторых, никаких часовен поблизости просто-напросто нет.

Наконец, в-третьих, на поле был активен уровень «Лунный Свет», и ниспадающее на землю чистое сияние луны создавало поистине священную атмосферу, на фоне которой жрица в белом одеянии и багровой юбке выглядела как нельзя более уместно. Она попросила Харуюки встать в самом центре храмовой площади, затем встала в трёх метрах напротив него и вытянула вперёд правую руку.

Её маленькие пальчики зажглись огнём, который быстро превратился в белоснежный веер. Она тут же с приятным звуком раскрыла его и медленно взмахнула им слева направо.

Когда она сделала это, вокруг Харуюки вспыхнули четыре огонька. Стоящие чуть поодаль Черноснежка, Фуко, Тиюри и Такуму, затаив дыхание, смотрели, как Утай отвела веер обратно, а затем встала на носочки…

— «Как скорбно то… что грех цветёт, что сакура, и сеет злобу потаённую…»

Когда в прохладном воздухе неограниченного поля послышались чистые звуки пения, окружающие Харуюки огоньки взвились рокочущим пламенем. У Харуюки покраснело в глазах от огня, а тело его аватара подняло в воздух на метр неведомой силой.

Но Харуюки не чувствовал ни капли страха и полностью доверил своё тело этой силе. Не было ни жара, ни боли, и полоска жизни в левом верхнем углу не регистрировала никакого урона. Но в то же время пламя продолжало гореть и выжигать… нет, «вычищать». Наверное, Черноснежка объяснила бы происходящее как «выжигание объектов, определённых системой, как паразиты», но в голове самого Харуюки, омываемого со всех сторон пламенем, крутились лишь два слова — «узы» и «привязанность».

Конечно, поначалу Броня именно что паразитировала на спине Сильвер Кроу. После этого живущий в ней «зверь» начал говорить с Харуюки, проникать всё глубже в его сознание, а в конце концов пробудился, породив Шестого Хром Дизастера. Но как бы он ни открещивался, он понимал, что ощущал некую привязанность к той части своей души, которой разрушительный нрав Брони пришёлся по вкусу. В конце концов, без этой привязанности он никогда бы не смог так основательно слиться с Броней.

Харуюки ощущал, как могущественное, но холодное на ощупь пламя Утай мягко выжигает оставшиеся в его душе следы этого эгоизма. Он закрыл глаза, раскинул руки в стороны и прошептал своему эфемерному партнёру:

«Эй, зверюга.

Ты знаешь, я никогда не питал к тебе ненависти. Мне… нравились те битвы, что мы провели плечом к плечу.

Быть может, однажды… мы с тобой встретимся снова, при других обстоятельствах. И если это случится, давай сразимся. Неважно, друг против друга или в одной команде… но давай сразимся в истинной дуэли.»

Ответа не последовало. Но Харуюки словно услышал, как где-то далеко-далеко воет на луну тот самый окутанный пламенем величественный и яростный «зверь».

Прекрасный танец Ардор Мейден продлился полтора часа.

Несмотря на их опасения, им не помешали ни Энеми, ни другие бёрст линкеры. Постепенно движения жрицы начали замедляться, затем она остановилась, и вместе с этим огни рассыпались на бесчисленные искры, растаявшие в ночном ветре.

Когда ноги Харуюки коснулись земли, он заметил в своих руках два маленьких объекта. Это были две прямоугольные карты, блестевшие серебром в свете луны.

На первой было написано «STAR CASTER», а на второй блестела надпись «THE DESTINY». Меч… и броня. Это и была изначальная форма той самой «двойной звезды», повлиявшей на судьбы стольких бёрст линкеров. И то, что эти артефакты приняли свои изначальные облики, означало, что Брони Бедствия, «THE DISASTER», в этом мире уже не существовало…

Сжимая в руках карты, Харуюки сделал несколько шагов вперёд, к измождённой Синомии Утай, и низко поклонился ей.

— Спасибо тебе, Мей. Наконец-то… всё кончено…

— В этом не только моя заслуга, Ку-сан. Я бы не смогла сделать это, если бы ты не был готов проститься с Броней.

Сказав это, она протянула свою маленькую ручку и погладила шлем Харуюки. Затем она поклонилась, и Кроу увидел, как за её

спиной стоят улыбающиеся Черноснежка, Фуко, Тиюри и Такуму.

Ардор Мейден отошла на несколько шагов назад, где её сразу же подхватила Скай Рейкер. Вместо Утай вперёд выплыла Блэк Лотос, уверенно кивнула и сказала:

— Отличная работа, Кроу. Теперь ты можешь не бояться никаких обвинений на воскресной Конференции Семи Королей. Скорее всего, главной темой быстро станет обсуждение Общества Исследования Ускорения и ISS комплектов, и ты сполна заслужил право высказаться на эту тему. Что же до судьбы этих артефактов, я предоставлю право выбора тебе. Подумай и прими решение.

Слова командира Легиона, полные безоговорочного доверия к Харуюки, несказанно обрадовали его, но сам он тут же покачал головой и сказал:

— Вообще-то, я… уже решил.

— О? — Черноснежка удивлённо склонила голову.

Харуюки перевёл взгляд на стоящих за ней друзей и продолжил:

— Я знаю, что вы, особенно Мей, сильно устали, и прошу прощения… но не могли бы вы помочь мне ещё кое с чем?

Первым делом Харуюки коснулся своей полоски здоровья, вызвал меню, открыл пустующий инвентарь и положил в него обе карты.

Вслед за этим он уничтожил несколько объектов за стенами храма, чтобы заполнить шкалу энергии. Левой рукой он обхватил Тиюри, правой — Утай, затем подлетел в воздух и позволил Такуму уцепиться за ноги. Черноснежка же полетела на спине экипированной Ураганным Соплами Фуко.

Вшестером они направились на юг по Седьмой Кольцевой, сквозь Сетагаю, пока не добрались до перекрёстка с улицей Мегуро, дойдя до которой, повернули на восток. Они летели на Сибаурский Причал в районе Минато.

Харуюки опустился на площадку к северу от парковки возле Линии Кодайба. Пока он ждал Фуко и Черноснежку, вынужденных передвигаться затяжными прыжками, он пытался совместить очертания местности со своими воспоминаниями.

Портовые склады, оформленные в священном стиле «Лунного Света». Проходящая сквозь них грузовая дорога. Один из перекрёстков с дорогой, ведущей с запада на восток…

— …Где-то здесь, — прошептал он, затем повернулся к ничего не понимающим друзьям и сказал, — Э-э, где-то на этом перекрёстке должна лежать вещь.

— Вещь?.. Не карта, а просто объект? — спросил Такуму, и Харуюки утвердительно кивнул.

— Но разве упавшие на землю неограниченного поля вещи не

исчезают навсегда после следующего Перехода? — спросила уже Тиюри.

Харуюки вначале кивнул, а затем тут же покачал головой.

— Да, обычно это так… но я слышал, что особо ценные вещи могут пережить переход, и лежать на земле днями… а то и годами. Я правильно говорю, Лотос? — сказал он и повернулся к, пожалуй, самому опытному из присутствующих бёрст линкеров.

— Угу, это действительно так… — произнесла она, кивая. — Если точнее, это относится к неразрушимым вещам. Например, к удостоверению командира Легиона… или к ключам от Великих Подземелий…

— И к ключам от домов, — беззаботно добавила Фуко.

Харуюки кивнул и воскликнул:

— Вот! Мы ищем именно ключ от дома.

Земля «Лунного Света» покрыта слоем мельчайшего сухого песка. Из-за этого искать что-либо на земле оказалось не слишком легко, но по сравнению с ядовитыми болотами «Прогнившего Леса» или кишащим насекомыми «Чистилищем» они ещё легко отделались. С этими мыслями Харуюки тщательно просеивал в руках песок довольно крупного перекрёстка.

На самом деле он не мог даже гарантировать того, что ключ был именно здесь. Но при этом что-то внутри него говорило… убеждало его, что ключ находится тут. Если тот длинный печальный сон, что он видел в Замке, был правдивым, то ключ должен быть именно здесь. Когда-то, давным-давно, Харуюки гулял по горе Окутама со своими родителями и нашёл на ней обсидиановый наконечник стрелы. Этот ключ должен ждать его здесь так же, как когда-то ждал тот наконечник.

Он проделал пальцами сотни дорожек в песке, пока вдруг не наткнулся на что-то твёрдое.

Тут же остановившись, он стал осторожно ощупывать дно песка, а затем извлёк наружу маленький серебряный ключ. Он не заржавел и блестел так же, как когда-то давным-давно… семь тысяч лет назад.

— Нашёл… — прошептал Харуюки, вставая.

Заметив это, вокруг него собрались и друзья. Харуюки поднял ключ повыше, и тот заблестел в свете луны. Разглядывая его, он произнёс:

— Вот он. Вот то, что я искал.

— Кроу… от чего этот ключ? — спросила Тиюри.

— Сейчас мы пойдём туда. Конечно, это не мой дом… но я уверен, его хозяева нас простят, — ответил Харуюки.

Бережно уложив ключ в инвентарь, Харуюки обозначил следующий маршрут. Впрочем, в этот раз никаких затяжных

полётов не требовалось. Им нужно пройти по Радужному Мосту из Сибаурского Причала в Одайбу, а оттуда на юг. Харуюки опустился на землю к северу от того места, где в реальном мире находился парк Акацукифуто.

Возле узкой дороги стоял маленький дом, отчётливо выделяющийся на фоне остальных объектов. Но если бы Харуюки не нашёл тот ключ, он бы не смог не то что прикоснуться к этому дому, но и увидеть его. Это «дом игрока», который можно купить в определённых магазинах за баснословную сумму. И доступ к нему имел лишь бёрст линкер, купивший ключ.

Дом с белокаменными стенами, освещаемый светом луны, был чем-то похож на дом Черноснежки, который Харуюки посетил прошлой ночью. Пройдя во двор, Харуюки обернулся к своим друзьям и объявил:

— В этом доме жили Хром Фалькон и Шафран Блоссом.

Их глаза тут же изумлённо округлились. Они не знали всех подробностей рождения Брони Бедствия, но моментально поняли и что значили эти слова, и зачем Харуюки с таким трудом искал ключ, и зачем пришёл сюда.

— Так значит, тот перекрёсток в Сибауре… — прошептала Утай, и Харуюки в ответ кивнул.

— Да. Именно на нём Блоссом лишилась всех своих очков и исчезла из этого мира… и именно на нём встретил свою смерть Первый Хром Дизастер, Фалькон. Неважно, у кого из них был ключ от этого дома, он непременно должен был остаться на перекрёстке.

— Понятно… да, трудно было бы найти более подходящее место, чтобы похоронить это снаряжение… — прошептала Черноснежка, затем посмотрела прямо на Харуюки и кивнула, одобряя его решение.

Харуюки кивнул в ответ, после чего открыл инвентарь и материализовал все три объекта. Карты он взял в левую руку, ключ в правую, а затем неспешно подошёл к дому.

Ему даже не пришлось крутить ручку, миловидная дверь сама открылась при его приближении.

— Извините за беспокойство… — прошептал Харуюки и прошёл вовнутрь.

Внутри дом был с любовью обставлен и мебелью, и всевозможными деталями. В свете луны он действительно выглядел уютным. Но всё-таки он пустовал уже очень много лет, и в комнате отчётливо пахло тоской. Но это и неудивительно, ведь тех людей, что жили в нём, уже нет в этом мире…

Харуюки обернулся и увидел, что Черноснежка и остальные решили подождать его снаружи. Ему не хотелось заставлять их

ждать слишком долго, особенно Утай, в течение почти двух часов изо всех сил очищавшую его.

Харуюки вновь повернулся к дальней стене комнаты и тихо прошептал:

— Блоссом… ты спасла меня, и именно благодаря тебе я сейчас снова с дорогими мне друзьями. Фалькон… я всё ещё не знаю, чего ты желал, что именно хотел уничтожить, но я продолжу думать и однажды обязательно узнаю. Спасибо вам…

Конечно, Харуюки не силён в риторике, и не мог выразить словами все чувства, что томились в его груди. Но ему казалось, что они всё услышали и поняли. Сделав ещё один шаг вперёд, он подошёл к столу, за которым они когда-то обедали, разговаривали и смотрели друг другу в глаза. Харуюки положил на него друг рядом с другом две карты. А рядом с ними — маленький серебряный ключ.

— До свидания…

Отступив на шаг, он развернулся и пошёл к двери, за которой его ждали друзья.

Но когда он уже пытался выйти из дома, ему показалось, что кто-то окликнул его.

Обернувшись, Харуюки увидел…

Как рядом со столом стоял стройный аватар цвета потемневшего серебра, очень похожий на Сильвер Кроу. Рядом с ним на белом стуле сидел аватар женского пола в шафрановой броне.

И на коленях этой девушки свернулась и лежала с закрытыми глазами довольная чёрная кошка.

Все они были полупрозрачными, и тускло мерцали на лунном свету, но Харуюки знал, что это не просто иллюзии. Мальчик, девочка и рождённый их воображением котёнок вернулись туда, куда и должны.

«До свидания. До встречи», — ещё раз попрощался с ними шёпотом Харуюки, стараясь сдержать слёзы. Затем он широко шагнул правой ногой, проходя сквозь дверь к своим друзьям.

Глава 12

22 июня, суббота. 14 часов 30 минут.

Харуюки в одиночестве брёл по заднему двору школы Умесато.

Конечно, в субботу уроки были лишь утром и уже успели закончиться, но Харуюки всё равно тосковал по тем временам, когда суббота в начальных и средних школах была полноценным выходным… впрочем, эти времена он не застал. Начиная с 2010-х годов, количество школ, переходящих на шестидневную систему, начало резко расти, а в настоящее время, в 2047 году, министерство образования и вовсе делало вид, что так было всегда, а истории о том, что в прошлом веке дети учились лишь пять дней в неделю — просто сказки.

Впрочем, даже если бы суббота была для Харуюки полноценным выходным, он не смог бы весь день валяться в постели. Вечером в пять часов в Брейн Бёрсте начинались битвы за территорию. Команды из трёх или более человек сражались за контроль над зонами, и без побед в этих битвах было немыслимо само существование Легиона.

До сих пор Чёрный Легион Нега Небьюлас защищал принадлежащую ему территорию Сугинами в пять человек, но начиная с этой недели количество бойцов увеличилось до шести. Естественно, это было связано с возвращением в состав одного из «Элементов», Ардор Мейден, Синомии Утай. Это означало не только то, что они могли разделиться на две группы по три человека и проводить по две битвы за раз, но и то, что у них наконец-то появился красный аватар дальнего боя. Очень часто противники нападали составами из бронированных аватаров, прикрывавших своими спинами мощных дальнобойных аватаров, и против таких команд сражаться было крайне трудно. Харуюки уже предвкушал выступления в одной команде с Утай и долгожданную возможность сказать что-то в духе «Мей, мы нападаем на тыл, прикрой нас своим огнём!»...

Когда Харуюки опомнился, он стоял посреди заднего двора с глупой улыбкой во всё лицо. Собравшись с мыслями, он вновь зашагал вперёд. Шёл он, конечно же, к северо-западному углу школьной территории, где стоял сарайчик столь неприметный, что о нём вообще мало кто из учеников знал.

Начиная с прошлой осени, когда Нега Небьюлас состоял лишь из трёх человек, субботнее время до начала битв выматывало Харуюки скукой. Последний четвёртый урок заканчивался в 12:50, а бродить по школе и есть обед Харуюки мог максимум до

половины второго. Время до пяти часов текло невообразимо медленно.

Черноснежка всегда была занята работой в совете, Тиюри и Такуму — секциями, и Харуюки не мог коротать время разговорами с ними. Конечно, вступать в битву за территорию можно из любого уголка Сугинами, и он мог просто уйти домой, но ему хотелось быть во время битв рядом с Черноснежкой и остальными, чтобы делить с ними как радость побед, так и горечь поражений. Поэтому Харуюки либо коротал время, листая бумажные книги в библиотеке, либо навещал старый добрый корт для виртуального сквоша, пытаясь обновить свой рекорд… но на этой неделе тоскливая субботняя жизнь подошла к неожиданному концу.

У Харуюки неожиданно появилась должность, которой необходимо было уделять время после субботних уроков. Он стал председателем школьного комитета по уходу за животными.

Добравшись до входа в клетку, он заглянул за решётку. Первым из сегодняшних заданий было поприветствовать её жителя. Служивший клеткой сарай был довольно просторным, с учётом того, что внутри стояли лишь два насеста в виде искусственных деревьев. На верхней ветке левого насеста сидела на одной лапе спящая птица. Это африканская зорька по имени Хоу — двадцатисантиметровая хищная сова с бело-серыми перьями и острым клювом, уткнувшимся в пушистую грудку.

Хотя они познакомились лишь несколько дней назад и многого не знали друг о друге, но Хоу, почувствовав приближение Харуюки, открыл правый глаз и посмотрел прямо на него.

— Привет, Хоу. Жарковато сегодня, да?

Вместе с этими словами он потянулся к виртуальному интерфейсу и подключился к датчикам температуры и давления, встроенным в насест Хоу. Показатели были в порядке, и даже вес, начавший падать после переезда, вновь стал возвращаться в норму.

В ответ на приветствие Харуюки сова лениво взмахнула крылом, а затем вновь уснула. Усмехнувшись, Харуюки потянулся к электронному замку, собираясь поменять бумагу…

Как вдруг со спины послышались звуки шагов по мшистой земле. Харуюки подумал, что это была хозяйка Хоу, пришедшая сюда из начального крыла академии Мацуноги четвероклассница — Синомия Утай, и повернулся, но увидел не совсем того, кого ожидал. Вернее, он вообще не узнал этого человека.

Это была девушка в характерной школьной форме Умесато — рубашке с коротким рукавом и серо-зелёной юбке. На груди у неё повязана синяя бабочка — значит, она восьмиклассница. Её

волосы были длинными и слегка завивались. Ухоженные брови и обильно подведённые ресницы выдавали школьницу из разряда тех, что обычно смотрели на Харуюки, как на букашку. На её шее был закреплён глянцевый розовый нейролинкер, щедро обклеенный стразами.

Девушка, конечно, была весьма симпатичной, но Харуюки не смог смотреть на столь угрожающее лицо дольше двух десятых секунд. Он уставился в землю и пробубнил:

— А, а-а, вы… что-то потеряли? Если найду, обязательно занесу в локальную сеть…

Слова эти он произнёс в полной уверенности, что никаких других поводов, по которым такая девушка могла оказаться на заднем дворе, не было. Поэтому её ответ, который он услышал через несколько секунд, показался ему ещё более неожиданным.

— Ничего себе, забыл. А ещё председатель.

— Э…

Харуюки вздрогнул, поднял взгляд и посмотрел на её лицо ещё полсекунды. И действительно, теперь ему показалось, что где-то он её уже видел. Хотя, поскольку они учились с ней в одной школе, возможно, они просто проходили мимо по коридору. А может… погоди-ка, «председатель»? В смысле, председатель комитета?

— А… т-точно, ты… из класса 2-С… И-Идз… — Харуюки принялся отчаянно ворошить свою память.

— И-дзе-ки! Идзеки Рейна! — тут же послышался в ответ жутковатый голос, поправивший его.

Харуюки закивал, уже не в силах смотреть ей в лицо.

Он успел забыть даже о её существовании, но Идзеки действительно была его коллегой и, как и Харуюки, состояла в комитете по уходу за животными. В связи с тем, что в начале недели от академии Мацуноги поступил запрос на содержание одного из их животных (собственно, Хоу), в школе был создан этот самый комитет, куда вошло по одному школьнику из всех вторых классов. Харуюки вызвался быть председателем, и в его положении забывать имена и лица своих подчинённых совершенно непростительно.

Харуюки уже начал паниковать, понимая, что влип основательно, но Идзеки, к счастью, решила больше его не критиковать и вместо этого подошла к клетке. Она заглянула за железную сетку и весьма громко воскликнула:

— Ого, вот это да. И правда, сова. Ух, какая пушистая!

В её голосе действительно слышалось удивление, и Харуюки начал беспокоиться за недавно уснувшего Хоу, поэтому поспешил кивнуть и пояснить гораздо более тихим голосом:

— У-угу, сова… если точнее, это африканская зорька.

Идзеки развернулась и, начав накручивать волосы на палец, спросила:

— А чем сова отличается от зорьки?

— А, э-э… зорьки — это такие совы… точнее, это просто подвид сов.

— О-о. А зовут её как?

— Хоу.

— …А чё так просто-то? Кто выбирал кличку?

— Я слышал, что голосованием выбирали.

После этого, так сказать, разговора, состоявшего исключительно из вопросов и ответов, Идзеки хмыкнула и вновь повернулась к клетке. Поднеся ладонь к губам, она тихо подозвала сову:

— Хоу. Хо-оу.

«Зорьки не такие добрые, чтобы откликаться на зов незнакомых людей, особенно когда спят», — подумал было Харуюки… но Хоу резко распахнул глаза, едва услышав голос Идзеки. Он недоумённо повернул голову, пытаясь разобраться, кто именно стоит у клетки, а затем, к удивлению Харуюки, распахнул крылья и взлетел.

Он грациозно облетал клетку, чем немедленно вызвал восторг Идзеки.

— Ух ты, взлетел! Летит! Какой красавчик!

«Когда я пришёл, ты только глаз открыл, а тут шоу устраиваешь», — тут же буркнул про себя Харуюки, но Хоу, естественно, не обратил никакого внимания и вновь уселся на насест после пяти кругов.

Подняв одну лапку, он вновь заснул, а Идзеки продолжала смотреть на него с ещё большим интересом. Харуюки взглянул на её профиль и осторожно поинтересовался:

— Так, э-э, Идзеки… что ты тут сегодня…

Она тут же посмотрела на него таким взглядом, что Харуюки моментально застыл.

— Я, если что, тоже состою в комитете по уходу. У тебя проблемы с тем, что я пришла?

— С-состоишь, конечно… просто, в первый день ты не то чтобы выглядела по этому поводу сильно счастливой… как мне показалось…

— Ну, тогда мне казалось, что это скука страшная, и когда ты сказал, что я могу идти, я взяла и пошла! Но потом я увидела, что ты действительно отправил на сервер файл с отчётом, и я как-то пожалела, что ушла… кстати, я до сих пор не верю, что ты в одиночку вычистил весь этой сарай! Это вообще как?!

Тут Харуюки уже перестал понимать, ругает она его или пытается извиниться, но решил на всякий случай помотать головой.

— Н-ну так получилось.

— Вот я и решила, что надо будет извиниться, но ты с тех пор так и не назначил нам никакой работы! Ты просто делал всю работу сам и вписывал нас в файл. В итоге мне пришлось прийти самой! Проблемы?!

— Н-нет, никаких проблем, — отозвался Харуюки, вновь помотав головой.

В голове его постепенно начала складываться картина, собранная из этих кусочков информации, и Харуюки пришёл к выводу. Затем он исподлобья посмотрел на Идзеки и решил убедиться в своей правоте:

— Э-э… к, короче говоря, Идзеки… получается, ты пришла на комитетскую работу… ухаживать за Хоу?..

— Я это с самого начала сказала!

«Правда?» — подумал Харуюки, но удержался, чтобы не спросить, после чего медленно выдохнул.

Как бы там ни было, пусть даже она и девушка, да ещё и из тех школьных кругов, которые не имели к Харуюки никакого отношения, помощи он был только рад. Клетка была довольно просторной, и уборка была тяжёлым трудом, к тому же требовавшим особого внимания при открывании и закрывании двери. Вдохнув свежий июньский воздух, Харуюки произнёс:

— В таком случае… э-э, перед клеткой всё ещё многовато листьев, надо бы их убрать. Собери их в кучу метлой и хватит.

— Окей.

К счастью, в этот раз Идзеки не стала жаловаться и просто приняла из рук Харуюки бамбуковую метлу. Харуюки тихонько усмехнулся, глядя как она неумело собирает ей влажные листья, а затем вернулся к своей работе.

Хоу уже даже не обращал внимания на людей, работавших перед клеткой, и просто продолжал спать на насесте. Харуюки начал работать руками возле мирно спящей после переезда зорьки и мысленно обратился к ней:

«Хоу. Мне ведь и тебя нужно поблагодарить.

Я никогда ещё не ухаживал за живым существом, но ты многому научил меня. Ты показал мне, что значит жить… и летать. Я не знаю, как выразить это словами, но именно благодаря тебе я смог в тот раз летать и быстрее, и выше Судзаку.

Да, я всё ещё бестолков и в реальном мире, и в Ускоренном… но, кажется, я постепенно всё же двигаюсь вперёд… по крайней мере, в последнее время я всё отчётливее это ощущаю…»

Сказав себе всё это, он собирался сделать ещё один шаг в сторону Хоу…

Но вдруг что-то крепко ухватило его сзади за рубашку.

— ?!..

Харуюки испуганно обернулся и вновь увидел перед собой совершенно не того, кого ожидал там увидеть. Это вновь оказалась девушка, но она была одета в лёгкий кардиган цвета слоновой кости и клетчатую юбку, и поэтому она не могла быть из Умесато. Её волосы были короткими и непослушными, а нейролинкер — светло-зелёным. Пальцами правой руки она держалась за рубашку Харуюки, а глаза её почему-то были влажными.

Хотя появление этого человека и удивило Харуюки, эту девушку он знал. Он изумлённо спросил, ощущая, как дёргается его лицо:

— К-К-Ку-Кусакабе?.. Ч-что ты здесь…

«И почему ты снова вся в слезах?» — пытался задать он и этот вопрос, но не смог. Однако бёрст линкер пятого уровня, легионер Грейт Волла, воплощение Аш Роллера в реальном мире Кусакабе Рин с самого начала не собиралась отвечать.

— Кто… он-а?

Естественно, Рин спрашивала его об ошарашенной девушке, стоящей у входа в клетку с метлой в руке. Но пока Харуюки пытался понять происходящее, стоя столбом, Идзеки уже успела подойти к ним и колким тоном ответила:

— Кто? Это я должна спросить. Судя по твоей одежде, ты из Сибуи? Из Сасадзуки? Что такая богатенькая девочка забыла здесь?.. Погоди-ка, э-э… что? Вы серьёзно?

Харуюки не понял, что именно она имела в виду под «серьёзно», но вид Идзеки, смотрящей то на него, то на Рин, заставил его не на шутку встревожиться, прийти в себя и замахать руками.

— И-и-извини, Идзеки, п-п-п-подожди тут, пожалуйста!

С этими словами он потащил не отпускавшую его рубашку Рин к стене второго школьного корпуса и тихо спросил её:

— Э-э… Кусакабе…

— Мы с братом — оба Кусакабе, зови меня «Рин»…

— Р-Р-Р-Рин, э-э… что ты тут делаешь?! У нас ведь вот-вот начнутся битвы за территорию… а, н-не может быть, ты собираешься погружаться отсюда? Погоди-ка, неужели ты…

«Неужели ты вчера перешла в наш Легион? Бросила Грейт Волл и вступила в Нега Небьюлас? Выходит, мега-крутой гонщик теперь сражается на нашей стороне?» — успел подумать Харуюки, но Рин слегка качнула головой и сказала:

— В битвах я участ-вую. Но… я и сегодня буду напа-дать. Решения о смене Легиона… может принимать только брат…

— А. Я-ясно… — Харуюки кивнул, ощущая небольшое разочарование, но затем оно вновь уступило место изумлению. — Погоди, н-н-нападаешь?! Н-н-но ведь для битв за территорию

нужно хотя бы три человека… где ещё два?..

— Ждут на границе Сибуи и Сугинами… участвовать будут У…

«У» — это был хорошо знакомый Харуюки Буш Утан. Хотя его и поглотила тьма комплекта, предательство друзей и их попытка убить его позволила ему очнуться. Возможно, комплект всё ещё паразитировал на его аватаре, но это можно легко исправить после битвы с помощью Ардор Мейден.

— …И ещё Айрон Паунд.

— Ага, ясно. Я рад, что Утан вернулся, пусть он и наш противник… п-погоди, ч-ч-ч-ч-что?! — воскликнул Харуюки, как только понял, чьё имя только что произнесла Рин.

Если он не ослышался, то вместе с Рин на них нападёт третий из «Шести Бастионов» Грево, «Железный Кулак», грозный аватар-боксёр…

— Эй, председатель! Сколько вы там ещё будете шептаться? У нас ещё работы выше крыши!

Резкий голос Идзеки вернул Харуюки в реальность, заставив его вспомнить о щекотливости ситуации. Битвы за территорию будут потом, а пока нужно было закончить уборку клетки. Было совершенно непонятно, как объяснить присутствие Рин Идзеки, но если этого не сделать, то скоро по второму этажу главного корпуса Умесато поплывут очень неприятные слухи.

Харуюки вернулся к клетке, таща за собой продолжавшую цепляться за рубашку Рин, и немного нервным голосом сказал первое пришедшее в голову оправдание:

— Э, э-э, Идзеки, короче, её зовут Кусакабе, и, короче, ты знаешь, что у нашего комитета есть ещё один человек, который учится в академии Мацуноги? Так вот, она — подруга её подруги, и она пришла нам сегодня помочь…

Надо признать, что переврал он не совсем всё. Ещё одним человеком была Синомия Утай, у которой была «подруга» в лице Курасаки Фуко, у которой была «ученица» в лице Кусакабе Рин. То, что она пришла сюда помочь, он, конечно, придумал, но это вполне могло оказаться правдой. Правда, теперь Рин действительно пришлось бы помочь ему.

— Хм-м… — недоверчиво протянула Идзеки, продолжая оглядывать то Харуюки, то Рин. — А ты, я погляжу, пользуешься успехом, председатель. Я вам не помешаю?

— О-о-о чём ты?! К-к-конечно не помешаешь, твоя помощь будет крайне, крайне кстати!

Его ответ был похож скорее на крик, но Идзеки, видимо, решила больше не спорить и кивнула головой.

— Ладно, пойду мести дальше. Что потом с листьями делать?

Сжечь?

— Т-т-ты что, если ты так сделаешь, сюда и полиция, и пожарные налетят!

— Шучу я, — с улыбкой ответила коллега и направилась к клетке.

Вздохнув, Харуюки пошёл за ней. Рин, наконец, отпустила его рубашку, так что он вручил ей свою метлу, а сам направился за совком и мешками для мусора…

Но тут его разум словно поразила молния.

Он резко ощутил, что сейчас случится что-то плохое и едва не подпрыгнул в воздух, но не успел он этого сделать, как на заднем дворе послышался голос:

— Ага! Чем это ты занимаешься, Хару?!

Харуюки моментально остолбенел и начал медленно поворачиваться на голос, параллельно обдумывая, не пора ли ему убегать. В итоге он решил, что сбежать не выйдет, потому что он, как председатель комитета, не мог убежать на глазах Идзеки.

В итоге Харуюки, стиснув зубы, повернулся окончательно и увидел…

Тиюри, всё ещё в спортивной форме, но с пакетом с едой в руках.

Синомию Утай, левее неё, со школьным ранцем и уже привычной сумкой с едой для Хоу.

Курасаки Фуко, идущую чуть позади от неё с улыбкой и взглядом, от которого Харуюки был вынужден прийти к неутешительным выводам.

Черноснежку, которая шла справа от Тиюри, как всегда величественная и прекрасная в своей уникальной школьной форме и с выражением лица, на котором словно были выточены слова: «Что здесь происходит?»…

И Такуму, притаившегося за всеми ними. Но как бы Харуюки ни рассчитывал на его помощь, на лице Такуму была улыбка, явно пытавшаяся сказать: «Удачи, Хару». Конечно, Харуюки и сам попытался посмотреть на него взглядом, который бы дал ему понять, что нужна его помощь, но…

— Ничего себе, какая толпа. Это что, все помощники? — Харуюки обернулся и увидел Идзеки, которая в этот раз действительно смотрела на Харуюки с изумлением. — Председатель… кто ты?

— Н-никто, никто! — едва слышно ответил Харуюки…

А затем, поняв, что ни о каком побеге не может быть и речи, напрягся и вновь повернулся к Черноснежке. Вместе с этим он подумал:

«Действительно, сам по себе я никто. Сам по себе я бестолковый робкий геймер и восьмиклассник.

Но когда я с моими друзьями, я становлюсь другим человеком. Я и работаю усерднее, и вперёд смотрю увереннее. И, совсем немного, но начинаю верить в себя.»

Хоу, словно почувствовав поблизости Утай, звучно ударил крыльями. Этот звук словно толкнул Харуюки в спину. Он шагнул вперёд и помахал правой рукой своим друзьям.

Послесловие

Здравствуйте, это Кавахара Рэки. Спасибо за то, что прочитали «Accel World 9: Семитысячелетняя Молитва».

Броня Бедствия и Хром Дизастер появились во втором томе и вышли на первый план в шестом, но только сейчас, в девятом томе, мы увидели, чем закончилась эта история. Я искренне благодарен читателям, которых не смутили надписи «Продолжение следует» в шестом, седьмом и восьмом томах, и которые дотерпели до конца арки в этом томе.

Но загадок в этом мире по-прежнему много (этот том тоже добавил целую гору), и до конца всей этой серии мы в ближайшее время не дойдём. Какова будет окончательная цель Харуюки? Что произошло в прошлом Черноснежки? Для чего был создан Ускоренный Мир?.. Я даже не уверен, что смогу всё это описать, но постараюсь продолжить писать том за томом так, как мне это нравится. Десятый том будет куда более позитивным, а также самодостаточным! Честно!

Я не знаю, стоит ли ворошить эту тему или нет, но попробую… наверняка те читатели, которые видели рекламу девятого тома «акселя» в конце другой моей книги, «Sword Art Online 8», уже успели подумать «это ещё кто?!» при виде картинки с новой девушкой. Кто это такая — описывается в 4 главе этого тома, но знайте, что я ввёл её не потому, что хотел заявить, что «а *** на самом деле баба!» (на всякий случай спойлерить не буду).

Пожалуй, в будущем у меня ещё появится шанс написать об этой девушке ещё, а пока можете спорить на тему «так всё-таки?!» Мне так будет даже проще.

Места мне осталось немного, поэтому перейду к объявлению… думаю, к выходу этого тома это уже станет известно, но в скором времени по Accel World снимут аниме. Снимает студия Sunrise. Та самая Sunrise, которая (список достижений опущен). Я застал самый расцвет «поколения Gundam» и дизайн дуэльных аватаров во многом был вдохновлён санрайзовскими роботами, и я в жизни так ничему не радовался, как тому, что смогу увидеть Кроу и Лотос на экране. Надеюсь, что и вас аниме «акселя» порадует!

Как всегда хочу выразить благодарность иллюстратору HIMA за дизайн новой девушки, к которому она вновь подошла с душой, и редактору Мики за бесконечные исправления всех сцен с её участием. И ещё раз спасибо всем моим читателям за то, что

вы дождались завершения «арки Брони»!

11 августа 2011 года, Кавахара Рэки

Послесловие команды

Arknarok

Всем доброе утро, и всех (в том числе нас) в первую очередь поздравляю с окончанием работы над 9 томом Accel World!

Странное ощущение — вот вроде бы хочется написать на тему того, какая дорога была у этих томов... а потом думаешь, что писать «была» как-то несвоевременно, ведь впереди еще столько неотредактированных переводов. И тем не менее, 9 том это достижение. Может, точку ставить пока рано, но хотя бы запятую можно.

Как я писал в послесловии предыдущего тома, в этом мне больше всего понравилась 2 глава. И в то же время заставила воскликнуть: «Что же ты делаешь, Рэки?» Несмотря на «окончание» арки, неоконченных сюжетов теперь столько, будто следующая арка уже вовсю идет... хотя, это ощущение неоконченности привязалось к нам настолько крепко, что мы от него уже не отвяжемся. Что же до остальной части тома, то она оказалась... примерно тем, что мы и ожидали. Хотя, нет, я ожидал финальную битву куда эпичнее. Согласитесь, что после битвы в космосе против одного из сильнейших Энеми такая «битва с ласт боссом» это даже не смешно.

А теперь поговорим обо всей арке.

Откровенно говоря, мне она не нравится.

В 3 томе ускорку поразила ужасная болезнь под названием «Общество Исследования Ускорения». Это настолько одномерные и неинтересные злодеи, что я считаю ОИУ самым главным недостатком всей серии. В современном мире злодей не может быть просто жутким драконом, которого надо победить, чтобы спасти принцессу. У дракона должна быть четко определенная мотивация, которая бы его оправдывала, и личность, которой можно было бы сопереживать. Дракон — тоже персонаж истории, и он должен быть интересен. Сведение противостояния к банальной битве добра со злом — возможно, самая крупная ошибка, которую допустил Рэки в выборе направления развития истории.

Какие злодеи нам нужны? Давайте вспомним 1 том... нет, я не о Циан Пайле. Короли — интересный злодей, потому что они в этой войне явно правы, а Черноснежка — нет. Этим противостояние и интересно: Черноснежка не может оправдать свои действия, она совершает априори злобный поступок, но «во

имя великой цели». Или пыталась бы совершить... если бы этот сюжет хоть куда-то пошел. Думаю, мне не нужно вам рассказывать, что противостояние Королей стухло.

Еще один более-менее интересный злодей ждет своего часа и появится в 12 томе, но об этом человеке мы поговорим, когда придет время. Пока дам небольшой намек — вы уже знаете имя того, о ком идет речь.

И, наконец... самым интересным злодеем за всю историю ускорки была как раз Броня Бедствия... но только в том виде, в котором она существовала во 2 томе. На мой взгляд, эта была самая большая удача Рэки — он создал идеального злодея для этой серии. Вся его суть состояла в «неуничтожимости». Нам прямым текстом сказали, что своему существованию Броня обязана как раз пакту о ненападении.

И это ведь просто чудесно! Зрелище того, что вытворяет и как зверствует Броня, способно заставить задуматься человека, записавшего Черноснежку в однозначные злодеи. Да, ее противники, Короли — за мир... но их мир, этот застой, порождает таких чудовищ. Это «кара свыше» за искажение сути мира, в котором жили игроки. Создается потрясающая по силе дилемма — победить Броню можно лишь вновь установив баланс... а для этого необходима новая война, которая принесет новые страдания. Оба пути ведут к боли и несчастью... и выбор между двумя неприятными вариантами — как раз работа, достойная Королей. Я предвкушал длинные разбирательства на тему того, как должен быть обустроен Ускоренный Мир, чтобы в нем осталось как можно меньше страданий, но...

Но все мои надежды пошли ко дну вместе с этой аркой.

Оказывается, во всем виновато ОИУ, и нет им никакого за это прощения. Никто не примет их сторону, никто не попытается оправдать то, что они сделали с Фальконом и Блоссом. Какие бы высокие цели они ни преследовали, все они разобьются о всем известную истину о том, что «не стоит вся эта мировая гармония и слезинки одного маленького ребенка». Другими словами, с моей точки зрения, Общество убило для меня Броню как интересного злодея. Никаких сложных вопросов, никакой нетривиальной морали — одно лишь ожидание того, как всемогущий главгерой обуздает скорбь. Эх, а ведь такая была перспектива...

Тут я должен, наверное, написать, что «не все так плохо», но, увы, ОИУ вездесуще. Известные стихи про «если дома скис салат — это *** виноват» подходят и к Ускоренному Миру. ОИУ виновно во всем, и они должны гореть за это в аду. Окей.

Все это не значит, что я разлюбил ускорку к окончанию этой

арки... просто она пошла не в том направлении, которого мне бы хотелось. Может, у другого автора этот мир пошел бы в более интересную сторону. Не знаю.

А теперь давайте оставим печальные мысли и посмотрим в будущее. Нет, не в то, в котором на лето анонсирован выход 18 тома, а в будущее непосредственное. А именно — в то, что нас ждет в ближайшее время.

Ответ на этот вопрос — перерыв. Команда ускорки берет *кое для чего* двухнедельный перерыв, после чего мы вернемся к работе над томами. Над какими именно — пока сказать не можем. Запасайтесь терпением, товарищи.

Хм, что-то послесловие немного длинным получилось. Ну, не страшно.

Спасибо Аметрину за редакт, в этот раз законченный в срок.

Спасибо Саунду за вычитку и за всю душу, вложенную в проект.

Спасибо Мохнату... снова за душу, но вложенную в ирасты. Просто он никому не рассказывает, как над ними корпеет.

Спасибо Элберету за исходники для корпений Мохната.

Спасибо Резелю за его точки зрения, которые можно безболезненно топтать. Шучу. Нам важно мнение всех.

Спасибо моей бете за непрекращающуюся поддержку.

Спасибо читателям за неувядающий интерес к проекту.

Увидимся позже.

Ametrin

[10:09] Ametrin Yellowpupyr:"его мягко прервал тяжёлый рокот мотора"

эт как? : D

[10:09] Soundwave: это "треньдреньдрень**ДРИНЬДРИНЬ**,ДРАААААРАРАРУРАРАРАРАРАРРРРРР! трыньдрынь."

[10:10] Ametrin Yellowpupyr: ...если кто будет возмущаться этой фразой, я отвечу также)

***

О чём это я… Ах да, всем привет. Это был небольшой кусочек из редакторской переписки.

Вот.

Не могу я в длиннопосты (совсем, только что удалил кусок,

основанный на неактуальной информации, поэтому получилось ещё меньше (> <)), поэтому снова благодарности.

Спасибо Арку за великолепный перевод и преданность проекту.

Спасибо Саунду, верному товарищу, за его работу, поддержку и помощь над редактом ускорки.

Спасибо Мохнату, благодаря которому я заканчиваю редакт вовремя (если вы понимаете, о чём я).

Спасибо Резе-няну, который вступается за Мохната, когда мы всей конфой пинаем последнего.

Спасибо Эльберту за сканы и Эромангу (единственное, что читаю помимо ускорки сейчас).

Спасибо разработчикам Скайпа, за то, что у нас есть прекрасная программа коммуникации.

Спасибо читателям, за то, что цените нашу работу.

Ну и раз Арк не хочет говорить, что за ***сюрприз*** вас ждет, то и я не буду. Всем пока.

Soundwave

И снова здравствуйте. Эх, арка закончилась, теперь не получится йохохо... но что ж, поздравляю. Финал арки, конечно, вышел не слишком эпичным, да что там, почти совсем неэпичным, но на фоне следующей это можно стерпеть и простить. Я бы сказал, что сама арка с Бронёй — не что иное, как пролог к арке ISS комплектов, но не будем далеко забегать вперёд.

Ну, в этот раз ничего большего в голову не приходит, так что будем же кратки. Спасибо ребятам за всё, что я обычно пишу в предыдущих послесловиях. Спасибо команде за весёлое времяпрепровождение. Спасибо Самоготу и Кейко, что сайт перестал так часто помирать (и где новый, эу!). «Спасибо» Кавахаре, что снова плеать добавил в гарем новую тян. Спасибо сингулярности, что взорвалась.

P.S. И да, про месяц на этот том. I lied! Йохохохохохохо~

Мохнат

Всем привет.

Иииии… я не знаю, что писать тут. Упоротость я вам не хочу показывать, кусочек упоротого скайпа тоже. Да я бы и сюрприз не готовил бы даже…

Всем пока. Надеюсь, вы остались довольны этим томом.

Rezel

Всем привет. Поначалу я не хотел писать послесловие… но этот чат меня вынудил. А теперь к делу:

[1:36:17] Soundwave: Арк
[1:36:25] Moxnat: арк
[1:36:25] Soundwave: мохнат ленится дорисовать линию
[1:36:31] Moxnat: он на меня жаловатся пришел
[1:36:33] Soundwave: мохнат халтурит!
[1:36:34] Moxnat: не слушай его
[1:36:44] Moxnat: мохнат упорот!
[1:36:59] Moxnat: у саунда даже пруфов нет!
[1:37:10] Moxnat: и вообще тут на моей стороне аж 2 человека теперь
[1:37:18] Moxnat: ты в подавляющем меньшинстве саунд
[1:37:29] Soundwave: эй, два человека, а ну сюда!
[1:37:31] Soundwave: нету? то-то
[1:37:41] Moxnat: рез
[1:37:45] Moxnat: розетка
[1:37:49] Moxnat: поддержите меня
[1:38:12] Резель: Йес! Резель нян-нян полностью поддерживает Мохната!
[1:38:22] Soundwave: предатель! бака!

И гордое оправдание арка:
[1:37:17] arknarok: почувствуй себя воспитательницей в детском саду

До следующей встречи.
Резель Нян-нян

Уголок ответов на вопросы

Вопрос: Почему все девушки крутятся вокруг одного маленького толстого парня?
Ответ: Потому что это гаремник. Закон жанра.
Если же вам интерестен акцент на «маленьком толстом парне»… то это просто такой тип главного героя. Вообще, всех героев можно оценить на две категории — герои, близкие по

духу, и герои-образцы. Второй тип героев обладает недостижимой крутостью и, собственно, служат образцами для подражания, демонстрируя, к чему надо стремиться. Герои первого типа же обладают как достоинствами, так и недостатками. Их жизнь должна задевать эмоциональные струны в душах читателей, и поэтому они проникаются личностью героя. Как правило, такие герои со временем растут, мужают и вдохновляют своих фанатов личным примером.

Например, Бэтмен относится ко второму типу героев, а Спайдермен — к первому.

И, напоследок, советуем подождать выхода 13 тома. Как ни странно, там этот вопрос затронут довольно обстоятельно (видимо, Рэки захотелось самому хоть как-то оправдаться).

Вопрос: Почему Харуюки считает себя мусором, когда его окружает верная тянская свита, и его враги помогают ему с его проблемами?

Ответ: Классическая заниженная самооценка. Человек всю жизнь прожил в постоянном ощущении, что он хуже других, и почти никто его в этом не разубеждал. Результат налицо.

Вопрос: Вопрос на миллион. Чей флактлайт лежит в императорском дворце?

Ответ: Мой.

Вопрос: Откуда у Судзаку свой разум?

Ответ: Все Энеми Ускоренного Мира так или иначе обладают способностью к самообучаемости и самоанализу. Также они умеют формировать новые рефлексы и воспоминания. Естественно, что эта способность тем выше, чем выше уровень Энеми. Особенно ярко эффект проявляется у тех Энеми, которые уже долго обитают на ННП без смертей. Ультры живут на нем уже восемь тысячелетий, и за это время успели самообучиться до разумного уровня. Это самое простое объяснение. Возможно, Рэки потом достанет из кустов какой-нибудь рояль и объяснит все по-другому.

notes

Примечания

1

Звездотворец сменён — как оказалось, правильный вариант «Зведомёт».

2

Wire Hook

3

Lipid Liquid, Жировая Жидкость. Олив произносит именно как «Ликид»

4

Flame Breathe (*sic!*)

5

Parsec Wall, Стена в Парсек.

6

Six Armor, иероглифы означают «Шесть Слоев Брони/ Защиты», слово «Бастион» может означать крепостную стену или же крупный щит, поэтому было выбрано для передачи нюанса «слоистой» защиты.

7

Perfect Match

8

Hammer Rave, Танец Молота.

9

Нет-нет, мы-то помним, что хвост у него вытянулся еще в конце 8-го тома. А вот Кавахара — нет.

10

Shin’i Jab (псевдоназвание).

11

Неуязвимый.

12

Как же хорошо, что за последний час в Ускоренном Мире умирал только Айрон Паунд. Кавахара ведь ни за что не забыл бы какое-нибудь побоище, если бы оно случилось незадолго до этой встречи. Скажем, в прошлой главе. Ну и даже если он вдруг забыл какую-нибудь маленькую битву, мгновенное воскрешение всех ее участников не будет иметь абсолютно никаких последствий, правда?

13

Rocket Straight, Реактивный Кулак (Реактивный Прямой Удар).

14

Contrary Cathedral

15

Theoretical Mirror, по кандзи значение аналогичное: «Теоретическое Зеркало», правда, этот перевод глуповато звучит. Суть как раз в том, что это идеальное с точки зрения физики зеркало (которое используется во всех теоретических расчетах).

16

Похоже, Кавахара и сам забыл, что Хару отключил связь со всеми сетями.

17

Далее Реки всегда относит «Закат» к святому типу. Не знаю, что на него здесь нашло.

18

Hexahedral Compression, Шестигранное Сжатие.